

К 50-летию окончания Казанского авиационного института(КАИ)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГРУППЫ
КАЗАНСКОГО
АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ

Электросталь
Зеленоград
Самара
Дубна
2010 год

Авторы:

*Александров Альберт Георгиевич
Куй-Беда Юрий Терентьевич
Михайлов Александр Павлович
Сбоев Евгений Михайлович*

История одной группы Казанского авиационного института. — Дубна, 2010.

Книга воспоминаний и размышлений о пережитом выпускников третьего, приборного факультета, Казанского авиационного института, посвященная 50-летию со дня окончания его.

На обложке (слева направо): Юра Куй-Беда, Альберт Александров,
Саша Михайлов

СОДЕРЖАНИЕ

Наше поколение живет в период коренных переломов в истории страны (Война, выход в Космос, Перестройка). Повесть о нашей студенческой группе, замысел которой принадлежит Жене Сбоеву, явится неким срезом жизни образованной части нашего поколения. Кроме такого общественно-социального значения, она интересна нам самим, так как мы жили и учились вместе на протяжении шести лет, которые по содержательности мало уступают последующей жизни, и поэтому каждому из нас интересно, что стало с нами после окончания института. Она будет интересна и полезна нашим детям и внукам, которые узнают о нас с другой, во многих случаях неожиданной для них, точки зрения. Повесть может быть помещена в интернете и издана

А.Александров

О НАШЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

А.Александров

КАЗАНСКИЙ АВИАЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ

Бурное развитие авиации в первой трети 20-го века требовало подготовки инженеров для разработки, производства и эксплуатации авиационной техники. Почти одновременно были основаны Московский (1930г.), Харьковский и Казанский (1932г.) авиационные институты. Казанский авиационный институт был основан на базе аэродинамической лаборатории Казанского государственного университета. Одним из основателей института был Н.Г. Четаев.

Первые два десятилетия институт состоял из 2-х факультетов: самолетостроительного и моторостроительного. В 1951г. был открыт факультет авиаприборостроения, а в 1952 г. радиотехнический факультет. 1954г.- это год нашего поступления в Институт на приборостроительный факультет. Это был третий набор на факультет. Особенность правил приема в этом году состояла в том, что всем первокурсникам предоставлялось общежитие. Из опыта наших старшеклассников, уже учившихся в институтах и проспектов, которые мы получили из институтов по нашему запросу, было известно, что в других вузах общежитие предоставляется, начиная со 2-го либо 3-го курсов, либо вообще не предоставляется. Кроме того, стипендия студентов 1-го курса приборостроительного и радиотехнического факультетов Института почти в 2 раза превышала стипендию в других вузах, а на старших курсах стипендия приближалась к среднему заработку рабочего. Место в общежитии и увеличенная стипендия давали возможность учиться без материальной помощи родителей, которую большинство из нас родители не могли предоставить. Эти обстоятельства привели к огромному, по тем временам, конкурсу для поступления на факультет (10 человек на одно место) и удивительной географии место проживания абитуриентов: от Сахалина до Белоруссии, от Коми АССР и Перми до Ростова и Керчи.

Вступительных экзаменов было шесть: математика (устно и письменно), физика, химия, русский язык (сочинение), иностранный язык. Для поступления необходимо было набрать 27 баллов из 30.

Факультет имел одну специальность «авиационные приборы и автоматы» и было принято 100 человек (4 студенческих группы). Через 2 года в 1956г. была открыта новая специальность «Гирроскопические приборы и устройства», на которую была переведена одна группа из нашего потока и 2 группы с радиотехнического факультета.

Появление этой и других новых специальностей и модернизации существующей было связано с подготовкой инженеров для бурно развивающейся ракетно-космической техники.

УЧЕБА

Начало учебы

Одним из событий начала учебы было выступление перед нашим потоком из четырех групп декана факультета доцента Вячеслава Васильевича Максимова. Это был высокий, крупный человек, улыбчивый и склонный в шутке. Он нам напоминал популярного артиста Михаила Жарова. Вячеслав Васильевич окончил наш институт, получив диплом № 1. Декан рассказал нам, в частности, о тех дисциплинах которые нам предстоит изучить. При их перечислении часто встречалось слово «автоматика»: автоматика авиационного двигателя, автопилот, теория автоматического регулирования и т.д. Он подчеркнул трудности, которые нам предстоит преодолеть: нужно знать объект автоматике (летательный аппарат, его двигатель и т.д.) и уметь создать аппаратуру для его автоматизации.

Затем начались студенческие будни, в процессе которых мы знакомились и помогали друг другу. В ноябре 1954г. нас поселили в общежитие. Это новое 5-и этажное здание в форме буквы С (центральная часть и два крыла). Нашему курсу была выделена основная часть четвертого этажа. Остальную его часть занимали старшекурсники. Наша группа разместилась в 4-х комнатах:

- ♦ к. 408: Георгий Жернов (Челябинск), Анатолий Охтеров (Удмуртия), Виктор Голикевич (Белоруссия), Владимир Ваньшев.
- ♦ к. 410: Геннадий Кремезной (г. Керчь), Юрий Куй-Беда (г. Улан -Удэ), Альберт Александров (г. Улан -Удэ), Борис Косенко (г. Ростов на Дону), Юрий Здорик (г.Кустанай) Завьялов (г. Новосибирск).
- ♦ к. 418: Евгений Сбоев (Кировская обл.), Анатолий Чижов (Пензенская обл.), Иван Шалагин (Марийская АССР), Анатолий Пойманов (Сахалин), Андрей Косов (город Гусь-Хрустальный).
- ♦ к. 440: Алла Адаменко (Краснодар), Нина Грищенко (Белоруссия), Мария Айсина (Ульяновская обл.).

В других комнатах разместились Саша Юрьев (Марийская АССР), Флюра Рахманкулова (Уфа), Тамара Шульженко (Казахстан), Тамара Шувалова. Из Казани в нашей группе было трое: Ренат Альбетков, Клара Клименко, Равиль Батаев.

Наша группа имела номер 314, где первая цифра означала номер факультета, вторая номер курса, третья- номер группы на курсе. В институте было принято называть факультеты их номерами и поэтому говорили не самолетостроительный факультет, а говорили первый факультет. Вторая цифра в номере группы ежегодно изменялась и поэтому на третьем курсе номер должен быть 334. Однако, в связи переводом одной группы на другую специальность, наша группа получила на третьем курсе номер 333.

До вселения в общежитие мы жили в физкультурном и актовом залах, расположенных в здании радиотехники. которое находилось на площади Свободы рядом с Оперным театром. Примерно по 100 человек в каждом зале, где рядами стояли кровати с небольшим количеством прикроватных тумбочек. Кроме того, непосредственно перед вселением в общежитие мы работали около месяца в колхозе на уборке картофеля. Колхоз располагался в нескольких десятках километров от Казани. В нем не было электричества, а крыши домов были покрыты соломой. Жили мы в избах колхозников по 5-7 человек. Продукты питания: молоко, хлеб, картошка были хорошего качества и в достатке, особенно если учесть, что в эти месяцы в Казани начались перебои.

Трудности учебы.

С первых дней в институте мы ощутили огромную учебную нагрузку: 6-8 часов в институте и 3-4 и более часов дома. Это объясняется, видимо, двумя обстоятельствами. Первое состоит в двойной квалификации, присвоенной нам по окончании института: инженер электромеханик по соответствующей специальности. Это приводило к дисциплинам инженера-электрика: теоретические основы электротехники, электрические машины, электропривод и т.д. инженера-механика: теоретическая механика, сопротивление материалов, детали приборов и т.д. При этом преподаватели теоретической механики и сопромата сетовали нам, что небольшое сокращение объемов их дисциплин по сравнению с объемами для инженеров-механиков приводит к трудностям в освоении последующих курсов «Гироскопичеие приборы» и «Детали приборов». Это было правдой, так, например, в курсе по деталям приборов, который вел доц. Тихонов (в последствии ректор Ижевского механического института), расчет анероидной коробки высотомера занимал целую лекцию, основанную на сопромате. Кроме того, изучалось ряд дисциплин, связанных с летальными аппаратами(аэродинамика, термодинамика, основа авиации и т.д.). Второе обстоятельство заключалось в том, что авиация и ракетно-космическая техника находились в то время, во главе научно-технического прогресса и для сохранения этого положения мы должны были знать достижения научной и технической мысли отрасли. В связи с этим уделялось серьезное внимание фундаментальной подготовке: математике и физике. Так, на первом курсе математику (высшая математика, аналитическая геометрия) у нас вел доц. Иван Александрович Киприянов. Он читал лекции и вел практические занятия. Это был требовательный, любящий свое дело преподаватель. проводя практические занятия, он давал большое количество задач, а на дом и на последующем занятии скрупулезно проверял их решение и ругал нерадивых. О его строгости ходили легенды так, принимая вступительные экзамены у более ста абитуриентов, он поставил только две отличных оценки и одну из них получил студент нашей группы Ренат Альбетков и И.А. Киприянов помнил это и напоминал об этом Ренату, когда тот не выполнял полностью домашние задания.Чтобы получить положительную оценку у такого преподавателя требовалось много и упорно работать. К сожалению, И.А. Киприянов преподавал нам всего один год

и затем уехал в г. Свердловск (из-за жилищных проблем), где защитил докторскую диссертацию по математике. Учитывая такую нагрузку, за нами сохранилась стипендия при сдаче экзаменов на удовлетворительно. Более того, в случае неудовлетворительной оценки, можно было пересдать экзамен в течение сессии. Таким образом, почти все студенты получали стипендию. Однако, не все выдерживали такую нагрузку. После первого семестра были отчислены Юрьев и Завьялов. Последние два-три года нас покинули Флюра Рахманкулова и Тамара Шульженко. Отстали на один год Юра Здорик и Виктор Голикевич. В группе появился новый студент Александр Михайлов, который был переведен к нам. На втором курсе к нам перешел старшекурсник Юрий Долбилов.

БЫТ

Утро

Около семи часов утра мы вставали (занятия начинались в восемь часов) и устремлялись в умывальную комнату и туалет, расположенные друг против друга в двух концах этажа. Для мужской части этажа, которая составляла более 80-ти процентов, был выделен один конец этажа. Однако, это не создавало толкучки, так как в умывальной комнате было восемь кранов холодной воды. В этой же комнате мы стирали одежду, а в баню ездили в центр Казани (на Булак).

Затем завтрак. Обычно — это сладкий чай с хлебом, намазанный сливочным маслом, либо с колбасой. Часто — это конская колбаса, которая в Казани была вкусной и не дорогой. По ее поводу ходил анекдот: чтобы сделать конскую колбасу еще вкуснее, стали выпускать конскую колбасу с рябчиком, по вкусу она не отличалась от прежней и потом поставщиков спросили: «Каковы пропорции конины и рябчиков?» — те ответили: «Исполу (пополам): одна лошадь — один рябчик.»

Чай мы кипятили на кухне, которых на этаже было две. В кухне стояли большие столы, на которые мы ставили электрические плитки. Эти плитки мы покупали вскладчину на каждую комнату.

Дорога в институт

После завтрака мы шли или ехали на трамвае (в зависимости от времени оставшегося до начала занятий) в институт. Дорога занимала 20-25 минут пешком, либо 10-15 минут на трамвае. Общежитие находилось на улице «Поле Ершова». Прямо перед ее фасадами проходило асфальтированное шоссе, рядом с ним трамвайная линия (с остановкой против дверей общежития) и затем, в 10 метрах, забор старого кладбища, в котором были могилы 50 летней давности и более. Кладбище заросло кустарником и лиственными деревьями, однако, многие аллеи сохранились и мы иногда гуляли по ним даже ночью. За кладбищем протекала река Казанка, впадающая через несколько километров в Волгу. На реку можно было пройти через свалку строительных отходов, которая была справа от кладбища. Во время летних сессий некоторые из нас ходили готовиться к экзаменам на берег Казанки, где также купались и загорали.

Если идти по улице по направлению к центру, то слева (рядом с общежитием) будет ветеринарный институт (и перед ним садик), а справа кладбище, а далее Парк Культуры, а за ним Трамвайный парк. Слева жилые дома и напротив трампарка-педагогический институт, затем небольшой сквер и 2-е здание нашего института, за которым следует химико-технологический институт. В каком-то месте улица «Поле Ершова» переходила в улицу Карла Маркса, на которой на площади Располагалось 5-е здание института (здание радиотехнического факультета), через 2-3 квартала от него первое здание, где располагается ректорат и проходили занятия 1-го и 2-го факультетов. Таким образом, большинство зданий института располагались в сущности на одной улице. Исключение создавало 3-е и 4-е здание, где располагались наш факультет и аэродинамическая труба соответственно. Эти здания находились на улице Льва Толстого, перпендикулярной улице Карла Маркса. Эти здания располагались в 2-х и 1-м кварталах от 2-го здания.

Во 2-м здании размещались общенаучные кафедры: математики, физики, химии, а также общетехнические: черчения, теоретической механики, электротехники и т.п. и поэтому занятия на первых двух курсах проходили в основном в этом здании. В нем было мало больших лекционных аудиторий поэтому часть лекций читалось в новом в 3-м здании, где было достаточно таких аудиторий и поэтому в нем читались лекции, а практические занятия проходили во втором здании и в пере-

рывах между «парами» (так назывались всегда сдвоенные часы занятий) мы переходили из одного здания в другое. Второе здание-это бывшее здание архитектурного института и это отражалось в его оформлении: внутри были кафельные мозаичные полы, цветные стекла на больших окнах, широкие лестницы и коридоры. Внешний облик этого двухэтажного здания также был оригинален и привлекателен.

Обед и возвращение в общежитие

После занятий мы шли обедать в студенческую столовую медицинского института, которая располагалась в корпусе напротив 3-го здания. Обеды были недорогие и неплохого качества, в отличие от качества в столовой нашего общежития. (Иногда мы обедали в городской столовой №35, где было подороже, но качество блюд заметно выше и обслуживали официанты). Говорили, что в этом корпусе находился морг, в котором студенты-медики препарировали трупы и поэтому постоянными были шутки и розыгрыши с пальцами трупов в щах и прочими ужасами.

Затем мы возвращались в общежитие. Сразу за входной его дверью был небольшой холл, за ним вахтер и открытые ячейки с почтой. Часто в холле висели объявления коменданта общежития, которые мы обязательно прочитывали как некие юмористические произведения. Вот один из примеров таких его посланий: «Иду я по коридору 3-го этажа и вижу, что комната 324 открыта, захожу в нее и вижу: кровати не застелены, на полу мусор, на столе объедки и недопитая бутылка водки. Товарищи студенты, когда вы будете убирать в комнатах и не будете распивать спиртные напитки». В этом отрывке приведена лишь суть послания, а его стиль и орфография были еще более юмористичны. Таким нехитрым способом комендант, может быть не очень образованный, заставлял нас читать его объявления и старался приучить нас к порядку. Затем мы отдыхали после занятий и приступали к выполнению домашних заданий.

На первом курсе особенно трудоемким было черчение. Уровень требований к выполнению чертежей и чертежным шрифтам был очень высок и соответствовал требованиям к подготовке инженеров-механиков. Читался также курс «Начертательная геометрия», который не помогал нам при выполнении чертежей. Для каждой комнаты общежития институт выдавал чертежную доску. Кроме того, во 2-м и 3-м зданиях было несколько чертежных залов с подвижными рейсшинами.

Ужин мы готовили сами: жарили картошку или лапшу, либо брали в буфете кефир и винегрет.

ЦЕЛИНА

По окончании летней сессии в 1956 году неожиданно для всех нас было собрано общее комсомольское собрание нашего потока, на котором было торжественно предложено всем составом вместо так желанных летних каникул поехать поработать несколько месяцев на целине. Предложение было принято, как говорится, единогласно. Такие же собрания были проведены на других факультетах и, таким образом, все третьекурсники института, за исключением очень немногих отказавшихся от поездки по разным причинам, стали готовиться к необычной поездке. На организованно собранные деньги для своей, 314, группы мы покупали какой-то запас продуктов(хлеб, сахар, макароны и пр.), какую-то посуду и пр. и даже патефон.

Ехали в так называемых «скотовозах» — в товарных вагонах целым составом до города Петропавловска, а дальше — на автомашинах были развезены по разным совхозам. Жили в больших брезентовых палатках, пищу для нас готовили совхозные повара, а принимали её сидя за большими самодельными столами на открытом воздухе. Окружающий пейзаж был очень прост — совершенно ровная степь до самого горизонта во все стороны без единого дерева или какого-то кустика. Грунт песчаный, растительность — скудная и какая-то однообразная. Большие пространства вокруг совхоза были засеяны пшеницей и урожай ее был неплохой, а также встречались и посевы кукурузы.

До начала уборки урожая мы что-то копали, помогали ремонтировать технику и т.д. Нам с Толей Охтеровым пришлось практически самостоятельно ремонтировать самоходный комбайн, потому что закрепленный за комбайном механизатор почему-то появлялся очень и очень редко. Но самым удивительным было то, что после нашего ремонта этот комбайн каким-то образом работал и собирал пшеницу, а мы следили за работой копнителя, разгрузкой собранного зерна и пр.

Еще запомнилось как неожиданно нас, группу человек двадцать, однажды направили на лесоповал. В это было трудно даже поверить, но через несколько часов езды на автомобиле мы оказались, действительно, в прекрасном сосновом бору и нам было поручено спиливать сосны, обрубать с них сучья т.д.

В общей сложности на целине мы проработали не менее двух месяцев. Где-то в начале сентября нам выдали зарплату, посадили в хорошие плацкартные вагоны и возвратили в Казань, предоставив небольшие каникулы. В общем-то можно сказать, что впечатления от поездки на целину были положительные, так как нам довелось своими глазами посмотреть и даже принять непосредственное участие в одном из больших мероприятий, вошедших в историю нашей страны.

При этом нами даже коллективно был составлен гимн, посвященный этому мероприятию на мотив одной из песен того времени, и начинался он словами: «Целина — это не Сочи, на на ни на, солнце светит, но не очень...». Этот гимн так же коллективно был исполнен нами на одном из институтских вечеров в начале третьего курса.

Е. Сбоев

ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ

Помимо поездки на целину нашему потоку довелось участвовать еще в одном общесоюзном мероприятии — переписи населения 1958 года. Произошло это таким образом. Зимняя сессия этого года ожидалась самой легкой из всех предшествующих ей, но нашим надеждам не было суждено сбыться. Перед самой сессией неожиданно для всех нас было собрано общее курсовое собрание, на котором было объявлено, что Родина нуждается в нашей помощи: необходимы переписчики населения. За счет уплотнения учебного процесса нам, всему курсу, предстояло примерно в течении месяца исполнять эту ответственную роль. При этом каждому переписчику было выделено определенное количество жилых домов и поставлена задача в отведенное для переписи время трижды сплошь обойти все квартиры выделенного района, тщательно записывая, проверяя и уточняя специальные анкеты на каждого жителя этого района. Работа начиналась с раннего утра и заканчивалась поздним вечером. Мой участок располагался где-то в районе озера Кабан. Это были, в основном, двухэтажные каменные дома старой постройки. Освещение улиц, дворов и подъездов было довольно слабое и поэтому поначалу ходить там в ночное время мне было страшновато, но никаких признаков недоброжелательства ни на улице, ни со стороны опрашиваемых жителей не наблюдалось, и я быстро освоился с обстановкой.

При этом группа переписчиков, в которую входил я, была приписана к хлебозаводу, где мы могли несколько раз в день попить чаю с сахаром и досыта поесть вкусного белого хлеба какой-то особой выпечки.

Работа переписчика была довольно трудная, но интересная, так как предоставлялась уникальная возможность ознакомиться не только с семейными анкетными данными многих сотен людей, но и непосредственно пообщаться с каждым из них на месте их проживания. Так на моем участке был один пожилой больной мужчина, лично знавший многих исторических личностей нашего государства, в том числе Троцкого и других деятелей и ему так хотелось побеседовать с молодежью обо всех событиях того времени. Для этого нужно было либо нам приехать к нему, либо на такси его привезти к нам в общежитие. Я пытался организовать эту встречу, но дальше разговоров это дело так и не пошло. Помимо этого человека были и другие словоохотливые пожилые люди, беседы с которыми были очень интересны и остались в моей памяти до сих пор.

Возвращаясь мысленно к событиям того времени, и невольно сравнивая нашу современную жизнь с той жизнью, которая была пятьдесят лет тому назад, я должен откровенно и обоснованно признать, что социальная обстановка того времени была несравненно лучше современной. Богатства, лимузинов и изобилия товаров не было. За все время переписи, проходя подряд сотни квартир своего переписного участка, богатую обстановку я встретил всего лишь в одной квартире. хозяин которой был в местах не столько отдаленных, но и на бедность обстановки обратил внимание только в одной квартире старенькой одинокой женщины, которая, видимо в знак благодарности за мое сочувствие к ней, одарила меня такой теплотой и вниманием, что память о ней я до сих пор храню в своем сердце. Никаких признаков трагичности, безисходности и отчаяния мне не встретилось, везде — чистота, спокойствие, аккуратность и доброжелательность. Разве сейчас такое возможно.

Е. Сбоев

ВОЕННЫЕ ЛАГЕРЯ

Кроме обучения военному делу на кафедре Бяллера, после 5 курса мы еще «служили» в Армии. Целый месяц. У нас была военная подготовка в авиационном полку. На нас одели солдатскую форму. Разделили на взводы. В каждом взводе — свой старшина. Когда старшина нашего взвода построил нас и повел в строю, первая его «убойная» команда была — «Запевай!» Видимо, новобранцев, оторванных от материнской груди, трудно было заставить петь. И эта команда давала возможность показать им «Кузькину мать». Но мы сразу дружно запели:

- Нам электричество пахать и сеять будет,
- Нам электричество любую тьму разбудит!
- Нам электричество любой заменит труд,
- Нажал на кнопку — чик чирик, всё тут как тут!

Старшина был в недоумении, у него даже козырек на фуражке поднялся кверху. Видимо, он впервые слышал эту песню. Но когда мы начали петь:

- Заходишь в ресторан, здесь все на электричестве!
- Нажал на кнопку — чик, вино в любом количестве!
- Нажал на кнопку — чик, сосиски с колбасой! — старшина начал восторженно хохотать,

прыгать и хлопать себя по бедрам. Фуражка вообще слетела у него с головы.

Но уж когда мы запели:

- Нажал на кнопку — чик, и ты уже косой!
- Нажал на кнопку — чик, и ты идешь домой,
- Жена тебя встречает электрокочергой!

Старшина пришел в такой восторг, что трудно даже описать.

Наш военный городок был в виде прямоугольника, окруженного по периметру деревянным забором. По периметру прямоугольника стояли кирпичные дома — казармы. Внутри прямоугольника было пусто, как футбольное поле, а дома — казармы — это трибуны зрителей. И наш старшина вечерами, после ужина, выстраивал нас и строем проводил вдоль всех домов — казарм, по кругу. Несколько раз. Мы пели песни про электричество, про то, что «не пьющие соседки редки» и другие песни. А старшина гордый и довольный шел рядом и смотрел на окна казарм, достаточно ли зрителей смотрят этот концерт.

Жили мы, наш взвод, в учебном корпусе. В одной из учебных аудиторий убрали мебель, поставили кровати. Ночью все должны спать, но один солдат должен дежурить, не спать всю ночь. Пришла моя очередь дежурить. Я ходил, ходил по коридору. Надоело. Зашел в один из учебных классов, включил свет. Там стояли наглядные пособия. Это была турбина двигателя. Турбина — это колесо диаметром метра полтора с многочисленными лопатками по всему периметру. Лопатки штампованные, острые, как бритва, по краям. Этому я не придавал значение. Установлено это огромное, тяжелое колесо было на каком-то хилом постаменте из тоненьких деревянных брусочков. Этому я тоже не придавал значения. Я решил подробно изучить это чудо техники. Только я к нему прикоснулся, постамент зашатался, и это огромное колесо повалилось на меня. Вместо того, чтобы отпрыгнуть в сторону, я всем телом бросился на этот постамент, чтобы предотвратить аварию. Но это чертово колесо мгновенно рухнуло всей своей массой и одной из лопаток, как бритвой, разрежало мне гимнастерку, брюки-галифе до самого низа, смяло сапог в гармошку и остановилось на полу.

У меня началась паника. Я не думал о том, что до смерти оставалось не четыре шага, а один миллиметр. Я думал, что будет, что будет? В голове вертелись всякие самые жестокие наказания. Что делать, что делать? Я пошел в аудиторию, где все спят. Разбудил Анатолия Чижова. Решил, что он даст самый мудрый совет в этой ситуации. Ничего не говоря привел его по темному коридору в освещенный класс. Увидев чертово колесо на полу и меня полуголого, он очень громко произнес:

— Ха! Ха! Ха!

Я жалобно скулил:

- Что мне будет, что мне будет, что мне будет?
- Надо думать, как оформить документы на орден, Александр Матросов!

Обдумав план дальнейших действий, Анатолий взял руководство ликвидацией аварии на себя. Под его руководством и по его проекту мы собрали новый постамент из оставшихся щепок. Наступил ответственный момент — водрузить чудо-колесо на этот чудо-стенд. Объяснив мне план действий и предупредив меня «не стрелять» без команды, Анатолий дал первую команду на подъем.

Осторожно, поэтапно, мы подняли и поставили на место это чудо-колесо. Затем по команде Анатолия отскочили в сторону. Стоит, неужели стоит? Правда, стоит!

— А что мне с формой делать? Накажут ведь, — опять я начал скулить

— Идем, Александр Матросов,- скомандовал мой командир.

Мы пошли к его кровати, он вынул из своей тумбочки пакет со швейными принадлежностями. Подобрал мне подходящую иголку и нитки. Показал, как надо правильно, чтобы не было заметно, зашить гимнастерку и брюки.

— До утра еще много времени, работай, старайся. Я утром проверю. Утром действительно проверил, сказал:

— Молодец, освоил смежную профессию, под старость — кусок хлеба!

Дефект формы никто не заметил, так я ее и сдал.

А. Михайлов

Еще одно воспоминание о военных лагерях

Сразу после окончания пятого курса нас, как будущих офицеров запаса, для завершения обучения и прохождения стажировки по своей военной профессии на месяц отправили на один из военных аэродромов, располагавшийся в западной Белоруссии. К месту назначения ехали на третьих полках плацкартных вагонов с пересадками в Москве и Вильнюсе. При этом на прямом и обратном путях как в Москве, так и в Вильнюсе были большие многочасовые стоянки и поэтому у нас было вполне достаточно времени для ознакомления с достопримечательностями этих городов. Первая встреча с Москвой, осмотр ее центральной части: кремля, Красной площади, Большого театра, посещение Третьяковской галереи и ВДНХ произвели на меня неизгладимое впечатление. Золотые купола кремлевских храмов до сих пор стоят перед глазами и согревают мое сердце своим сиянием. Я так мечтал все это увидеть и вот моя мечта сбылась. Я действительно чувствовал себя реальной частицей своей великой и могучей Родины и от этого был счастлив.

По приезду в воинскую часть нас одели в солдатскую форму, поселили в казарму и в течении месяца, приобщая к воинской жизни, проводили физическую, строевую и огневую подготовку, знакомили с приборным оборудованием самолетов ИЛ-62 и порядком его обслуживания и пр. Теоретические занятия в форме бесед обычно проводились на свежем воздухе, где-нибудь на лужайке или на берегу озера, в непринужденной обстановке.

На одном из занятий по огневой подготовке я первым выстрелом каким-то чудом попал прямо в десятку, что якобы в жизни бывает очень редко. Поэтому посмотреть на второй выстрел собрались все присутствующие на стрельбище, но вторая пуля ушла уверенно в «молоко».

Через пару недель занятий в торжественной обстановке мы дали присягу на верность Родине, а через месяц нам вернули гражданскую одежду и тем же путем вернули благополучно в Казань. На этом весь институтский курс обучения был закончен. Впереди оставались последние летние каникулы, преддипломная практика и защита диплома.

Е.Сбоев

О НАШИХ ВСТРЕЧАХ

Е.Сбоев

1970 год. КАЗАНЬ

Самой массовой, яркой, бурной была наша первая общекурсовая встреча в Казани через десять лет после окончания института в июне 1970 года. Я тогда работал в МКБ «Радуга» в Дубне. Получив приглашение на встречу я вместе с ним, задумавшись, пошел к начальнику своего отдела Хайкину Рафаилу Шавеловичу. После короткого, но радушного разговора мне была оформлена командировка на несколько дней в Казань, и я оказался счастливым участником этой, действительно, неожиданной для меня встречи с однокурсниками.

Встреча началась сбором ее участников у входа в первое учебное здание в двенадцать часов дня в пятницу. После сбора, радостных взаимных приветствий и первых впечатлений все собравшиеся в одной из аудиторий института провели небольшое торжественное собрание с участием прибывших на встречу наших преподавателей.

Далее, после небольшой автобусной экскурсионной поездки по городу, фотографирования на память о встрече на фоне Казанского кремля и размещения на ночлег, нас ожидал шикарный банкет в новом, только недавно открывшемся национальном татарском ресторане в центре города. Вино, разнообразные вкусные закуски, тосты и танцы — по полной программе и ни одного сильно захмелевшего.

На следующий день, в субботу, — поездка на двух заказных автобусах за город, в лес, на реку Казанку. Погода удалась отличная, посреди поляны на большом брезентовом полотнище — и стол, и дом, и угощение на целый день. Игры, купание, песни под аккомпанемент баяна Виктора Юдина, танцы и пляски — до вечера. На этом обязательная программа встречи заканчивалась. На следующий день, в воскресенье, мы с Сашей Михайловым поехали на остров Маркиз, вернее на то, что осталось от любимого места отдыха казанцев после заполнения водою Куйбышевского водохранилища водою. А остался от него незатопленным небольшой кусочек земли размером в несколько десятков квадратных метров, на котором и провели мы последний день нашей незабываемой встречи с товарищами с пятого факультета, с которыми вместе пять лет жили в одной общежитии, а с некоторыми из них работали три года в Красноярске.

Как бы подводя итог воспоминаниям о нашей первой встрече, хочется сказать о том, что в первые моменты нашей встречи невольно бросались в глаза те внешние изменения, которые произошли с нашими товарищами за прошедшие годы, а некоторых из нас жизнь изменила очень здорово. Но через некоторое время эти внешние перемены как бы испарились и мы каким-то чудесным образом перенеслись душой и телом на десять лет назад и с учетом опыта прожитых лет ощутили то, что в то время ощутить и оценить мы были неспособны. И это так и было. Я вспоминаю, как однажды преподаватель немецкого языка, войдя в аудиторию и будучи после прогулки по весеннему городу в лирическом настроении, свой урок неожиданно начала словами: какие вы, все-таки, счастливые, ребята! Я ее тогда точно не мог понять при всем своем старании. И это, наверное, потому, что истинное счастье измеряется и определяется не материальными составляющими, а чем-то другим, может быть состоянием духа человеческого. А это описать невозможно, можно только испытать и ощутить своим сердцем.

1980 год. КАЗАНЬ

Вторая наша общекурсовая встреча, как и было решено на первой встрече, состоялась ровно через десять лет после нее в июне 1980 года тоже в Казани, по тому же сценарию — общий сбор собравшихся у входа в первое учебное здание, небольшое торжественное заседание, автобусная экскурсия по городу нашей юности, фотографирование, ужин — это программа на пятницу. В субботу — традиционный выезд на целый день на Казанку, а в воскресенье — свободная программа. Все было как десять лет назад, но только собралось нас чуть поменьше числом, да и порошу в пороховницах поубавилось, и банкетный зал был классом пониже. Но все эти незначительные детали в процессе встречи были совершенно забыты и мы опять на пару дней вернулись душою в атмосферу

счастливой студенческой юности своей. Правда мы с Сашей Михайловым где-то в середине второго дня выбыли из игры, так как у него случился какой-то приступ в области живота и после вызова скорой помощи его отвезли на квартиру к Мише Туганову, нашему однокурснику, где мы за ним ухаживали до понедельника. В понедельник его уложили на койку в больницу, а я еще в воскресенье улетел самолетом домой, по пути заехав в Зеленоград, чтобы лично рассказать Сашиной жене о случившемся. Вот такая получилась несколько грустная история

1990 год. КАЗАНЬ

Наша очередная, третья по счету, общекурсовая встреча состоялась в июне или июле 1990 года по прежнему, уже отработанному, сценарию. Все за прошедшие десять лет, естественно, чуть-чуть изменились, но через какое-то время в процессе встречи опять перенеслись всем своим существом в счастливые студенческие годы, отключившись от всех тревог и забот на эти, действительно, забываемые дни.

На этой встрече было принято решение о том, чтобы следующие встречи проводить не через десять, а через пять лет. При этом Юра Старцев, будучи уже директором Арзамасского приборного завода, предложил ближайшую встречу в 1995 году провести в Арзамасе, в профилактории их завода. Предложение было охотно всеми принято и через пять лет исполнено.

Еще запомнилось, как в пятницу вечером, возвращаясь с банкета, в троллейбусе наши товарищи вполголоса запели какую-то песню, их поддержали другие участники встречи, причем пение получилось какое-то такое спокойное и душевное, что запало в душу и запомнилось, наверное, на всю жизнь. И так вот по ночным, притихшим улицам Казани шел поющий троллейбус, вызывая недоумение у встречных прохожих и у наших попутчиков-пассажиров.

Следующий, воскресный, день мы, все выпускники нашей учебной группы и участники этой встречи, провели на даче Толи Пойманова, расположенной прямо на берегу Волги, где он радушно принимал всю нашу группу уже третий раз, но мы с Сашей Михайловым здесь были впервые. Дача была в полном порядке и Толя подробно рассказал о всех своих садоводческих делах, особенно о своих любимцах — пионах, торжественно вручив всем нашим девушкам по шикарному букету тут же на месте срезанных цветов. Альбетков Ренат в это время занимался добровольно взятым на себя ответственным делом — приготовлением национального татарского блюда — плова, при достижении готовности которого началась наша трапеза. Так в разговорах, воспоминаниях, шутках и этот, последний, день очередной нашей встречи подошел незаметно к концу.

Заканчивая воспоминания об этой встрече, хочется отметить то, что эта встреча получилась как-то особенно теплой и сердечной. Особенно трогательным было прощание с нашими товарищами — казанцами на вокзале перед отходом поезда, которое, наверное, было обусловлено тем, что вместе с нами уезжала Алла Кремезная, которая на предшествующих двух встречах не была и по ней просто все за это время как-то соскучились.

И еще, пользуясь удобным случаем, просто считаю необходимым от имени всех наших одногруппников — участников общекурсовых встреч в Казани, третий день этих встреч традиционно проводивших на даче Толи Пойманова, от всей души поблагодарить Толю за его беспримерное радушие и щедрость. И да воздаст ему Господь за все его труды и истинно христианское гостеприимство.

1995 год. АРЗАМАС

Юра Старцев, директор Арзамасского приборного завода, свое обещание, данное на предшествующей нашей встрече, добросовестно выполнил. Так, например, нас с Сашей Михайловым он встретил на вокзале и сам лично управляя директорской черной волгой, отвез в свой профилакторий, по дороге подробно рассказав о том, как он его организовывал, а также о том, какие меры он предпринимает для выживания завода в условиях развернувшейся перестройки. Так, действительно, удивительным образом мы доехали до места, где нас разместили в удобном двухместном номере. Встреча началась с добротного угощения, где было все — и водка, и вино, и пиво и разные кушанья, в том числе отменный шашлык, практически, в неограниченном количестве. Во время этого застолья и поговорили обо всем, и попели, и потанцевали под звуки аккордеона и все это было заснято видео-

камерой. В перерывах между застольями были и прогулки по окружающей местности с купанием в озере, и сауна, и парная с купанием в закрытом бассейне, а также две автобусные экскурсии — одна по городу, с посещением завода и ознакомлением с выпускаемой продукцией, в том числе с новыми приборами для медицины и других нужд народного хозяйства. Посетили мы и осмотрели то место, где не за долго перед этим произошел довольно мощный и загадочный взрыв на железнодорожных путях и выслушали комментарии и размышления на эту тему, а также ознакомились с прекрасным храмом в центре города. Во время второй, более длительной поездки, посетили Дивеево, жаль только, что она была не очень четко организована, но приложиться к мощам преподобного Серафима и бегло ознакомиться с монастырем я успел. Слава Тебе, Господи, за это!

Все эти дни Юра Старцев, оставив все свои директорские дела, практически, постоянно был с нами, а в заключение он объявил, что все расходы по проведению встречи он берет на себя, за что, естественно, мы все были ему очень признательны. Воздай ему, Господи, Христа ради сполна за всю эту доброту и радушие! Вот такая удивительная встреча была у нас в Арзамасе. Наверное, все-таки без молитвенной помощи преподобного Серафима тут не обошлось.

2000 и 2005 годы. КАЗАНЬ

В 2000 и 2005 годах наши традиционные встречи в Казани состоялись, но мне, к сожалению, по состоянию здоровья принимать в них участие не довелось. Как-то в это время Саша Михайлов, рассказывая мне о встрече 2000-го года, высказал сожаление о том, что на этих встречах нет возможности узнать о том, кто какими вопросами в своей работе занимается и кто что сделал за эти годы. Это его замечание как-то запало мне в душу и я, поразмыслив, написал письмо Лене Кляйнерману, одному из главных организаторов наших встреч, с предложением о том, чтобы попытаться собрать такую информацию, оформить ее в виде сборника и издать небольшим тиражом к очередной встрече, но ответа не получил. Тогда мы с Сашей Михайловым решили попытаться собрать местную мини-встречу с такой повесткой дня прямо у него в мастерской по пошиву сумок с участием близживущих наших товарищей — Кремезных Аллы и Гены, Жоры Жернова и Александровых Альберта и Алевтины.

Примерно в это же время Саша Михайлов с очень серьезным и сосредоточенным видом высказал мне соображение-вопрос о том, что он никак не может понять — как можно иметь высшее образование и верть в Бога. Вопрос, естественно относился ко мне. Я ему что-то ответил, но, в порядке более обстоятельного ответа, подготовил небольшую подборку поучений святых отцов на эту тему с намерением ознакомить с нею и участников намечаемой встречи. Но довести до конца дела по организации встречи почему-то не удалось. Прошли годы и я уже обо всем этом совершенно забыл. И вдруг совершенно неожиданно летом 2007-го года я получаю очень серьезное приглашение от Александровых на их золотую свадьбу, собираясь на которую в качестве подарка и юбилярам и всем однокурсникам, приглашенным на нее, я приготовил по подборке печатных материалов, изданных мною к этому времени, в том числе и книгу о духовном возрождении Дубны, в которой приведено достаточно много достоверных материалов не только о позитивном отношении выдающихся ученых Дубны к религии, но и о реальном участии их в духовном возрождении города в самые трудные годы перестройки. И еще у меня было намерение пригласить всех участников предстоящей встречи в качестве слушателей на конференцию «Наука. Философия. Религия», которая должна была пройти в Дубне в ноябре текущего, 2007 года.

14—15 июля 2007 года. ФРЯЗЕВО.ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Золотая свадьба Александровых отмечалась в субботу, 14 июля 2007 года на их даче, расположенной недалеко от ж/д платформы Фрязево Курского направления. Среди приглашенных были их ближайшие родственники, близживущие однокурсники-выпускники нашей, третьей, учебной группы — Жора Жернов из Москвы, Саша Михайлов из Зеленограда, Кремезные Гена и Алла из Менделеево, я из Дубны и Юра Куй-Беда из Самары. Свадебный памятный вечер прошел, как говорится, в теплой, дружеской обстановке. Очень трогательно было смотреть на золотых юбиляров и слышать такое душевное и сердечное поздравление школьного товарища Альберта, Юры Куй-Беды, да и всех участников этого незабываемого торжества.

По окончании праздничного ужина мы пересели к костру, который был разведен для приготовления вкусного угощения из какой-то рыбы, а потом допоздна согревал нас в трудном разговоре о пережитом, о наших текущих делах и о нашем бедном отечестве. Перед началом разговора вопрос был поставлен, примерно, так. Вот мы, выходцы из разных регионов бывшего Союза, преодолевшие при поступлении в довольно престижный ВУЗ страшный конкурс один к десяти, прошедшие, во-первых, шестилетний путь напряженной учебы в институте в составе одной учебной группы, во-вторых, без малого пятидесятилетний путь взрослой жизни, работая на разных предприятиях оборонного комплекса и, периодически, через каждые пять — десять лет приезжая на общекурсовые встречи, что мы сегодня здесь можем сказать самим себе, друг другу, своим близким и всем другим о сути прожитой жизни, о том бедственном положении, в котором оказалось наше Отечество в результате, так называемой, перестройки и мы вместе с ним, о том, кто в этом виноват и что делать всем нам в этой ситуации.

Разговор начался не сразу, но постепенно разговорились все мужчины и эмоционально, взволнованно, сумбурно высказались о всем наболевшем за эти трудные годы перестройки. В общем, как говорится, выпустили пар, сказав попутно что-то о наших общих проблемах и о виновниках их появления, а на анализ создавшейся ситуации и поиски возможных путей спасения ни сил, ни времени уже не осталось. Я тоже пытался что-то сказать о православном подходе ко всему происходящему, но меня слушать не захотели. Я настаивать не стал, потому что еще за столом, в порядке ответа на высказывание Александрова о моем визите к директору Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), академику Боголюбову Николаю Николаевичу, как депутату Верховного Совета СССР, я успел в спокойной обстановке кое что существенное сказать по повестке нашего дня.

На следующий день, после утренней трапезы все стали не спеша собираться к отъезду. Перед отъездом я всех известил о реальной возможности в качестве слушателей принять участие в предстоящей конференции «Наука. Философия. Религия» в Дубне в конце октября текущего, 2007-го, года. При этом Альберт выразил желание принять участие в работе ее. Все остальные промолчали.

8 октября 2007 года. МЕНДЕЛЕЕВО

Объявив участникам встречи у Александровых о конференции и чувствуя свою ответственность перед товарищами, я договорился о том, чтобы в случае приезда их всех пропустили на конференцию, а после этого приступил к проработке вопроса о их размещении на ночлег, желательно удобный и недорогой. Именно такой ночлег удалось найти с благословения настоятеля Смоленского храма отца Виталия Шумилова в помещении православной гимназии, созданной и существующей при этом храме. После этого, недели за три до конференции «Наука. Философия. Религия», я поехал в Москву, Зеленоград и Менделеево, чтобы вручить однокашникам фотографии о нашей встрече у Александровых и лично пригласить их на предстоящую конференцию. С Жорой Жерновым мы встретились и переговорили у Савеловского вокзала, при этом он обещал подумать о поездке на конференцию. Далее я поехал в Зеленоград к Саше Михайлову и вместе с ним мы, предварительно позвонив, уже поехали в Менделеево к Кремезным. Фотографии были встречены с большим восторгом, а далее начался трудный разговор о конференции, о вере и прочее, который затянулся допоздна и мне пришлось заночевать в Менделеево. Хотя прямого отказа от участия в конференции ни от кого из опрошенных не было, но и особой надежды на успех моей поездки тоже не было и я чувствовал себя каким-то уставшим и разбитым.

Но все же эта поездка не оказалась напрасной. Получилось так, что в ответ на вполне справедливое замечание Аллы о том, что все эти наши разговоры какие-то не такие, какими бы хотелось их иметь, а они, действительно, показали, что мы не имеем навыка разумно и результативно вести серьезные деловые разговоры, я уже только утром, на свежую голову, предложил эти разговоры заменить письменным изложением своих продуманных размышлений о том, что каждый из нас считает нужным и необходимым высказать. Фактически, это было начало зарождения идеи написания нашей коллективной повести о судьбе нашей третьей учебной группы, третьего факультета КАИ, выпуска 1960 года.

30—31 октября 2007 года.
ДУБНА. КОНФЕРЕНЦИЯ «НАУКА. ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ»

Хотя я и мало надеялся на то, что кроме Александровых еще кто-то из наших товарищей придет на конференцию, но на всякий случай на всех заказал пропуск в зал заседаний дома международных заседаний (ДМС) Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), где проходила конференция, а также подготовил ночлег в православной гимназии и закупил самые необходимые продукты, загрузив их в кухонный холодильник гимназии.

На конференцию, действительно, приехали только Александровы Альберт и Алевтина и двое молодых научных сотрудников, работающих вместе с Альбертом.

Организаторами этой, одиннадцатой конференции под общим названием «Наука. Философия. Религия», а тематически озаглавленной «Культура и свобода» были: ОИЯИ, Московская духовная академия, МГУ Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы. Конференция собралась ровно через семь лет после проведения предыдущей, десятой, ежегодной конференции, при этом, в составе ее и участников и докладчиков произошли заметные изменения. Появились новые, более молодые энергичные докладчики, которым было явно тесно в рамках зарегулированного регламента. Работа конференции проходила два дня — 30 и 31 октября с бесплатными, очень вкусным и разнообразным питанием во время перерывов, а в конце первого дня заседаний нам выдали приглашительные билеты на ужин в ресторане «Дубна». Ужин был настолько «силен», что трудно это описать. В общем, мы с супругами Александровыми втроем сидели за большим столом, сервированным на восемь персон такими закусками и яствами, которых до этого я и в глаза не видывал, и, вкушая их, с грустью и сожалением вспоминали своих друзей, упустивших по неведению своему не только радость духовного общения с участниками конференции, но и этот действительно, великолепный ужин. Ночевали втроем в гимназии, а к заготовленным в холодильнике продуктам, практически, и не прикоснулись. Второй день заседаний был таким же интересным, но в связи с предстоящей довольно дальней дорогой супругам Александровым пришлось уйти из ДМС не дождавшись окончания конференции.

На прощанье Александровы заявили, что и конференция, и город Дубна, и особенно Смоленский храм, приютивший их, так им понравились, что они решили, что в ближайшее же время Альберт будет креститься, а потом они будут венчаться и все это они намерены делать только в Смоленском храме города Дубны и только у отца Виталия.

17 —18 ноября 2007 года. ДУБНА.
КРЕЩЕНИЕ. ВЕНЧАНИЕ. ПРАВОСЛАВНАЯ СВАДЬБА

Не откладывая исполнение своих добрых намерений о крещении и венчании в дальний ящик и предварительно созвонившись, утром 17 ноября 2007 года Александровы прибыли в Дубну. Я их с волнением встретил на вокзале, откуда мы прямым ходом отправились в Смоленский храм на Божественную литургию. После окончания литургии уже в храме Блаженной Ксении Петербургской отец Виталий Шумилов крестил Альберта с трехкратным погружением с макушкой в воду и присвоением ему православного имени Александр в честь сщмч. Александра пресвитера (1937), память которого отмечалась в этот день.

После крещения поехали к нам на квартиру, где отметили это, действительно, историческое для Альберта-Александра событие, он ведь родился духовно в жизнь вечную, стал сыном Божиим, а мы с ним духовно породнились не веки вечные. Слава Тебе, Господи!

Александровы познакомились с моею женою Машей и дочерью Леною. Алевтина довольно подробно рассказала о своей жизни, в том числе о многих, проблемах, болезнях и скорбях, которые Александровым многие годы, действительно, по-христиански приходится нести в этой жизни. Помоги им, Господи!

На следующее утро вчетвером, Александровы и мы с Машей, поехали в Смоленский храм на воскресную литургию, по окончании которой отец Виталий по всем православным правилам обвенчал Александровых. Так было завершено, действительно, великое дело в жизни супругов Александровых Альберта-Александра и Алевтины. Дай Бог им в мире, счастье и согласии прожить многие лета и по-христиански перенести все искушения, скорби и болезни этой земной жизни.

По возвращении домой мы в тесном кругу отметили и это знаменательное для Александровых событие, которое с полным основанием можно назвать православной свадьбой. В один год — золотая и православная свадьба, какое редкое и удивительное сочетание. В этот раз Альберт-Александр рассказал кое-что из своей, несомненно, интересной жизни, что на всех нас, особенно на нашу дочь Лену, произвело, действительно, неизгладимое впечатление. В общем, есть все основания полагать, что в эти два дня была явлена великая милость Божия не только теперь уже православным супругам Александровым, но и нам, как свидетелям и непосредственным участникам этих удивительных событий. Слава Тебе, Господи!

А также в эти два дня, да и во время предыдущего визита Александровых в Дубну, мы с Альбертом обсудили идею написания письменных воспоминаний о прожитой нами жизни и он к ней очень серьезно отнесся. Практически с этого времени началась сложная, многогранная и очень А также в эти два дня, да и во время предыдущего визита Александровых трудоемкая работа над книгой о судьбе выпускников нашей группы. При этом он всю основную работу взял на себя, поручив мне только связь по вопросам написания книги с нашими товарищами, живущими в Самаре, Ульяновске, Менделеево, Зеленограде. Несколько месяцев спустя он выдал письменный текст общей части книги и описание своей трудовой деятельности, которые, как примерный образец я разослал своим подопечным.

22 июля 2008 года. МОСКВА.НИНА ГРИЩЕНКО

В июле 2008 года Нина Грищенко ехала из Самары в Белоруссию, на свою родину, повидаться со своими родственниками. Я об этом узнал из телефонного разговора с ней и, пользуясь удобным случаем, предложил ей во время пересадки в Москве встретиться и переговорить о наших книжных делах. Встретиться договорились на Савеловском вокзале. И вот в назначенное время захожу я в зал ожидания вокзала и вижу Нину через восемнадцать лет после последней нашей встречи в Казани в 1990 году. Встретились, поговорили. Она рассказала о своей работе на заводе «Прогресс», о Толе Чижове, с которым она была в неплохих отношениях, и он даже существенно помог ей в решении квартирного вопроса.

Нина, по своей скромности, не видела необходимости писать что-либо о себе, но я, как мог, пытался убедить ее в обратном, тем более, что она через кого-то еще имеет возможность общаться с Толей Чижовым, и я убедительно просил ее передать Толе предложение принять участие в написании нашей коллективной повести, а также написать и свои воспоминания о нем, действительно, самом выдающемся нашем товарище-однокурснике. Она обещала подумать обо всем этом.

По окончании беседы я ее проводил до метро, и на прощание подарил ей подборку своих книг с искренним пожеланием приобщиться к нашей православной вере, тем более, что она была в детстве, как и многие из нас, крещена.

Из более поздних разговоров с Ниной стало известно, что она, хотя и неуверенно, но начала что-то писать о своей жизни, что удалось через кого-то передать Толе Чижову предложение принять участие в написании нашей книги и что он обещал об этом подумать. Но самое главное, что меня особенно порадовало, в одном из телефонных разговоров она сказала о том, что иногда бывает в храме, но до исповеди и причащения дело пока еще не дошло. Помогите ей, Господи, преодолеть всякое смущение и приобщиться к главному нашему спасительному утешению в этой земной жизни — причащению пречистых небесных и животворящих Христовых тайн.

2—4 августа 2008 года. ФРЯЗЕВО

На 2 августа 2008 года Альберт опять пригласил нас, участников их золотой свадьбы, к себе на дачу по поводу очередного приезда его друга Юры Куй-Беды, а также с целью обсуждения состояния дел по написанию нашей коллективной повести. Со времени принятия решения о написании книги прошло около года, а кроме Альберта, практически, никто к делу не приступал. Я, правда, предчувствуя это, попытался сделать первые карандашные наброски своих воспоминаний, осознав при этом, что инженерная моя деятельность, откровенно говоря, ничего интересного не представляет и можно было бы, может быть, что-то вспомнить о книжных делах, но для этого нужно было благословение батюшки, потому что тут дело пахло исповедью, так как связано с очень сокровен-

ными, тонкими и деликатными моментами в отношениях с духовными моими руководителями в этих делах, да и без описания своего внутреннего духовного состояния тоже обойтись было бы невозможно. Я обратился с этим вопросом к отцу Виталию Шумилову, который решительно благословил писать исповедь, но делать это без всякого поучительства, просто для того, чтобы откровенно рассказать о своем пути к Богу, к поиску истины. При этом он посоветовал прочесть исповедь блаженного Августина. Отец Илия Шугаев тоже уверенно дал свое благословение писать эту книгу с обещанием помогать в этом, по его мнению, очень нужном деле. Позднее отец Александр Макаров, настоятель храма Преображения Господня в поселке Запрудня, тоже заинтересовался нашей книгой и дал свое благословение на работу над ней. Озалось, что он, будучи военнослужащим, тоже какое-то время, может быть одновременно с Юрой Куй-Бедой, работал на Байконуре и он настоятельно рекомендовал как можно подробней описать даже различные бытовые подробности, связанные с жизнью и работой на Байконуре.

На встречу, помимо Юры Куй-Беды, приехали только мы с Сашей Михайловым, Жора и Кременные приехать не смогли. Поскольку целью встречи было обсуждение вопросов, связанных с работой над книгой, о ней, в основном, и говорили во время вечерней трапезы. Утром, после завтрака, Юра, развернув перед собою старый календарь с крупным изображением ракет, производимых его родным заводом «Прогресс», очень серьезно и довольно подробно рассказал нам о своей работе на космодроме Байконур. Потом Саша Михайлов не менее подробно тоже рассказал о своей работе и жизни рассудительно, с чувством, с толком, с расстановкой. Ну и в заключение я кратко рассказал кое-что о себе.

После обеда Саша поехал в свой Зеленоград, а я остался еще на одну ночь. При этом, после Сашиного отъезда Юра обратился ко мне с каким-то вопросом на духовную тему, в процессе разговора на которую я предложил ему, для большей наглядности в процессе рассмотрения интересующей его темы, пойти в соседний храм и там на месте обсудить эти вопросы. Мое предложение было принято и мы с ним неспешно прогулялись до этого храма. Там на месте, в безлюдном храме, я ему спокойно рассказал и показал как правильно по-христиански войти в храм и выйти из него, как написать и подать записки о здравии и упокоении своих близких, родных и знакомых и ответил на все его вопросы. Полагаю, что все это как-то помогло Юре сделать свои первые самостоятельные шаги в храм, куда он, по его словам, стал иногда ходить. Слава Тебе, Господи! Помоги ему, Господи, утвердиться на этом спасительном пути.

На следующий день с утра мы с Альбертом и Юрой поехали в Москву, Альберт на работу, а мы с Юрой на свои вокзалы, Курский и Савеловский. На память об этой встрече остались две фотографии, как Юра Куй-Беда и Саша Михайлов рассказывают о своей работе. Особенно выразительной получилась фотография Юры, как он в костюме, сосредоточенно-торжественно стоя перед плакатом со своими изделиями, рассказывает нам о своей работе в Байконуре. Так и хочется эту фотографию поместить на обложку нашей книги.

1—2 августа 2009 года. ФРЯЗЕВО

01—02 августа 2009 года Александровы опять собрали всех участников их золотой свадьбы на своей даче во Фрязево. При этом Альберт встречал нас на станции не на старом, повидавшем многие виды, запорожце, а на новой недорогой иномарке отечественной сборки. Их скромный, очень небольшой садовый домик тоже заметно преобразился и существенно расширился за счет добавления новой добротной деревянной пристройки. Мы все искренне порадовались за хозяев дачи в связи с этими благоприятными изменениями в их жизни и первые несколько часов встречи прошли, действительно, под знаком этих изменений.

В связи с тем, что мы собрались в канун очень строгого христианского праздника — Ильина дня, я не мог не пойти на вечернее богослужение, тем более, что буквально недалеко от дачи имелся очень приличный храм, куда я и направился, оставив своих товарищей в самый разгар нашей первой трапезы. Это был тот самый храм, который мы с Юрой Куй-Бедой посетили во время прошлой встречи, стоящий посреди довольно большого кладбища. Мое внимание было привлечено к самому зданию храма довольно больших размеров и оригинальной архитектуры с обилием золоченых лепных украшений внутри его и множеством больших старинных икон. В добавление к этому, меня буквально поразило пение церковного хора, в котором явно выделялись два голоса, один мужской,

сильный и выразительный, а другой женский, который я описать даже не берусь. В общем, в этот вечер душа моя, действительно Наверное побывала если не на небе, то где-то вблизи его. Слава Тебе, Господи, за это совершенно неожиданное для меня утешение.

Вернувшись из храма я присоединился к продолжающейся трапезе своих друзей. Чувствовалось, что в мое отсутствие обо мне шел какой-то разговор. При этом Гена обратился ко мне с заведомо неразрешимым каким-то вопросом на религиозную тему. Я тщетно начал было что-то ему объяснять, но Юра и Альберт деликатно поддержали меня, задав Гене пару встречных вопросов и Гена успокоился и через некоторое время даже как-то так уверенно запел одну, а потом и другую песню из репертуара добрых старых времен. Мы его поддержали и это было, можно сказать первой спевкой за время всех наших встреч у Александровых.

Проснувшись утром я потихоньку собрался и пошел в тот же храм на утреннее богослужение, во время которого, естественно, в первую очередь молился о своих друзьях, оставшихся на даче. Вернувшись из храма, я застал их в самом лучшем расположении духа. При этом Альберт даже неожиданно озадачил меня вопросом о том, нет ли у меня еще двух экземпляров книги о смирении и кротости, последний имеющийся у меня экземпляр которой я подарил накануне Александровым, как людям воцерковленным. Оказывается, что во время моего отсутствия они зачитывали некоторые места из этой книги и Гена с Жорой книгой заинтересовались. Поэтому, за неимением «Смирения и кротости», я предложил им книгу «Великий пастырь» и они ее с охотой приняли. Признаюсь честно, что этот подарок делать было мне приятно. Слава Тебе, Господи!

Вообще эта встреча оказалась какой-то особенно душевной и сердечной. Так Саша Михайлов даже во все время обратной дороги домой до самой последней минуты никак не мог наговориться с Кремезными, а в первые часы встречи был каким-то таким жестким и напряженным. Расставаясь, все по христианскому обычаю так трогательно обнимались и целовались, как будто самые близкие и дорогие родственники. И все это очень хорошо оказалось запечатлено на фотографиях, сделанных в разные моменты встречи. Благодарь Божия несомненно снизошла на всех нас, слава Тебе, Господи, за эту милость к нам, грешникам!

Заканчивая главу о наших встречах, хочется высказать несколько соображений о нашей книге, о которой шел серьезный разговор и во время последней, третьей, встречи у Александровых, потому что времени до нашего пятидесятилетия со дня окончания института, к которому и хочется издать нашу книгу, оставалось меньше года, а работа над книгой стояла, практически, на месте. Свою обеспокоенность этим высказал и Юра и Альберт. Благоприятная обстановка на встрече способствовала деловому настрою, но реальная жизнь с ее проблемами и заботами всем нам просто не дают возможности решительно взяться за необычную и трудоемкую работу над книгой. Так было и со мной, но в добавок к этому, поскольку мне нужно было писать не просто воспоминания, а, практически, исповедь со всякими деликатными подробностями, то доверять набор всего этого кому-либо не хотелось, и я отчетливо понимал, что все это надо делать своими руками. Но для этого нужен был более-менее приличный компьютер, как-то обещанный мне спонсорами, и который, действительно, мне был подарен Объединенным институтом ядерных исследований уже после нашей последней встречи у Александровых. Господь послал мне, хотя и не новый, но приличный компьютер, который нужно было начинать осваивать, практически, с нуля, причем, в условиях серьезного финансового дефицита. И вот, уповая на помощь Божию, осваиваю. Помогите нам, Господи, не смотря на все мыслимые и немыслимые трудности, составить и издать, во славу Твою, начатую книгу к установленному сроку!

Еще мне хочется от имени всех гостей Александровых от всего сердца поблагодарить их за все то радушие, внимание, заботу и любовь, проявленную к нам во время этих трех незабываемых встреч, которые организовали они, несомненно, с великими трудами и хлопотами. И да воздаст Господь вам за все это сполна, потому что только Он один может по достоинству оценить и вознаградить вас за все ваши старания. Слава Тебе, Господи, за все!

25.11.09

14 декабря 2009 года. МОСКВА. ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ

В первой половине января 2010-го года мы с Альбертом, как основные инициаторы и исполнители составления и издания задуманной книги воспоминаний, решили встретиться для того, чтобы окончательно уточнить ситуацию с этим делом. Встреча состоялась в буфете института проблем

управления, где работает Альберт 14.01.10 по окончании последнего его рабочего дня перед очередным отпуском, который совпал со Старым Новым годом и великим православным праздником — Обрезанием Господним.

Итак, вдвоем, за бутылкой сухого вина и чашкой кофе, мы отметили все эти три события и не спеша обсудили ситуацию с задуманной книгой, которая, по существу, состояла в том, что, во-первых, до пятидесятилетия окончания нашего института оставалось всего два месяца, а до предполагаемой юбилейной общекурсовой институтской встречи, к которой, естественно, хотелось бы успеть издать задуманную нами книгу, — полгода, то есть, времени на все подготовительные и издательские работы осталось совсем ничего. И, во-вторых, то, что в нашей папке-копилке инициативной группы авторов-составителей набралось всего три незаконченные рукописи, составленные Александровыми Альбертом и Алевтиной, Юрой Куй-Бедой и Сбоевым Евгением и рассчитывать на дальнейшее поступление рукописей, практически, мало приходится. Но при этом оказалось так, что все четверо составителей оказались людьми верующими и воцерковленными православными христианами.

Отдавая отчет в том, что и очень мало нас, авторов-составителей, и время для издания книги уже на исходе, не вдаваясь особенно в вопросы финансовые и издательские, учитывая особенно то обстоятельство, что на издание книги было получено тройное благословение от отцов-настоятелей трех храмов Божиих, а также актуальность вопросов отношения к Богу, к вере нашей православной и вообще христианскому мировоззрению в наше невероятно сложное и ответственное время для жизни и в этом веке и в будущем, мы решили с молитвами продолжать начатое дело далее, полагаясь во всем на промысел и помощь Божию. Вразуми нас, Господи, и помоги нам, грешным и немощным, каждую строчку и каждое слово предполагаемой книги направить во славу Твою!

28 апреля 2010 года. МОСКВА. ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ

В этот день мы с Сашей Михайловым приехали к Альберту для того, чтобы решить ряд вопросов по подготовке к изданию нашей книги. Он заказал для нас пропуск, по которому мы прошли в обширный холл и удобно расположившись за одним из удобных уютных уголков со столиком и четырьмя посадочными местами, специально предназначенными для проведения рабочих встреч сотрудников института со своими коллегами, спокойно обсудили все накопившиеся вопросы.

Саша наконец-то нашел необходимое время и для того, чтобы включиться в процесс написания этой книги и привез первую часть своих воспоминаний и размышлений объемом тридцать семь страниц рукописного, мелким почерком написанного, текста. Забегая вперед, хочется отметить, что мы были приятно удивлены писательскими способностями Саши.

Еще во время этой встречи мы определились с названием книги, с размером основного шрифта, форматом и примерным тиражом ее. При этом в качестве основного выбрали шрифт № 11, формат решили оставить А4 для того, чтобы было удобно нашу книгу печатать и на ризографе, и на принтере и на ксероксе. Примерный тираж книги наметили не менее 50-ти экземпляров.

На этом повестка дня закончилась, мы с Сашей спустились в метро и разъехались по своим направлениям.

О ПЕРЕЖИТОМ

АЛЕКСАНДРОВ АЛЬБЕРТ

ДЕТСТВО

Родился я 15 марта 1937г. в городе Улан-Удэ (Город расположен в 100км к востоку от озера Байкал в месте, где река Уда впадает в Селенгу) в семье инженера и врача.

Мой отец родился в г. Иркутске. Проработав некоторое время помощником машиниста паровоза, он начал учиться в Томском институте инженеров железнодорожного транспорта, затем перевелся в Ростовский-на-Дону институт того же названия, который окончил по специальности «паровозы». Строительство завода по специальности привело его в Улан-Удэ и на этом заводе он проработал до конца своих дней (13 мая 1945года).

Мама родилась в деревне Бабкино Иволгинского района, который начинается в 25 км от Улан-Удэ. Она закончила Восточно-Сибирский медицинский институт и до выхода на пенсию работала детским врачом в городе Улан- Удэ.

Годы моего детства пришлись на войну. Чувство голода было одно из сильнейших в годы войны, и один — два года после ее окончания. Не хватало продуктов: хлеба, круп, жиров, которые продавались по карточкам (талонам): ежедневные талоны на хлеб и ежемесячные на крупы, жиры и т.п. В талоне указывалось ежедневная норма хлеба (или ежемесячная норма других продуктов) на одного работающего. В талонах для иждивенцев работающего (детей, стариков, больных) были нормы, составляющие часть от нормы работающего.

В детском саду мы радовались, если в манной каше попадался комок не проваренной манки, так как этот комок как бы увеличивал количество каши, которой всегда не хватало.

Учиться мне понравилось, и я с удовольствием ходил в школу, а затем в институт.

Начиная с девятого класса, начал готовиться к поступлению в институт.

ИНЖЕНЕРНАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Начало инженерной деятельности

В соответствии с распределением я и 5 студентов гироскопической специальности были направлены в г. Саратов на предприятие, которое далее будет называться НПО (научно-производственное объединение). НПО, изменяя свой профиль, все более специализировалось на производстве и разработке гироскопических ракет. Объединение, состоящее из завода и конструкторского бюро находилось на окраине Саратова, однако недалеко от центра города (15—20 минут на трамвае). Это объясняется необычной географией города, который в те года имел форму буквы «Г». Верхняя перекладина протянулась вдоль Волги. Вторая его часть имела длину несколько десятков километров, а их поперечник был мал.

Мы приехали в Саратов в августе 1959 г. для прохождения преддипломной практики и дипломного проектирования. Я был направлен в электротехнический отдел, который занимался разработкой автоматики и электронных устройств гироскопических приборов и где я проработал более 13-ти лет с перерывом на аспирантуру. В этом отделе был, в частности, разработан первый в стране карманный радиоприемник «Лидер», который был вручен каждому из делегатов 21-го съезда КПСС. В КБ был отдел механиков(где разрабатывались и исследовались гироскопические приборы), конструкторский отдел(разрабатывающий чертежи приборов), манекетная-мастерская и т.п. Завод выпускал гироскопические приборы, разрабатываемые московскими НИИ и КБ, а небольшая его часть была связана с работками нашего КБ.

Мы пришли в НПО в период его бурного роста: за три года до нас КБ насчитывал несколько десятков конструкторов, обслуживающих завод, а за три года нашей работы число инженеров КБ выросло до нескольких сотен. В основном это были молодые специалисты из различных ВУЗов. В этот

же период на заводе были построены подземные сборочные цеха, не допускающие проникновения пыли, так как трение в опорах гиросприборов, зависящее от пыли, влияет на их точность.

Чтобы пояснить предмет моей деятельности первые три года заметим, что гиросприборы (ГП) являются «мозгом» баллистической ракеты. Они задают траекторию ее движения, подают сигнал об отклонениях от заданного движения, вычисляют путь, пройденный ракетой и т.п. С другой стороны, ГП являются сложными системами, включающими в себя системы автоматического регулирования и электронные вычислительные устройства.

Одним из направлений работы КБ была разработка гироскопических интеграторов линейных ускорений (ГИЛУ). В момент нашего появления в КБ возникла задача определения причин колебаний, с которыми работал ГИЛУ, и уменьшение амплитуд этих колебаний, которые влияли на точность поражения ракетной цели, находящейся на большом расстоянии от места ее старта. Эта задача была поставлена передо мной и было сказано, что если я найду причину этих колебаний и способ их расчета за время дипломного проектирования, то получу диплом инженера, если нет — то нет.

Я с удовольствием взялся за решение этой задачи. Причина колебаний была очевидна, так как в приборе использовалась релейная система стабилизации. Частота и амплитуда колебаний были найдены на основе метода гармонической линеаризации с использованием уравнений гироскопа. Этот результат был подтвержден экспериментально и на защите дипломного проекта (которая проходила в КБ с участием представителей КАИ) был представлен один чертеж, на котором были приведены результаты расчета и экспериментальные данные.

Когда я пришел на работу инженером, то дипломная работа была продолжена и найден способ уменьшения амплитуды колебаний. Этот способ был реализован с помощью магнитного усилителя, разработанного мной вместе с Юрием Здориком, который в конце 1960 г. пришел на преддипломную практику в КБ, защитил диплом и работал в КБ до конца своих дней. Разработанное нами устройство на магнитном усилителе, успешно прошло испытание и выпускалось мелкими сериями на протяжении многих лет.

Нужно отметить современность знаний, полученных нами в институте...

Быт

В конце первого курса я начал ухаживать за студенткой нашего потока Алей Жариновой. По окончании третьего курса мы поженились. Была первая на курсе свадьба, в которой участвовал весь поток. Свадьба проходила в столовой рядом с нашим общежитием. Было весело и необычно.

Через пятьдесят лет мы праздновали золотую свадьбу. Из нашей группы были Юра Куй-Беда, Женя Сбоев, Саша Михайлов, Аля и Гена Кремезные, Георгий Жернов.

Почти одновременно с нами женился Борис Косенко, а после окончания института объединили свои судьбы Гена Кремезной и Алла Адаменко.

На четвертом курсе мы с Алей жили в нашем общежитии в комнате для семейных. Однако, на пятом курсе такие комнаты не разрешили и мы вернулись в прежние комнаты.

В конце пятого курса у нас родился сын. Его называли, в память о моем отце, Георгием

Когда мы приехали на преддипломную практику, нас поселили на «Молочке». Этот район одноэтажных деревянных домов недалеко от завода (НПО). Его название связано, видимо, с тем, что многие хозяева этих домов держали коров и приносили молоко в несколько пятиэтажных каменных домов с другой стороны завода (ближе к центру города). После защиты дипломных проектов мы привезли сына Георгия, которому было 9 месяцев и он жил все это время с бабушкой и дедушкой (Алиных родителей) в городе Саранске. При этом мы переехали в кирпичный (в один кирпич) домик площадью 10 м², который стоял во дворе у хозяев большого деревянного дома на Молочке. Недалеко от этого дома проходила грунтовая дорога к заводу, которая во время дождей раскисала так, что идти приходилось по колено в грязи, неся часто на руках сына (которого носили к няне или в ясли). Благо, идти было около километра.

Через год после защиты дипломного проекта нам выделили комнату в семейном общежитии рядом с заводом. Общежитие состояло из 4-х кирпичных 4-х этажных корпусов. Корпуса стояли параллельно и длина каждого составляла половину нашего студенческого общежития. Корпуса были построены перед войной для студентов сельскохозяйственного института, но в связи с увеличением оборонной продукции завода во время войны, были переданы заводу. Комната (14 м²) с высоким потолком была теплой и светлой, имела большое окно. В противоположной от окна стене была крепкая

дверь, ведущая в общий коридор, по обе стороны которого были двери, ведущие в другие комнаты. В каждой комнате проживало по одной семье. Большинство семей были молодыми с 1 или 2 детьми до 7 лет. Поэтому коридор, в отличие от студенческого, был заставлен детскими ванночками, детскими колясками, велосипедами и в нем всегда было шумно. Имелась одна кухня и один туалет. Проживали мы в этой комнате 7 лет. Через 5 лет у нас родился второй сын Вадим. Все эти годы мы жили счастливо и были дружны с многочисленными соседями.

Аспирантура

После почти 3-х лет работы в КБ я поступил в 1962г. в аспирантуру Университета Дружбы Народов (УДН) им. Патриса Лумумбы. Открытие в 1960г. этого университета было смелым шагом руководства страны, так как за исключением дипломатов в стране практически не было иностранцев, а контакты советских граждан с иностранцами считались нежелательными. Создание УДН преследовало по-видимому политические цели. В Университет принималась молодежь из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Это была молодежь из небогатых семей, как-то связанная с коммунистическими партиями своих стран. Предполагалось, что наряду с получением образования иностранные студенты проникнутся Советским образом жизни и будут его распространять, пополняя ряды образованной части населения их страны. Трудно сказать, насколько эта цель была достигнута.

Структура УДН напоминала структуру дореволюционных российских университетов, здесь готовили математиков, физиков, инженеров, врачей и т.д. Ректором УДН был В.В. Румянцев, деятельность которого много лет была связана с КАИ. Он с 1949г. по 1955г. был ректором КАИ, затем заместителем министра высшего образования страны.

Моим научным руководителем был Абдельхак Сафиуллович Галлиулин. На втором курсе он вел в нашей группе практические занятия по математике. Его способ принуждения нерадивого студента к работе носил юмористический характер и вызывал у нас смех над таким студентом. В то время он работал над докторской диссертацией. Когда мы приехали в КАИ для получения диплома, я беседовал с ним, тогда молодым (40 лет) доктором наук, рассказывал ему о своей работе. Он проявил к ней интерес и пригласил к сотрудничеству. Затем судьба Абдельхака Сафиулловича счастливо изменилась. Его пригласили на работу в УДН, дали 3-х комнатную квартиру в новом доме на Кутузовском проспекте (там в квартале от него был дом, в котором жил Л.И. Брежнев), избрали деканом физико-математического факультета и зав. кафедрой теоретической механики.

Тема моей кандидатской диссертации была связана с методом аналитического конструирования оптимальных регуляторов. Этот метод был предложен А.М. Летовым в его, теперь ставшей знаменитой статье, в 1960г. Александр Михайлович Летов был зав. лабораторией института автоматики и телемеханики (теперь института проблем управления) Академии Наук, а также вице-президентом, а затем президентом международной федерации по автоматическому управлению (IFAC). IFAC объединяет специалистов всего мира по автоматике. Каждые три года проходят Конгрессы IFAC, где докладываются результаты научных и прикладных исследований. Первый конгресс состоялся в Москве в 1960г. и его председателем был А.М. Летов. На защите кандидатской диссертации моими оппонентами были А.М. Летов и И.А. Мухометзянов, который окончил КАИ годом раньше меня.

Политехнический институт

После возвращения из аспирантуры я продолжил работу в нашем КБ, вначале ведущим инженером, затем начальником научно-исследовательской лаборатории. Круг моих научных интересов расширился: в КБ проводились поисковые научно-исследовательские работы по гироскопическим платформам со специальным расположением гироскопов на площадке. Такое расположение позволяло увеличить точность поражения цели, но приводило к тому, что с позиций автоматики ее уже нельзя было рассматривать как три независимых объекта управления, а это был многомерный объект с тремя входами и тремя выходами. Разработка регуляторов такого рода была затруднена недостаточным развитием теории автоматического регулирования многомерных (многосвязных) объектов. В связи с этим я продолжил работу, начатую в аспирантуре, в направлении многомерных систем и применил полученные в этом направлении результаты для гироскопических платформ. Это стало предметом докторской диссертации.

Стремление уделять больше времени разработке теории автоматического регулирования, а не ее применению, привело к тому, что в 1972г. я перешел в Саратовский политехнический институт на должность заведующего кафедрой «Автоматика и телемеханика». В 1974г. я защитил в УДН докторскую диссертацию, которая легла в основу монографии «Синтез регуляторов многомерных систем», выпущенную издательством «Машиностроение» в 1986г.

Работая в институте, принимал участие в нескольких проектах, выполняемых в рамках хозяйственных договоров с КБ и НИИ. Эта работа выполнялась с помощью методов синтеза регуляторов многомерных систем, которые я разрабатывал.

Приведем 2 наиболее крупных из этих проектов. Первый проект был связан с управлением строя вертолетов. Задача состояла в следующем. Необходимо десантировать на нескольких десятках вертолетов воинскую часть вместе с тяжелым вооружением (пушками, машинами пехоты и т.д.). Известно направление высадки десанта, но точные координаты места высадки изменяются в зависимости от боевой обстановки. Если вертолеты будут лететь не в строю (независимо друг от друга), то они будут прибывать на место в различное время и противник может легко уничтожить десантируемые части, кроме того, теряется эффект внезапности. В связи с этим необходима система автоматического управления вертолетами в строю. Такая система должна обеспечивать расстояние между вертолетами в пределах нескольких метров в условиях порывов ветра, восходящих и нисходящих потоков воздуха а так же в условиях плохой видимости (туман, ночь). Имеются измерители расстояния между вертолетами и требуется построить алгоритмы работы регуляторов, обеспечивающие необходимое расстояние между аппаратами и их одновременную посадку.

Второй проект связан с Уренгойским месторождением газа, которое давало в 70-х годах 40 процентов природного газа, производимого в стране. Месторождение состояло из двадцати заводов (где очищали газ, получаемый из близлежащих скважин), коллектора, где газ собирался и шести газопроводов, по которым газ подавался потребителям в нашей стране и за рубежом. Задача состояла в том, чтобы поддерживать давление в коллекторе постоянным в условиях непрерывного изменения объема поступающего в него газа (вызванного изменением давления в скважинах) и объема газа, забираемого потребителями. Коллектор являлся динамическим объектом управления с двадцатью входами и шестью выходами.

Представим себе, что один из шести потребителей перестал потреблять газ, тогда давление в коллекторе растёт, и диспетчер начинает перекрывать поступление газа с заводов. Если он слишком сильно перекрыл поступление, давление в коллекторе падает и т.д. и этот процесс успокоения системы может длиться несколько десятков часов. Задача состояла в том, чтобы найти алгоритм регулирования давления газа в коллекторе, а так же чтобы обеспечить автоматическое (без участия диспетчера) успокоение процессов за 1-2 часа.

После решения этой задачи центр моих научных интересов начал перемещаться в сторону адаптивного управления. Дело в том, что алгоритм регулятора зависит от параметров объекта управления, которые предполагается неизвестными. Такими параметрами при управлении давлением газа в коллекторе являются внутренний диаметр, шероховатость и длина трубопроводов, по которым газ поступает и выходит из коллектора, количество примесей в газе, температура окружающей среды и т.п. Часть этих параметров может изменяться не предвиденным заранее образом (количество примесей, температура, а также внутренний диаметр и шероховатость труб, изменяющихся с течением времени) и поэтому алгоритм регулятора должен приспосабливаться (адаптироваться) к изменяющимся параметрам объекта.

Московский институт стали и сплавов (Электростальский филиал)

Семейные обстоятельства к 1986г. сложились следующим образом: наш старший сын, Георгий, после окончания аспирантуры в Вычислительном центре Академии Наук, был распределен на работу в Московскую область, где и жил с семьей. Младший сын, Вадим, заканчивал Московский Энергетический институт и оставался на работу в Москве. Мы с Алисой решили переехать поближе к детям. Мы обменяли нашу квартиру в Саратове на квартиру в г. Электросталь Московской области и я начал работать в Электростальском филиале МИСиС. Через год стал заведующим кафедрой «Автоматизация технологических процессов и производств».

Принимал участие в нескольких проектах, связанных с управлением электропроводами прокатного стана и теплоэнергетической установкой. Последняя предоставляла собой малую тепловую

электростанцию для сельской местности. Она состояла из парового котла, паровой турбины и электрического генератора. Необходимо было обеспечить заданную точность регулирования давления в котле, скорость паровой турбины и напряжения вырабатываемого генератором. Эти работы как и ранее, опирались на полученные мной теоретические результаты по синтезу многомерных регуляторов.

Первым проектом, где были применены полученные мной теоретические результаты в области адаптивного управления, был проект «Морской старт». Существо проекта состоит в следующем: известно, что наиболее удобной точкой старта ракеты, выводящей спутники на орбиту вокруг Земли является точка, лежащая на экваторе. США выделили финансовые средства для постройки морского судна с ракетами, которое должно было стоять близ экватора и недалеко от США. К выполнению проекта были привлечены несколько стран (Россия, Украина, Норвегия). С российской стороны работы выполнялись НПО «Энергия» им. С.П. Королева. Одной из работ, выполняемых НПО являлась разработка системы поддержания постоянной температуры в приборном отсеке ракеты во время ее предстартовой подготовки. Температура поддерживалась путем продувки воздуха заданной температуры, давления и влажности через приборный отсек. Такой поток воздуха создавался станцией, которая являлась сложным устройством с нагревательными и охлаждающими элементами, и компрессором. В НПО были разработаны алгоритмы управления станцией, обеспечивающие термостабилизацию приборного отсека, но не было уверенности в их эффективности, так как параметры станции не были известны с достаточной точностью. В связи с этим необходимым был дублирующий вариант, основанный на адаптивном управлении. Такой вариант был разработан под моим руководством в соответствии с договором между НПО и МИСиС.

Институт проблемы управления (ИПУ) РАН.

В 2001г. я перешел на работу в лабораторию адаптивных и робастных систем Института проблем управления РАН. В лаборатории, созданной более 50-и лет назад, работали крупные, известные в мире ученые. Причиной перехода явилось стремление сосредоточиться на исследованиях в теории адаптивного управления, так как административная (заведование кафедрой) и педагогическая (чтение лекций) деятельности занимали несколько часов в день.

Условия для работы — идеальные: самая богатая в России библиотека книг и журналов по автоматике, возможность обсудить последние результаты по теории управления, проконсультироваться и услышать доброжелательные замечания и предложения коллег по результатам своих исследований и т.д.

ТРОПИНКА К ХРАМУ

Вырос я в новой части города, которая была построена всего за несколько лет до моего рождения, и поэтому далеко вокруг не было ни одной церкви.

Воспитывался я как атеист. Дедушек своих я не застал, а бабушки жили далеко, и видел их всего два или три раза. Отец мой был коммунист, и поэтому имя Господа никогда не произносилось в нашем доме. В школе нам внушали, что религия — это «опиум для народа», мракобесие и удел неграмотных старушек.

В последующие после школы годы, жизнь моя протекала благополучно во всех отношениях, и поэтому, ближе к тридцати годам, стал возникать вопрос: в чем смысл жизни человека. Казалось, что ответ на этот вопрос я найду у философов, и поэтому я начал читать труды крупнейших философов всех времен и народов: Гегеля, Канта, Юма и т.д. В их трудах я нашел исследования о том, как человек мыслит, и рассуждения на морально-этические темы. Однако, вопрос, который интересовал меня, даже не затрагивался. Теперь, через несколько десятков лет, я понимаю причину этого.

Дело в том, что эти философы были верующими христианами. Для каждого христианина смысл его земной жизни состоит в любви к людям и избегания греха. Это открывает путь после воскресения в жизнь вечную и в Царствие небесное. Может быть, часть этих философов придерживалось суждения известного французского ученого 16-ого века Блеза Паскаля, который сказал примерно следующее: нужно вести благонравный, христианский образ жизни и если Бога нет, то вы проживете счастливо земную жизнь, а если Бог есть, то кроме этого, заслужите жизнь вечную.

К сорока годам меня все больше охватывало ощущение, что мы не одиноки в этом мире, и существует высшая сила, которая влияет на людей. В связи с этим, я прочитал Евангелие, и многое в нем мне было не понятно и казалось странным. Шли годы, и приходило осознание, что Евангелие — это откровение, и его непонятные места не могут быть поняты слабым человеческим разумом, а странные места («возлюби ближнего как самого себя», «молись за врагов своих») — это то, что не соответствует обыденному человеческому опыту. Теперь я понимаю, что если бы люди жили по Евангелию, они были бы счастливы, и не было бы войн и революций.

Наряду с этим, занимаясь научными исследованиями, я все более убеждался в ограниченных возможностях науки. Действительно, каждое научное исследование сводится к следующему: имеется некоторое множество достоверных фактов, на их основе строится некоторая теория (модель реальности). Если появляются новые факты, которые не объясняются этой моделью, то строится новая теория и т.д. (Например, ньютоновская механика не может быть использована при высоких скоростях движения, и поэтому была развита теория относительности).

При этом остается открытым и главный вопрос: насколько близка эта модель реальности к истине? Таким образом, наука — это лишь один из способов познания действительности, который дает закономерности и модели, часто полезные для практической деятельности человека, и, в частности, для построения технических устройств.

Большинство событий и явлений нашей жизни носят уникальный (единственный) характер. Например, конфликты в семье, между соседями, между народами и государствами. Либо они являются недостаточно достоверными, (например, телекинез) и поэтому они оказываются вне науки. Таким образом, многие события нашей жизни остаются непознанными, как и пятьсот лет назад до появления науки.

К шестидесяти годам я укрепился в вере и стал невоцерковленным верующим. Читал Библию, труды религиозных философов: Эразма Роттердамского, П.А.Флоренского, И.А.Ильина) и жития святых. Поразило житие Сергия Радонежского, который явил для меня образец человека. Дело в том, что расшифрованный недавно геном человека на 98% совпал с геномом животных, (в частности крысы), а поэтому, в человеке доминирует животное начало: агрессия, злоба, эгоизм. Жизнь по Евангелию позволила Сергию Радонежскому преодолеть это начало.

Верующий человек не может находиться вне церкви, в частности, потому, что через церковь, прощаются, после покаяния, вольные или невольные грехи, совершенные им. Когда мне исполнилось 70 лет, я принял крещение. В этом мне помогли Женя Сбоев (мой крестный) и Аля. Религиозные чувства в Але пробудили ее дедушка и бабушка. Ее крестили в семилетнем возрасте, и вот уже двадцать лет, как она регулярно посещает церковь.

КУЙ-БЕДА ЮРИЙ

ДЕТСТВО, ШКОЛА

Мой дед, Куй-Беда Михаил Васильевич, родом с Полтавщины, в 1904-ом году перебрался (известное Столыпинское переселение крестьян) в Сибирь (Алтайский край, село Вострово). Семья их была большая, десять детей, хлеборобы-крестьяне, только мой отец, Терентий Михайлович, получил образование и стал работать учителем.

Мама, Ефросинья Федоровна, была домохозяйкой. Семья наша тоже была большая, шестеро детей.

Ко времени, с которого я себя помню, мы проживали в селе Бор-Форпост, расположенном у кромки леса. Жили мы в «школьном» доме, держали корову, был огород — иначе не прожить. Шла война, хлеб получали по карточкам. Молоко сдавали на молокозавод (госзаготовки), остатки — себе.

Основным продуктом была картошка. Зимой катались с горок на «ледянках», лыж не было.

С приходом весны начинали собирать все съедобное: кандык, дикий чеснок, лук-слизун, щавель. Надирали пучками корневища солодки и жевали — меньше хотелось есть. Собирали яйца птиц: куликов, чаек, ворон, сорок, пекли в золе и ели.

Отец сделал лодку, сплел из ивовых прутьев «мордушки», которыми ловили голянов в озере — большое подспорье в питании. На фронт его не взяли по состоянию здоровья.

Он выписывал газету «Правда», по ее заголовкам с помощью старшего брата Петра я выучил азбуку и в шесть лет уже умел читать.

В школе мы писали между строк на уже исписанных ранее тетрадях или делали их из газет. Чернила изготавливали из сажи.

Осенью, по окончании уборки пшеницы, вся школа выходила на сбор колосков, оставшихся на полях.

В 1947 году мы вернулись на жительство в родное Вострово — большое село у двух сообщающихся озер, с семилетней школой.

Кроме коровы, стали держать овец и поросенка. Дети постарше помогали по дому и хозяйству, каждый знал свои обязанности: давать корм животным, убирать навоз, вскапывать огород, полоть, поливать грядки, заготавливать дрова, мыть полы.

С весны начинали ловить сусликов. У них вкусное мясо, а шкурки сдавали заготовителям в обмен на нитки, иголки и др. Летом купались в озерах, рыбачили, играли в прятки, в «бабки», в «верхового».

Несмотря на все трудности, мы радовались жизни и солнцу (может быть потому, что так жили все вокруг?).

В 1951 году я закончил 7-й класс и мы переехали в город Улан-Удэ, где жил и работал друг отца. В городе Рубцовске, на железнодорожной станции, я впервые увидел паровоз и долго восхищенно наблюдал за его работой.

В городской школе я вполне вписался в коллектив класса, подружился с Аликом Александровым.

Зимой мы часто катались на лыжах с окрестных гор, летом купались в реке Уде и на протоке реки Селенги.

В 9-ом классе мне подарили фотоаппарат «Зоркий», я увлекся фотографией, посещал фотокружок, сотни моих фоторабот разошлись по родным, друзьям и знакомым.

Ходили компанией в тайгу за кедровыми орехами и по ягоды (черника, брусника). Собирали их в «горбовики» — фанерные ящики с заплечными ремнями. Шишки с кедров сбивали «колотом» или влезали на дерево и срывали вручную, а ночью при костре выколачивали из них орехи. Выходы были только с ночевкой или с двумя, так как дорога была дальняя.

Получив аттестат, подал документы в КАИ, прошел собеседование и был зачислен на 1-й курс.

ИНЖЕНЕРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

По окончании пятого курса института комиссией по распределению в город Куйбышев была направлена группа студентов из 6 человек: Чижов Анатолий, Адаменко Алла, Грищенко Нина, Ваньшев Владимир, Костин Анатолий и я.

По прибытии на предприятие выяснилось, что нас могут принять только на дипломное проектирование без дальнейшего трудоустройства. Пришлось обращаться в Совнархоз и нас перераспределили вскоре в завод «Прогресс».

На собеседовании с заместителем Главного инженера по испытаниям мы поинтересовались, будем ли после защиты диплома обеспечены работой по специальности. Ответ был примечательный: молодой специалист — как пустая бутылка, что в нее нальешь, — то и будет.

Заводом в это время был освоен выпуск изделий прославленного конструктора С.П. Королева, именуемых далее «изделиями».

Для сокращения случаев отказов приборов, получаемых с заводов-поставщиков во время испытаний изделий на контрольно-испытательной станции (КИС), был организован цех входного контроля перед установкой их на изделие.

В этот цех я и был направлен, где выполнил и защитил свой дипломный проект.

На работу меня направили в технологический отдел, в задачи которого входило:

а) разработка и ведение техдокументации на аппаратуру проверки БКС (бортовой кабельной сетки) в цехе-изготовителе;

б) разработка, согласование и ведение техдокументации на пульта проверки комплектующих датчиков и устройств, ЭРЭ и т.п., поступающих со смежных предприятий.

Работа эта была довольно рутинной, не требовала приложения большей части знаний, полученных в институте.

Но только через 2 года, в июне 1962 года я добился перевода в КИС-контрольно-испытательную станцию цеха главной сборки изделий, выполняющую следующие работы:

1. Осмотр и приемку собранных блоков изделия.

2. Подключение блоков изделия к испытательному электропневмооборудованию.

3. Испытание каждого блока в отдельности. Затем все блоки соединялись с помощью кабелей-переходников в «электрический пакет» и проводились испытания всех систем изделия в целом. При возникновении замечаний в процессе испытаний проводились частные программы по установлению причины отказа, замена отказавшего прибора, агрегата, кабеля и необходимый объем дополнительных испытаний.

Последними проводились комплексные испытания изделия с записью на систему измерений, т.е. проверка функционирования всех систем и выдачи команд в «полетном» режиме.

Запись просматривалась и оценивалась специалистами всех систем.

Все испытания на КИС проводились инженерами под контролем представителей заказчика. Результаты испытаний оформлялись протоколами испытаний.

Основной элементной базой бортовых приборов и испытательного оборудования были магнитные усилители, электромагнитные реле и значительно меньше транзисторы. За короткое время я изучил необходимую техническую документацию, аттестовался и приступил к работе.

Первое изделие месячной программы поступало на КИС к середине месяца и испытания велись в режиме «длинных смен» — по 12 часов.

В этих условиях было особенно важно быстро находить и устранять возникавшие отказы, а они были нередки.

У нас сложился коллектив молодых ребят, вместе мы вполне успешно справлялись с непростой задачей испытаний в сжатые сроки.

Работа была интересной, каждый раз нужно было решать новую задачу.

Через 2 года (1964-ом году) я был переведен на должность руководителя группы.

Стало потрудней, но и поинтересней работать, особенно в периоды освоения новых модификаций изделия.

В 1965-ом году был назначен начальником участка КИС. Много времени стало уходить на решение вопросов по приемке блоков изделия в КИС и участию в ежедневных оперативках.

А с назначением нового начальника цеха блоки изделия стали передаваться в КИС еще позже, устанавливались невыполнимые сроки на испытания.

И в 1969 году я переводом перешел на работу в ЦСКБ начальником группы.

Задачи: разработка и ведение документации на испытаниях изделий в КИС, на технической и стартовой позициях полигонов и непосредственное участие в этих испытаниях, т.е. работа та же, только в несколько другой роли.

Командировки для работы на полигонах были довольно часты. Участвовал в известной программе «Союз- Аполлон».

О порядке торжественного провода космонавтов в полет

По существующей на космодроме традиции в резервный день(перед вылетом в космос) на стартовой позиции происходила встреча пускового расчета космодрома с отправляющимся в полет экипажем. При этом звучали краткие выступления с обеих сторон и экипаж под аплодисменты и приветственные возгласы провожающих торжественно проходил по огражденному кругу(санитарное требование). После этого экипаж на специальном автобусе уезжал к себе для продолжения подготовки к полету.

Возвращение на завод «Прогресс». Работа с кораблем «Буран»

В 1979 году переводом вернулся на завод «Прогресс» в связи с назначением начальником КИС по испытаниям центрального блока и полностью собранного носителя «Энергия» с кораблем «Буран».

Сборка и испытания боковых блоков носителя и корабля «Буран» производились другими предприятиями. Все эти работы велись непосредственно на Байконуре, где был организован филиал и нашего завода.

На момент моего назначения в КИС было 7 инженеров, имевших опыт испытаний других изделий. Поэтому сразу приступили к решению следующих неотложных задач:

1. Набору инженеров в необходимом количестве и нужных специальностей. Вели его в 2-х направлениях:

- а) через отдел кадров (с проведением собеседования);
- б) составлением заявок в министерство на молодых специалистов.

2. Обучению их на предприятиях-разработчиках и на рабочих местах по мере поступления техдокументации.

3. Участию в пуско-наладочных работах испытательного оборудования.

Коллектив КИС возрастал, поступало испытательное оборудование, шло обучение.

В 1983 году на филиал завода был назначен новый руководитель, возникла конфликтная ситуация и я продолжил работу уже в должности начальника участка КИС.

Было введено в строй испытательное оборудование, собран и поступил на испытания центральный блок носителя «Энергия». Испытания шли с огромным трудом, ведь все было впервые. Работали круглосуточно, в две смены несколько месяцев. Первый пуск был с габаритно-весовым макетом полезного груза и прошел успешно.

Наконец 15 ноября 1987г. в сложных метеоусловиях был осуществлен успешный запуск корабля «Буран», завершившийся безупречно точной посадкой.

Нашему ликованию не было предела.

Но проходили недели, месяцы, работа на сборке затухала, потом остановилась. Причины остановки работ мне не известны. Могу только высказать предположение, что на финансирование темы «Энергия-Буран» не хватило ресурсов, предпочтение было отдано направлению стационарных орбитальных станций.

Судьба трех построенных кораблей «Буран» сложилась следующим образом. Корабль, летавший в космос, был полностью разрушен обвалившейся под воздействием небывалого ливня крыши МИК-а, на которой проводились ремонтные работы. А два оставшихся корабля экспонируются в музеях космонавтики в Москве и на Байконуре.

После остановки работ с «Бураном» проводили регламентные работы на испытательном оборудовании, поддерживая его в рабочем состоянии. В 1992-ом году сотрудники КИС, имевшие жилье в городе Самаре, вернулись на завод, работали, в основном, в подсобном хозяйстве завода или перешли в другие цеха.

В 1994г. я вернулся к работе по испытаниям и пускам изделий С.П. Королева на Байконуре., жил на площадке в гостинице в условиях плохого отопления и частых отключений электроэнергии. Занимался испытаниями и пусками изделий, с которых начал свою инженерную деятельность.

С 1 января 2000г. вышел на пенсию.

БЫТ

После решения вопроса по преддипломной практике нас поселили в заводском общежитии, недалеко от проходной, но в разные комнаты. К тому же и жильцы часто менялись. Фабрика-кухня, где мы столовались, была рядом.

Прямо под окнами общежития был расположен заводской стадион со спортивным залом. Стал тренироваться в заводской лыжной секции.

Летом 1960 года в парке на танцах познакомился с Галей, стали встречаться. В 1961 году мы поженились и я перешел на жительство к жене. Семья ее проживала в 3-х комнатной квартире вше-стером: отец, мама, Галя и трое сыновей.

В 1962 году родился Слава. Было трудно с доставкой сына в ясли и обратно, особенно когда я работал в «длинные» смены. Галя тоже стала работать на нашем заводе сборщицей-паяльщицей.

В 1965 году получили, наконец, комнату с двумя соседями, а в 1967г. у нас родился второй сын Сергей.

Галя закончила вечерний техникум и перешла на работу в цех входного контроля приборов.

В 1972 году мы получили 2-х комнатную квартиру и с детским садом во дворе дома.

В 1977 году получили 3-х комнатную квартиру. В связи с назначением на новую работу в 1979 году выехали в город Ленинск с младшим сыном Сергеем, а Слава остался с тещей Полиной Афанасьевной в Самаре, закончил школу и медицинский институт. Работает психотерапевтом, защитил кандидатскую диссертацию. Внучка Оля учится в медицинском институте.

В Ленинске поселились в выделенной квартире (там шло большое строительство жилья под этот проект). На работу и обратно нас доставляли мотовозом в пассажирских вагонах, время в пути — полтора часа в один конец. Отправление мотовоза производилось в 6 часов 13 минут утра.

Бессемейные селились в гостиницах на жилой площадке поблизости от места работы.

Сергей закончил школу в г. Ленинске поступил в Самарский медицинский институт, но со 2-го курса его призвали в армию (согласно указу Горбачева, хотя в институте и была военная кафедра). Отслужив, в институт не пошел, так как его сокурсники ушли далеко вперед. Закончил курсы шоферов, сдал экзамены на категории, работает водителем.

С выходом на пенсию с 2000-го года с весны до поздней осени живем в деревне, выращиваем овощи, фрукты, ягоды.

НАЧАЛО ПУТИ К БОГУ

Село Вострово, где мы проживали и я обучался в школе, было довольно большое, с расположенным в центре храмом, использовавшимся в качестве зернохранилища, а позднее разрушенным. На его месте был построен сельский клуб.

Дедушку и бабушку по отцовской линии я не помню, а мамы родители умерли вскоре после нашего приезда в село Вострово.

Отец мой был учителем математики, активным участником драмкружка и хора. Мама была домохозяйкой.

Все усилия родителей были направлены на то, чтобы прокормить семью(шестеро детей), разговоров о религии, о Боге в доме никогда не было.

Быстро пронеслись годы учебы, затем работа на заводе, на Байконуре с ежемесячными авралами. Но и при таком режиме с годами стал приходиться в голову вопрос о смысле жизни. А вот найти и прочесть труды философов об этом не получилось.

Уже в зрелые годы прочел Евангелие, многое, конечно, оказалось непонятным. Прочел книгу об Иоанне Кронштадтском, начал читать Брянчанинова. Крещение принял уже после выхода на пенсию.

Сейчас я в самом начале пути к Богу и очень помогает мне в этом рукопись книги Е. Сбоева, составленная из избранных изречений старцев о смирении и кротости, а также наглядных примеров проявления этих добродетелей святыми отцами.

МИХАЙЛОВ АЛЕКСАНДР

В среде нашего поколения все чаще обсуждается вопрос о мироздании. Это и понятно, почему. Но меня уже в детстве мучил один вопрос.

Что будет, если какой-нибудь предмет разделить на две части, потом еще пополам, потом еще, потом ещё и так далее. Сколько же можно делить, и когда будет конец? Этот вопрос не давал мне спокойно жить. И только когда в школе мне сказали, что мельчайшей частицей вещества, сохраняющей его свойства, является молекула, а молекулы состоят из атомов, которые, вроде бы уже нельзя разделить на отдельные части, я очень обрадовался. Большой вопрос исчез. Умозрительно атомы я представил в виде этаких твердых крупинок, весьма плотно упакованных в твердом теле.

И только позднее до меня дошло, что атомы в земном веществе находятся на огромном расстоянии друг от друга. На расстоянии, примерно в 100 тысяч раз превышающем размеры самих атомов! Умозрительно это невозможно себе представить! Ведь фактически мы состоим из пустоты! Тем более, что ядра атомов (в которых сосредоточена почти вся масса вещества) не являются твердыми крупинками, и в свою очередь, имеют способность в условиях сильной гравитации быть сжатыми до бесконечно малой величины. То есть пустота, кругом пустота!

Но до сих пор не могу понять, как могло так получиться, что из этой самой пустоты я и появился 2 июля 1937 года в городе Петропавловске, который находился в Советском Союзе между Омском, Тюменью и Курганом, но сейчас он в другом государстве — Казахстане.

Мои мама и папа появились из пустоты в 1911 году, а бабушка, папина мама — в 1882 году. Это и была наша семья. Бабушка — баба Таня, мама, папа и мой младший брат Борис. У мамы и папы было образование — 2 класса. Бабушка не училась в школе совсем.

Еще у нас была корова Маня, кобыла Рыжуха, маленькая Майка — Рыжухина дочь. И всех нас охранял Тузик. Не Тузик, а настоящий Туз. Он был величиной с овчарку. На нем была длинная белая шерсть. Его каждое лето стригли, и вязали носки из его шерсти. Свою службу Тузик нес исправно, никого во двор не пускал. Но когда Тузик умер (это было потом), моя бабушка привела откуда-то другого Тузика и посадила на цепь. Он был больше похож на породистую собаку, и не знал, на кого надо лаять, а на кого нет. Тогда баба Таня решила исправить положение. Она позвала свою сестру Бабиху. У бабы Тани было три сестры. Одна была по фамилии Бабина, её баба Таня называла Бабихой, другая была Балашова — Балашиха, третья Рыжалёва — Рыжалиха. Привела баба Таня Бабиху и дала ей длинный прут. Не прут, а целую березу, и заставила дразнить Тузика, чтобы злой был. Тузик вначале не понял в чем дело, но потом сообразил, и так разозлился, что сорвался с цепи и чуть не съел Бабиху. В 1941 году началась война. Часто говорят о том, как все шли добровольно на мобилизационный пункт. Я этого не помню. Но помню, что была паника. Основная тема разговоров была — кому досталась бронь, чтобы не идти на войну. Видимо инстинкт самосохранения в людях выше, чем любовь к Родине. Мой папа, очевидно, тоже имел тайную надежду не пойти на фронт. Надеялся, но все-таки не очень надеялся. Потому как решил хотя бы что-то сделать перед уходом. Я помню такую сцену. Он повалил на землю ворота, которые состояли из калитки и больших дверей для въезда, и стал их ремонтировать. Я ему «помогал». Вдруг идет сосед.

— Куда пошёл? — спрашивает папа.

— Вот повестку получил, иду в Военкомат, а ты ещё не получил?

— Нет, меня не возьмут. У меня нога поломана, — ответил мой папа.

Но нет, не приняли во внимание перелом ноги, и то, что он из-за этого в армии не служил. И ещё два папиных брата, дядя Степа и дядя Саша, ушли на фронт и погибли в первые месяцы войны. Точнее, пропали без вести. И было у бабы Тани три сына, и не осталось ни одного.

Запомнилась на всю жизнь еще одна сцена из первых панических военных дней. Баба Таня тащит откуда-то огромную корзину мыла туалетного, хозяйственного, открывает подпол, влезает туда, а затем с трудом затаскивает эту корзину. Я не мог понять, зачем нам столько мыла. Но баба Таня, наученная горьким жизненным опытом, знала, что делает. Война — это не только бомбы и снаряды, но и вши, блохи, всякая зараза. А чистота — залог спасения.

Почему-то этот факт мне так врезался в голову, что когда началась ельцинская война за власть, я решил: дело плохо, надо мыло покупать. Тем более, что кроме мыла, покупать было нечего. И я завалил дома всю антресоль мылом, которого хватило нам лет на десять.

После папы забрали на фронт Рыжуху. Осталась ее дочка Майка одна, без мамы. Может быть она переживала этот факт. Но она быстро росла и радовалась жизни. Я хорошо помню, как она бежала по двору, как прыгала! Какие выдвельывала пируэты! Но время шло. Майку тоже могли мобилизовать на фронт. Её продали. Осталась Маня. На нее вся надежда. Без Мани мы бы умерли. Она давала молоко. Она давала навоз, из которого можно сделать дрова — кизяк. Это такие кирпичи из навоза, которыми можно топить печку. Можно запрячь Маню в Рыжухину телегу и привезти дров из леса. Картошку и овощи, которые мы выращивали далеко за городом, тоже Маня привозила домой. Маня и сено сама себе привозила, которое мы косили в лесу, километров 12 -15 от дома. Благо у нас была такая возможность. Возможность «по благу». Мамина сестра, тётя Шура, моя крестная, работала в то время лесником и жила на «кордоне». Точнее работал лесником её муж, дядя Костя, но он был на войне. Потому она исполняла его обязанности. Вот там мы и промышляли, возле моей крестной, которую я называл Лёлей. Так у нас принято называть крестную мать и крестного отца. В нашем городе коровы были чуть ли не в каждой семье, а таких городов было большинство. За счет коров люди спасались сами и помогали армии. Половину молока сдавали государству. Столько пользы, сколько приносит корова, не приносит ни одно животное. Однако все любят лошадей, собак, кошек, даже крыс и хомяков, но только не коров, этих безотказных тружеников. И это не справедливо.

Справедливо, несправедливо, но время наступило тяжелое. Усилилось воровство, грабежи. Надо было быть готовым не только к тяжелому труду, но и к обороне. Моя баба Таня тщательно приготавлилась. Всё продумала. Уличные окна нашего дома каждый вечер закрывались ставнями с длинными железными болтами. Ворота во двор закрывались на задвижку и на замок. Но главное — уберечь Маню. Без нее нам конец. Этот вопрос был проработан особенно тщательно. Одно окно, выходящее во двор, не закрывалось ставнями. Через это окно просматривался весь двор и ворота. Если воры будут уводить Маню, то можно увидеть. Вот у этого окна баба Таня оборудовала ДОТ. У нас в доме было ружье. Баба Таня срочно изучила его тактико-технические характеристики и методику прицельной стрельбы. На ночь у окна она укладывала ружье и патроны на случай боевых действий, если вдруг будут Маню воровать. Это не всё. У входной двери, которая закрывалась на мощный металлический крючок, баба Таня ставила на ночь остро отточенный топор на случай рукопашного боя. Сигнал для начала боевых действий должен был дать Тузик. Это не всё. Иногда вечером, когда стемнеет, баба Таня выходила с ружьем на улицу и делала контрольный выстрел в небо. Надо же проверить, не отсырел ли порох в патронах, не дает ли ружье осечки и, вообще, боевую готовность не грех продемонстрировать. Эта демонстрация боевой готовности привела к тому, что уличная ребятня вечером стала бросать камни на крышу нашего дома, тем самым требуя на выход бабушку с ружьем. Баба Таня выходила, произносила в темноту угрожающую речь и производила очередной выстрел в небо.

И вот теперь, когда наш президент отдает приказ об очередном выстреле в небо для демонстрации боевой готовности и проверки пороха, я вспоминаю бабу Таню. Она бы его очень даже похвалила. Более того, поступила бы точно также на его месте.

Вроде бы не так грустно. Даже забавно. Но не всегда. Длинными зимними вечерами, когда и мама, и бабушка были дома, одна из них вдруг начинала потихоньку плакать. Другая тут же начинала делать то же самое. Постепенно плач становился всё сильнее и сильнее, переходя в истерические рыдания. Мне было страшно. Я утешал их, как мог. В первую очередь маму. Говорил, не надо плакать. Папа вернется. Но он не вернулся.

В дальнейшем, лет через 10 после войны, когда я уже учился в Казанском авиационном институте, однажды, во время летних каникул, когда я был дома, к нам пришел сосед, по фамилии Пышкин (имени его не помню). В своё время он был призван на войну вместе с моим отцом. Он вернулся, а мой папа — нет. Пришел дядя Пышкин изрядно выпивши. Попросил выпить еще. Совсем опьянев, он, обращаясь ко мне, стал говорить всякие хвалебные слова в адрес моего отца. «Да я с ним», «Да мы с ним», «Да ты знаешь, какой у тебя был отец!» Затем он начинал истерично плакать и, роняя голову на стол, без конца повторять одну и ту же фразу: «Я ему — Пашка, бежим! А он — не могу, у меня ноги отморожены. Я ему — Пашка, бежим! А он — не могу, у меня ноги отморожены». Я сказал маме: надо с ним поговорить, когда отрезвеет. — А она мне: нет, трезвый он совсем ничего не скажет. А эта сцена повторяется уже не первый раз. Это все, что я знаю о судьбе своего отца. И было ему 30 лет. И остался он навечно молодым и красивым.

Ко всему можно привыкнуть, приспособиться. Выживали мы за счет того, что мама всю тяжелую работу по жизнеобеспечению взяла на себя. В летнее время вставала в 4 — 5 часов, и ложилась спать в 12 часов ночи, а то и позднее. Надо было заготовить на зиму картошку, овощи, дрова, сено для коровы. По мере того, как я подрастал, я помогал маме. Это продолжалось до конца учёбы в школе и учёбы в институте. Бабушка вела в летнее время всё домашнее хозяйство. В зимнее время обстановка была более спокойной. Хотя я не помню, чтобы мама когда-нибудь отдыхала. Но бабушка иногда любила посидеть и посудачить с соседками, приходившими иногда к нам. Во время этих посиделок баба Таня всегда занимала председательское место. Обсуждалась чаще всего «тяжелая жизнь в советское время». Обычно можно было слышать слова «Что это за жизнь? Что мы видим? Каким хлебом кормит нас батюшка Сталин?»

— Вот раньше была жизнь, другое дело! Раньше люди жили хорошо!

Далее следовал рассказ бабы Тани о хорошей жизни раньше:

— Нас у матери было пять человек детей. Все мы работали на Мойке. Мясо мыли. (Мойка — это такой водоем, старица, старое русло реки Ишим, на которой стоит г. Петропавловск. Там была бойня, по нашему — мясокомбинат). Так вот, 5 человек. И все мы бывало отработаем целый день и заработаем по 20 копеек. Да ещё под юбку спрячем по куску мяса. И вот по пять кусков, да каждый день! И мать бывало столько мяса насолит в бочке, что мы всю зиму горя не знали! А что теперь, разве это жизнь!

— А уж когда я в девках была — продолжала баба Таня — я в богатой семье была горничной. Далее следовал рассказ о том, какое было богатство в той семье. Но особенно ей нравилось рассказывать о том, как хозяйский сын бегал за ней, заставлял «грамоте учиться».

— А я не хотела, убегала, а он за мной — с особым удовольствием говорила баба Таня.

— Не-е-е-т, теперь таких богатых людей нет — с большим сожалением заканчивала свой рассказ баба Таня.

Рассказы бабы Тани повторялись многократно, я их слушал и по-своему переваривал. Особенно мне нравилось слушать бабушкин рассказ о поездке в Москву. Это было до войны. Возможно в 1939 году. Взяла баба Таня мешок из под картошки и поехала в Москву. Подарки покупать. С мешком уехала, с мешком приехала. Привезла она много товару всякого. Мне она привезла костюмчик матросский. Фотография до сих пор сохранилась. Стою я на стуле в этом костюмчике. Мне там года два. Всем троим своим сыновьям она привезла по костюму. Отличные шерстяные костюмы московского производства. Папин костюм мне пришлось носить. В 10 классе — по торжественным случаям, а в институте — более часто. Что ещё привезла баба Таня, не знаю. Но привезла.

Рассказ о поездке в Москву баба Таня всегда начинала очень торжественно. Когда соберется подходящая аудитория, баба Таня начинала свой рассказ:

— Поехала я туда с товаркой. Но товарку дорогой потеряла.

Я думал, что товарка — это такая сумка для товара. Эту сумку она и потеряла. Поэтому приехала с мешком. Оказывается, что товарка, это то же, что и товарищ, только в мужском роде. Было такое хорошее слово — товарищ. Теперь оно стало почти нецензурным. Произносить теперь это слово — показать себя в неприглядном виде. Вот и мучаются теперь наши президенты и премьеры, подыскивая синонимы этому слову. Друзья, коллеги, партнеры и т.д. Сказать — господа, тоже не у всех язык поворачивается. С «господами» тоже не все в порядке.

Тем не менее, баба Таня осталась без товарки. Но впечатлений у нее всё равно было очень даже много:

— Товару то там всякого — тьма! А какие магазины! Идешь, идешь, и конца — краю нет. Ну вот и конец, думаешь. А там лестница! Все люди зачем-то вверх поднимаются. Поднимаешься вверх. Батюшки! Там опять магазин! А сверху смотришь вниз, а люди такими маленькими кажутся! Вот такими! И бабушка показывала небольшое расстояние между большим и указательным пальцами.

А другой магазин! Чудеса, да и только! Идут люди, идут по магазину и думают — конец еще не скоро, что дальше тоже магазин. А там — стена из зеркала! И ударяются деревенские бабы об это зеркало! Все носы поразбивали.

Я слушал и думал:

— Не приложилась ли баба Таня к этому зеркалу? Но разве ж она сознается!

— А машин — то! Машин — то сколько по улице едут! — восклицала баба Таня — Того и гляди — задавят. А как дорогу перейти? А вот как. Там где надо переходить, на дороге нарисованы белые пешечки. Думаешь как переходить? А ты иди по пешечкам, по пешечкам, по пешечкам. И тебя никогда машина не задавит! Вот рядом проедет, и не задавит! Ну если только ты пойдешь не по пешечкам — сразу задавит!

Слушая этот рассказ, я фразу «идти по пешечках» понимал буквально — надо наступать на пешечки. И если только наступить мимо пешечек — тебя сразу задавит машина. Мне мысленно представлялась толпа людей, идущих по пешечкам и между ними каким — то чудом маневрирующие автомобили. А также представлялись бедные москвичи, которые наступили мимо пешечек, и их задавили машины.

Этот рассказ вызывал восторженные возгласы у бабушкиных товарок. Но одна товарка — бабка Колоколиха долго слушала, молчала. И вдруг произнесла:

— Не могу понять, как можно на земле нарисовать белые пешечки.

— У-у-у! — отвечала баба Таня, — да там пол на дороге лучше, чем у тебя в избе!

— Что, деревянный что-ли?

— Де-ре-вянный ... Асфальтовый!!!

Бабка Колоколиха всю жизнь прожила в избе с земляным полом, и потому ей деревянный пол мог присниться только в сладком сне. Асфальта в нашем городе вовсе не было. Только две улицы были вымощены булыжником. Это улица Ленина и улица Сталина. У Ленина проезжая часть была булыжная, а тротуары — деревянные. У Сталина проезжая часть была булыжная, а тротуары — земляные.

Наш микрорайон был на окраине города и назывался Зайсан. Впрочем, и сейчас он так называется. Соседний микрорайон с востока — Слободка, а соседний микрорайон с запада — Гавногород. Так он назывался, видимо, потому, что там были какие-то вонючие котлованы.

Рябятня каждого микрорайона объединялась в так называемые шалманы. Во главе каждого шалмана стоял атаман. Периодически происходили драки между шалманами. Драка обычно назначалась заранее, на определенное число. К драке готовились. Вырубали дубинки, изготавливали самопалы. Однако, больших последствий после драки обычно не было.

А вот за Слободкой, в степи, очень быстро выросло еще два больших поселения. Это Копай и Шанхай. С началом войны в наш город было эвакуировано несколько военных заводов. Рабочие этих заводов копали ямы, над ними устраивали какие-то сооружения. Это и было их жилье. Местное население, в основном женщины и подростки, тоже работали на этих заводах. Иногда даже кругло-суточно. После войны Копай и Шанхай снесли.

В 17 — летнем возрасте я поступил в Казанский авиационный институт. По окончании института я жил и работал в разных городах. В Саратове, Красноярске, Караганде, Москве. Но периодически я приезжал в родной Петропавловск. Запомнился приезд в конце 80-х годов. Это было жарким летом. Как обычно, я произвел путешествие по всем основным улицам города. Новые многоэтажные дома в новостройках. Город увеличился территориально раза в три. Везде асфальт. Бывшая центральная улица, улица Ленина, превращена в пешеходную зону — зону отдыха, по типу Арбата в Москве. Пол на улице не только лучше чем у бабки Колоколихи, но даже очень красивый, выложен цветной плиткой разными орнаментами. Цветы, фонтаны, фонари, как на Арбате. Все как на Арбате, но местами даже лучше, потому как улица то там, то здесь имеет расширения, где устроены отдельные зоны отдыха.

А прилегающая центральная площадь — совсем вся в зелени. И все это в лучах жаркого летнего солнца! Невольно подумалось:

— Где я? В Сочи? В Ялте? Неужели в Петропавловске!

Устав от путешествия я вышел на автобусную остановку, чтобы ехать домой. Подошел какой-то автобус. Я спросил одного мужчину, куда идет этот автобус:

— В Гавногород, — ответил мужчина.

На следующий день я сделал экскурсию в этот микрорайон. Там действительно мало что изменилось. Советская власть много, что сделала, но не все. В последние 20 лет рушится и то, что было сделано.

В 1958 году, после окончания 4 — ого курса сбылась моя голубая мечта. Я попал в Москву! Я и мои два друга — Юра Куйбеда и Миша Туганов оказались в команде, которая должна была участвовать во всесоюзных студенческих соревнованиях по военно-прикладным видам спорта. Соревнования проходили в Мытищах. Как только появилось свободное время, мы поехали осматривать Москву. В нашей команде был один парень, который бывал раньше в Москве. Я поведал ему о рассказах бабы Тани о Москве, и он повел нас по следам бабы Тани. Первое — это ГУМ, магазин, где со второго этажа можно увидеть огромное число маленьких человечков. Второе — это магазин подарков на улице Горького, магазин, где можно разбить нос об зеркальную стену. А вот и пешечки через улицу Горького!

И еще одно воспоминание о первом пребывании в Москве. На 100 рублевой купюре была изображена фотография Московского Кремля, снятого с Большого Каменного моста через реку Москву. Эта фотография с детства поражала мое воображение. Я показал 100 рублей своему спортивному гиду и сказал:

— Веди нас туда, откуда можно увидеть этот пейзаж.

Он привел нас на мост. Мы тщательно выбрали кадр, чтобы было, как на деньгах, и сфотографировались на фоне Кремля. Эта фотография у меня хранится до сих пор.

Когда ребенок учится читать, какую букву он узнает раньше всех остальных? Скорее всего — букву «А». Я же начал учиться читать с буквы «О».

Напротив нашего дома, через дорогу, жила тетя Лиза Герасименко. У нее был сын Толя. Он был лет на 10 — 12 старше меня. Толя был глухой. Он мог говорить, но совсем не слышал. Его так и звали — Толя Глухой. Баба Таня говорила часто мне:

— Одевайся тепло, а то простудишься и оглохнешь, как Толя. Пошел в мороз на танцы! В щиблетах! Вот и заболел и оглох.

Толя очень много читал. Ходил в библиотеку, брал книги и читал. Много читал.

Когда мне пошел седьмой год, однажды у нас в доме появился Толя с книгой в руках. Это был подарок для меня. Это была детская книга в отличном коленкором переплете. На обложке тиснением и металлизацией был изображен бегущий олень. Книга называлась — «Олежек, золотые рожки». Радости не было предела. Мне хотелось быстрее научиться читать. Я без конца подбегал к маме и спрашивал:

— Это какая буква?

— «О»

— А это какая?

— «Л»

И так далее, и так далее. Так я прочитал всю книгу и научился читать, считать и, хотя и не очень хорошо, писать.

Именно в этом, 1944 году вышло постановление Правительства об обязательном образовании. Все граждане СССР, достигшие 7 летнего возраста должны учиться в школе. Вызвано это было тем, что многие дети не учились в школе по причине отсутствия одежды, обуви, еды.

— Ишь чего выдумали, — сказала баба Таня, — в 7 лет учиться! Рано ещё. Будет 8 лет, тогда и можно будет в школу ходить!

С бабой Таней спорить бесполезно. Она — глава семьи. Этот принцип она соблюдала твердо. Во всём, во всем. К примеру. Иногда, редко, но было, у нас была курица на обед. Вначале суп на курином бульоне. Затем сама курица. Вперед бабы Тани никто не смел прикоснуться к курице. Она её разрывала на части и раздавала мясо. Первым делом она отрывала голову и брала себе. Голову должен съесть глава семьи! Ноги она выдавала нам с братом приговаривая:

— Мальчикам ножки, чтобы топали дорожки!

Маме она отдавала крылышки. Остальное мясо всем поровну.

Мне очень хотелось попробовать голову. Мне казалось, что вкуснее куриной головы нет ничего на свете. И однажды, когда сварили курицу, но ещё не подали на стол, я потихоньку оттяпал голову и съел. Надо было видеть бабу Таню, когда она увидела курицу без головы! Это был громадный скандал. Она была не только рассержена, но страшно обижена, оскорблена.

Меня в школу не отдали в 7 лет, но наше Правительство оказалось главнее бабы Тани. Прошёл сентябрь, октябрь. И вдруг! Мне не выдали карточку на хлеб, потому что не учусь. Что делать! Меня мама собрала и повела в школу. Я помню идет снег, холодно, мы идем в школу. Я весь сжался, съежился. Вдруг не примут! Разговор состоялся с учительницей, Валентиной Васильевной. В коридоре, во время перемены. Это была молодая девушка. Она стала убеждать маму, что уже поздно. Прошло 2 месяца. Мама уговаривала проверить меня, говорила, что я умею читать, считать, писать. В конце концов Валентина Васильевна вынесла букварь и дала мне читать, потом что-то прибавлять и отнимать. После этого она побежала к директору. Так меня приняли в школу.

Это была начальная школа, с 1 по 4 класс. Располагалась она в деревянном одноэтажном доме. Дом этот в плане представлял квадрат, разделенный на 4 квадратных комнаты. В трех комнатах были учебные классы. А четвертая — коридор. Учились в две смены. Девочки и мальчики вместе. На перемене выбегали в коридор. Три учительницы и огромное количество детей — все брались

за руки и, двигаясь по кругу пели песни. Всем хотелось попасть в хоровод. Ходили по кругу прижавшись друг к другу, в несколько рядов. Никому не хотелось оказаться вне хоровода. Песни были примерно такие:

На позицию девушка провожала бойца,
Темной ночью простились на ступеньках крыльца.

или:

Как-то рано на рассвете заглянул в соседний сад,
Там смуглянка молдаванка собирала виноград.

или:

А вчера прислал по почте три загадочных письма,
В каждой строчке только точки — догадайся, мол, сама.

И я думал и не мог понять, какие это точки и о чем надо догадаться.

И так. Вроде бы посторонний человек, Толя, решил мою судьбу. Если бы не Толя, я бы не научился читать, меня бы не приняли в школу. Моя судьба могла бы сложиться по-другому.

Не знаю, с Толиной подачи, или по другой причине, но в моей жизни все судьбоносные события происходили в результате совпадения каких-то маловероятных случайных обстоятельств.

Если раньше баба Таня рассказывала мне сказки, то теперь уже я ей мог читать сказки. В её сказках всегда фигурировал какой-нибудь царь. И я спросил однажды:

— А кто у нас царь?

— Как кто? Сталин, — сказала баба Таня.

Теперь же я узнал, что царя уже давно нет. Я об этом сказал бабе Тане.

— Как нет? А кто же Сталин? — недоумевала баба Таня.

— Сталин наш вождь! — гордо ответил я.

— Ну вошь ни вошь, ну все равно же царь. Как же без царя! Без царя нельзя!

Баба Таня очень любила слушать мое чтение. Вначале сказки, затем приключенческие романы. Она искренне была убеждена, что всё, что написано в книге, всё это — реальные, достоверные события и поэтому очень переживала по поводу прочитанного. Помнится, когда мы с ней читали роман «Таинственный остров», она не находила себе места:

— Вот дураки, полетели на воздушном шаре! Ведь погибнут! Ну, сами то, ладно, ну мальчишку то зачем с собой взяли? Ведь погибнет мальчишка! Мальчишку то как жалко!

Однажды пришло письмо от Бабихи, от сестры бабы Тани, вернее от ее семьи. В связи с тяжелым материальным положением семья Бабихи переехала в Караганду, так как это город шахтерский, и там зарплаты выше. Баба Таня нетерпеливо ждала письмо. И вот письмо пришло.

Обычно, когда я приходил из школы, баба Таня вначале ждала, когда я закончу уроки и только потом садилась поудобнее, приготовившись слушать, и просила читать интересную книгу. Здесь же она сразу потребовала:

— Давай читай! Давай читай!

Я стал читать. Приблизительно баба Таня услышала следующее:

— Здравствуйте дорогие ... , — далее следовал поименный список всех, кто должен здоровствовать.

— Во первых строках своего письма сообщаем ... , — далее о том, как доехали, приехали. После этого шло повествование:

— Колька болеет. Васька болеет. Мамка болеет. Бабка болеет. Остаемся живы и здоровы, того и вам желаем.

— Не умеют письма писать! Черт — те что написали, — сказала баба Таня, очень огорчившись. Письмо ей не понравилось.

В повседневной жизни мы не всегда уже вечером помним, что было, что мы делали утром. А утром, не всегда помним, что было вчера вечером. Но в моей жизни был один день, который запомнился весь, навсегда. И что было утром, и днем, и вечером.

День этот — 9 мая 1945 года. Была очень теплая, летняя погода. Вторые рамы в окнах нашего дома были уже выставлены, поэтому было все слышно, что происходит на улице. Утром я проснулся от многоголосых криков, которые переходили в общий гул, среди которого можно было различить только два повторяющихся слова — «кончилась война», «кончилась война». На улице было много народу. Взрослые и дети, женщины и старики. Все это двигалось, гудело, шумело, кричало, прыгало. И среди всего этого — два слова — «кончилась война».

По радио Левитан говорит о Великой победе в Великой войне Великого народа, а с улицы доносятся два слова — «кончилась война», «кончилась война». Хоть война и закончилась, но в школу надо было идти. Собрались все дети в школе как обычно. Заходит в класс Валентина Васильевна и обращается к классу:

— Здравствуйте дети. Какое сегодня событие произошло? Я успел первый поднять руку, и она предоставила мне слово: Мне хотелось произнести длинную, торжественную речь, как говорил Левитан по радио. Но я очень растерялся и произнес два слова:

— Кончилась война.

— Правильно, — сказала Валентина Васильевна и произнесла длинную торжественную речь, которую я хотел произнести. Речь о Великой Победе нашего народа в Великой войне.

Наступил вечер. Стемнело. У нас в Зайсане в то время не было электричества, поэтому, когда темно, то очень темно. Меня уложили спать.

Вдруг с улицы стали доноситься те же крики, что и утром. Я выбежал на улицу босиком, в одной ночной рубашке. На улице было много людей, и все с криками бежали куда-то в одну сторону. Я тоже побежал. Бежал и думал:

— Рубашка короткая, не видно ли чего, — но, думаю, ночью не видно.

Оказывается над крышей дома семьи Малышкиных, горела звезда из электролампочек. Туда и бежали все люди. Это было так изумительно красиво! Казалось, всё небо в огне. Собралось большое количество народу. Все были охвачены одной радостью. Такой всеобщей радости многих людей я больше не помню. Опять, как и утром, многократно повторялись два слова — «кончилась война».

Звезду зажег 18 — летний Мишка Малышкин. Он работал на электростанции электромонтером. Но где же Мишка взял электричество? Этот вопрос почему-то не стоял. Очевидно, все считали, что если сапожник не бывает без сапог, значит электромонтер не может быть без электричества.

Ни утром, ни вечером, на улице я не услышал слова «Победа», я обратил на это внимание. Видимо не всем слово «победа» в радость. Какая же это победа, если погибло 27 миллионов человек? Очевидно, простому человеку вовсе не нужна победа. И почему кто-то кого-то должен побеждать?

Может быть, в тот момент, когда я последний раз смотрел на своего папу, как он ремонтирует ворота перед уходом на фронт, там далеко, где-нибудь, какой-нибудь Генрих тоже ремонтировал свои ворота перед уходом на фронт, и на него в последний раз в своей жизни смотрел его маленький Гансик.

Конечно же, наши отцы воевали не с немцами, а с фашистами. Если бы все думали так!

Однажды я включил телевизор, идет передача КВН. Одна команда задает загадку другой команде. Загадка была о какой-то национальной особенности немцев. Другая команда, посоветовавшись, дает ответ:

— Это потому, что мы им дали жару под Курском.

Гром аплодисментов в зрительном зале. Члены жюри аплодируют, корчатся от смеха. Мне не нравится такая передача. Словосочетание «день Победы» у меня вызывает двойное чувство. С одной стороны — праздник. Но с другой стороны, лучше бы это был праздник конца войны, которой не будет больше никогда.

Когда я учился во втором классе, меня баба Таня повела в церковь на исповедь. В то время я уже знал, что священники — плохие дяденьки. Я очень переживал, ежился от страха. Первое, что спросил у меня Батюшка, какие у меня есть грехи. Я четко, бойко парировал:

— Грехов нет!

— Ну как нет. Небось балуешься в школе?

— Нет!

— Ну как нет, небось дергаешь девчонок за косички?

— Нет!

— Ну а двойки есть?

— Нет!

— А тройки есть?

— Нет!

— А четверки есть?

— Нет!

— Ты что, отличник?

— Да!

— Молодец. Надо хорошо учиться. Нам нужны грамотные люди, чтобы крепить могущество нашего государства. Повышать благосостояние нашего народа — и так далее. Всю его речь я не помню. Но помню, что я был очень удивлен. Оказывается, в церкви, как и в школе — хорошие дяденьки. И говорят они те же слова, что и учителя в школе.

И в самом деле. Чем отличаются основные жизненные принципы, изложенные в уставе компартии от христианских жизненных принципов? Во всяком случае, для рядового обывателя — ничем. Если рядовой обыватель будет жить строго по уставу компартии, он не совершит ни одного греха. И такие люди были и есть. Однако многим людям звериный эгоизм, жадность не позволяет добровольно жить по коммунистическому уставу.

Когда В.И. Ленин, находясь в Разливе, в шалаше вел переписку через прессу со своими оппонентами, ему один такой оппонент написал примерно так:

— Ваш проект нового общества очень даже хорош. Но он имеет один недостаток. Он не учитывает звериную сущность, звериный эгоизм людей. Значит проект этого общества не осуществим.

В.И. Ленин ответил:

— Мы воспитаем нового человека!

Об этом я прочитал в 1960 году. И всё время думаю:

— Как может такой умный, гениальный человек, так ошибаться? Как же это можно в пределах одного поколения, в целом государстве, перевоспитать всех людей? И где взять воспитателей!

Христианский устав учитывает звериный эгоизм человека, путем расплаты за грехи и помешения в рай за благонравный образ жизни. Это и учили «новые русские». Потому они и ходят по праздникам в церковь и притворно крестятся. При этом баснословно богатеют, загоняя в нищету других людей.

Ленинские коммунисты допустили ошибку в том, что объявили войну Церкви. Сегодняшние коммунисты исправили эту ошибку. Коммунисту теперь незастойно ходить в церковь. Возможно, это и правильно. Потому что капитализм и социализм — это всего лишь разные типы производственных отношений. А уж вести благонравный образ жизни из боязни Бога, или на основе своих убеждений — это личное дело каждого.

Еще в далекие 60е, 70е годы было заметно, что Советская власть постепенно деградирует. Все больше людей проникало в коммунистическую партию не по идейным принципам, а так — купить ковер или «жигули» без очереди, побыстрее, увеличить зарплату на 20 р. Таких «большевиков» становилось все больше и больше. Кто пошустрее — ошивались где-нибудь в парткоме, профкоме.

Мне казалось, что Советская власть все равно не удержится. Она должна лопнуть. И партийным прихлебателям придет конец.

— Посмотреть бы на них, когда они будут вертеться как вошь на гребешке! — думал я.

Советская власть лопнула раньше, чем я думал. Но не вертятся на гребешке большевики из парткомов.

Встречаю я теперь иной раз бывшего большевика из парткома:

— Как дела?

— Да вот, помаленьку. Купил коттедж не так далеко. Квартиру дочери купил. Сыну квартиру купил.

— Ну и как сын, дочь?

— Дочь ничего, все в порядке. Семья, дети. А вот сын — наркоман, пьёт, проститутку водит. Что делать, не знаю.

Никто из моих бывших сослуживцев, талантливых, трудолюбивых молодых ребят не разбогател, оставаясь в своей профессии. Перебиваются, как и прежде. Многие спились. Некоторые умерли раньше времени.

Часто теперь говорят:

— При большевиках было то. При большевиках было это. Меня раздражает это словосочетание «при большевиках». Что мог советский большевик? Купить холодильник без очереди? Теперь большевики выросли, окрепли, обнаглели до предела. Не тогда мы жили, а теперь живем при большевиках.

Когда мне было лет 6, вдруг неожиданно у меня появился новый, очень хороший друг. У нашей коровы родился сын — Миша. Вообще, коровы каждый год рожают детей. Но я помню Мишу. Такой он был хорошенький, черного цвета. Я с ним очень подружился. В начале (была зима) он жил с

нами вместе, в доме. Стало тепло, его вывели во двор. Я и там с ним играл. Он меня тоже полюбил. Наступило лето. Миша рос. Его надо было чем-то кормить! Его надо где-то кому-то пасти! Не решаемые проблемы! Мишу зарезали. Моему горю не было конца. Я не кричал, не ревел, а где-нибудь потихоньку прятался и горько-горько плакал. Мясо его я, конечно, не ел. Мне казалось, зарезали человека. И мясо у него человечье, несъедобное. Мои родители, очевидно, были перепуганы. Больше у нас никогда не резали свою скотину.

На следующий год у нашей коровы родилась дочка. Тоже черненькая, хорошенькая. Баба Таня назвала ее Зойкой. Мы с ней очень подружились. Подошло лето. Встал тот же вопрос, куда девать Зойку? Дома кормить нечем. Пасти негде, некому. Я вцепился в Зойку мертвой хваткой. Говорил, что буду ее пасти, буду за ней ухаживать. Только бы оставили ее дома. Моим родителям ничего не оставалось делать. Зойку оставили дома. И я все лето, каждый день утром уводил ее в степь. В середине дня приводил, а потом снова уводил. Вечером опять приводил домой. И так она у нас осталась. Года через два она стала коровой. Я уже перешел в третий класс.

Это Шуркина корова! — восклицала баба Таня и хвалилась всем соседям. — Надо ему за это пальто справиться! Катерина (это моя мама)! Иди на базар, ищи матерьял для пальта! В магазинах тогда ничего не было. Пошла мама на барахолку и купила там офицерскую шинель. Хорошую шинель, из добротного серого сукна. Баба Таня одобрила покупку:

— Надо Фроську позвать, пусть посмотрит и перешьет на пальто.

Тетя Фрося жила через два дома от нас. Жила она с сыном вдвоем. Она была старше мамы, но моложе бабы Тани. И они с сыном всяко-разно выкручивались, чего-то шили, перешивали. Купят на барахолке пиджак старый, заштопают дыры, окунут в ведро с краской, высушат, разгладят утюгом — пиджак уже новый. Можно его назад на барахолку отнести. То есть занимались малым бизнесом, как теперь бы сказали. Но тогда у них были проблемы с властями по этому поводу.

Когда пришла тетя Фрося, я сидел и грыз сырую морковку.

— Морковку кушаешь? — приветливо улыбаясь обратилась тетя Фрося ко мне, — молодец, правильно делаешь, в морковке витамины содержатся. У нас в тюрьме всегда по утрам сырую морковку давали.

Фраза «у нас в тюрьме» была произнесена с таким благозвучием, как будто дело происходило вовсе и не в тюрьме, а в каком-нибудь санатории или на даче в ЦК ВКП (б). И еще тетя Фрося любила голосовать, то есть ходить на выборы. О выборах отдельный разговор. Выборы — это праздник, всем праздникам праздник. Выборы проходили в школе, где я учился первые 4 года. В день выборов вся школа украшалась флагами, плакатами. Работал буфет. Играла гармошка. Пляски, песни. По улицам мчались всадники с лыжниками на буксире, празднично украшенные повозки с колокольчиками на дуге у лошади. На повозках подвозили стариков и больных, кто не может сам придти на избирательный участок. Некоторым везли урны для голосования прямо на дом.

А перед выборами по домам ходили агитаторы. Зачитывали биографии кандидатов в депутаты блока коммунистов и беспартийных. Агитировали. Опрашивали население, кто больной или старый, кого подвезти на избирательный участок, или кому привезти урну на дом.

Баба Таня заказывала урну на дом, хотя до школы было метров 200 и пройти она могла в 20 раз больше. В день голосования она ложилась на свой сундук — диван и ждала, когда привезут урну.

А тетя Фрося! Нет она не заказывала урну на дом. Она поздно ночью приходила на избирательный участок и до утра стояла у школьной двери, чтобы проголосовать первой. Голосование началось в 6 часов утра. Позднее передавали по радио, на каком участке, кто первый проголосовал. И тетя Фрося с удовольствием слушала, как её по радио называют по фамилии, имени и отчеству. Где ж её ещё могли называть по имени и отчеству? Среди соседей — она Фроська. В тюрьме — вообще никто.

Пальто из шинели получилось на славу. Длинное, на вырост, с теплым воротником. Но в школу в нем я сходил только один раз. Мне стыдно было идти в школу в новом пальто. Все в старых пальтишках или телогрейках, а я в новом пальто, да ещё в таком шикарном. Один раз я только пришел в школу в этом пальто. Потихоньку разделся, чтобы никто не видел. И ушел из школы самый последний, чтобы никто не видел меня.

Так я и ходил в телогрейке до 9 класса, пока мне баба Таня снова не «справила пальто».

Как я уже упоминал, летом моя мама работала за городом, заготавливая средства жизнеобеспечения на зиму. Картошка, овощи, дрова, сено. Особенно сено. Сенокос отнимал львиную долю времени. В меру своих сил я ей помогал. С 12 лет я начал помогать косить сено.

В 8 классе преподаватель физкультуры, бывший фронтовик, коммунист, Василий Никифорович организовал лыжную секцию. Я записался в нее. Тренировки Василий Никифорович начал с начала учебного года. Тренировки были интенсивными, частыми, при любой погоде. Работал Василий Никифорович с нами очень серьезно, хотя и бесплатно. Мы не платили никому, и ему не платил никто. Результаты начали сказываться очень быстро. К концу года я резко окреп физически. Весной Василий Никифорович стал тренировать легкоатлетическую команду, в которой я тоже участвовал. Мы заняли первое место среди школ области. Потом занятия в секции приостановились, и я решил продолжить тренировки на сенокосе.

Сенокос этим летом у нас был очень далеко от дома, километров 25. Были большие трудности с вывозом сена. Вывозили сено на корове. Обычно мы нагружали воз сена и после обеда, когда спадет жара, мы с мамой «выезжали», то есть корова везла сено, а мы шли рядом. «Приезжали» домой уже за полночь. Особенно интересно было «ехать» ночью. Обычно я шел сзади воза, держался за веревку, которой привязано сено, смотрел на звезды и постепенно засыпал. Оказывается, можно спать на ходу.

Однажды я решил не «ехать» домой, а остаться на ночь в лесу. Мама колебалась. Ей, конечно, хотелось, чтобы я отдохнул. Но с другой стороны, как в лесу одному оставаться! Иногда волки воют ночью. Но я убедил, что волки летом людей не едят и остался.

— Ладно, отдыхай, — сказала мама, — сена нам косить больше не надо. Уже хватит. Поспи побольше.

Спали мы в шалаше (как у В.И. Ленина в Разливе). Как только она «уехала», я взял косу и стал искать участки нескошенной травы. Трава была почти везде скошена, и я искал участки то там, то там. Я торопился, хотелось накосить как можно больше, чтобы порадовать маму. Я косил допоздна. Встал рано утром и снова искал участки нескошенной травы и косил, косил. Быстрее, быстрее. Уже к вечеру «приехала» мама. Увидев меня, она обрадовалась, что я жив-здоров. Но я ее взял за руку и повел показывать, где и что я накосил. Привел на один участок, она посмотрела, думала, что это все. Потом повел на второй, потом на третий, четвертый. Обошли мы весь мой сенокос, пришли к шалашу. Мама села на пенек и заплакала, заплакала сильно, навзрыд. Возможно, для нее это был главный подарок в жизни. Ведь она чувствовала себя обреченной на вечную каторгу и не надеялась дожить до конца этой каторги.

«Приехав» домой мама поделилась этой новостью с бабой Таней.

Баба Таня торжественно произнесла:

— Это Шуркино сено! Надо это сено продать и справить ему пальто!

Опять «справить», хотя теперь можно было купить пальто в магазине. И мне «справили» модную в то время «москвичку». Это зимнее полупальто с карманами по бокам и на груди. В нем я ходил даже в институте на 1 и 2 курсах. После 2 курса заработал деньги на целине и купил новое, хорошее пальто.

Отличником я был только в начальных классах. А когда появились такие предметы как история, география, ботаника, мне стало труднее учиться. С физикой и математикой проблем не было. А вот в химии мне не давала спокойно жить одна проблема. Меня мучил вопрос, почему в некоторых реакциях при соединении одних атомов с другими выделяется тепло. Например, при соединении углерода с кислородом выделяется тепловая энергия. И мне было непонятно, откуда она берется, и что такое тепловая энергия. Мучения мои продолжились и после окончания школы, пока я, наконец, не уяснил, что в природе тепловой энергии и тепла вовсе нет. Существует только кинетическая энергия, энергия движения! Кинетическая энергия самолета, летящей пули. Кинетическая энергия молекул, атомов, нейтронов, протонов, электронов, квантов, электромагнитного излучения и, так называемых, элементарных частиц. Зависит эта энергия только от массы и скорости материального тела или частицы. Таким образом, энергия и масса составляют сущность Вселенной. И при горении выделяется кинетическая энергия.

Может быть для кого-то это не имеет особого значения, но для меня это было большим открытием, позволяющим несколько по-иному смотреть на окружающий мир. Например. В школе мне говорили:

— Этот предмет красный, поэтому он отражает световые волны длиной 0,6/0,7 микрона.

Я говорю:

— Никакого красного, желтого, синего цвета нет. И этот предмет не имеет никакого цвета. Просто он имеет способность отражать электромагнитные волны длиной 0,6 ... 0,7 микрона.

Можно сказать, что света вообще никакого нет. Есть кванты электромагнитного излучения в широком диапазоне длин волн. И только в очень узеньком диапазоне длин волн наш радиоприёмник — ГЛАЗ принимает эти волны, формируя определенные реакции на сетчатке глаза. А мозг наш «измеряет» длину электромагнитной волны и формирует в нашем сознании чисто субъективное впечатление красного, желтого, синего или просто темного, светлого, формируя определенные образы в нашей памяти. То есть цвет и свет «придумал» наш мозг.

В институте мне учиться было очень трудно. Вообще-то, трудно было всем. Почему-то не все сознаются. Говорят, было легко. На самом деле, программа у нас была очень перегружена. Надо было быть каким-то сверхчеловеком, чтобы все успевать сделать как положено. В нашей группе, по-моему, был один такой сверхчеловек. Это Ваня Шалагин. Он всегда все успевал, и конспекты у него были идеальные, даже конспекты к семинарским занятиям по общественным наукам. Вначале я запаниковал, думал, не выдержу. Но потом, вдруг, обнаружил, что некоторые предметы, которые считаются самыми трудными, мне даются легче, тех, которые считаются легкими. Так на первом курсе легче других давались начертательная геометрия и аналитическая геометрия. На следующих курсах легче других предметов мне давались сопромат, теория механизмов машин, авиационные гироскопические приборы, нравились такие предметы как электротехника, электрические машины, электропривод. Я старался экономить время на тех предметах, которые для меня являются более легкими, чтобы хоть как-то вытащить остальные.

Иногда обстановка обострялась так, что вся группа не успевала в срок сделать курсовой проект. Так было, например, с курсовым проектом по электрическим машинам. Вся группа сообща делала курсовой проект всю ночь накануне нового года.

Но особенно запомнился зачет на военной кафедре по конструкции самолета. Вся группа собралась готовиться к зачету всю ночь в общежитии. Спать не собирался никто. И вдруг прошел слух по общежитию, что на эту ночь собирается команда на разгрузку баржи с цементом. Такие команды собирались редко, и упустить возможность заработать за ночь сумасшедшие деньги, 200 р., не хотелось. Встал вопрос — зачет или 200 рублей. Я решил — 200 р., потому, что зачет можно так и так не сдать, а 200 р. упускать нельзя. Но всё же мне одному идти зарабатывать 200 р. не хотелось. Я решил уговорить кого-нибудь в соучастники этой акции. Согласился Борис Косенко:

— я пошел бы, но у меня нет подушки — сказал он. Подушка это приспособление для переноски мешка с цементом на спине. Я пошел по общежитию, нашёл подушку. Тогда он, после долгих колебаний, всё равно отказался заработать 200р. Пришлось идти одному.

Заработав за ночь 200р, утром прямо с речного порта я поехал в институт сдавать зачет. Не явиться на зачет нельзя. Это военная кафедра. Дисциплина железная. Как я не торопился, но опоздал. Всего на несколько минут. Поднимаюсь я по лестнице на второй этаж и думаю. Влип. Опоздал. Опять пошлют к полковнику Бяллеру. Полковник Бяллер — это начальник кафедры. За всякие провинности нас отправляли к полковнику Бяллеру. Меня уже отправляли один раз к Бяллеру, не помню за что. Пришел я тогда к нему в кабинет. Как положено по уставу, доложил. Стою по стойке «смирно» у его стола. Он сидит, смотрит на меня. Надо знать полковника Бяллера. Кто его не видел, много потерял. Одни усы чего стоят на фоне абсолютно лысой головы! Если взять длинный ёжик для мытья бутылок и разместить его перпендикулярно носу, это и будут усы полковника Бяллера. А над усами — глаза, как два пулемета, готовые расстрелять на месте.

Сидит и смотрит, нацелил на меня свои глаза — пулеметы. Думаю, ударил бы, и то было бы легче. А он говорит:

— Ты Гомера читал?

— Никак нет, товарищ полковник! — ответил я громко чётко, как положено по уставу.

— Плохо!

— Виноват, товарищ полковник!

— Почитай!

— Слушаюсь, товарищ полковник!

— Кр-у-у-у-гм!

— Ша-го-о-ом ...мрш!

Вдруг мои кошмарные мысли о полковнике Бяллере прервал внезапный бешеный крик за дверью аудитории, где должна сдавать зачет наша группа. Не успел я опомниться, как распахнулась дверь, и из нее вылетела вся наша группа. Все были во вневменяемом состоянии, чему-то радовались, что-то кричали. Я подбегаю к одному, другому, спрашиваю, что случилось, трясу за плечи. Все

невменяемые, никакой реакции. Наконец, в поле зрения мне попал Равиль Батаев. Думаю, подойти к Равилю. Он мне поможет. Он добрый, отзывчивый человек. Однажды он мне уже помогал, когда была у Алисы и Альберта Александровых свадьба. Не на свадьбе, а после свадьбы. На следующий день после свадьбы у нас началась практика на Казанском авиационном заводе. Прибыли мы после свадьбы на завод. Нас водили по цехам, показывали, стоявший на сборке, лучший в мире в то время самолет бомбардировщик ТУ — 16. Все хорошо, но мне стало плохо от порции спиртного выпитого на свадьбе. Равиль тогда спас меня. Он подошел ко мне и тихо спросил:

— Саня, тебе плохо?

— Плохо, Равиль, — ответил я.

— Ничего, потерпи, сейчас все закончится, пойдем ко мне домой. Я тебя вылечу. И действительно вылечил. Напоил теплым кипяченым молоком, уложил спать. Я вылечился.

Вот и теперь я решил, что Равиль мне поможет. Я спрашиваю Равиля, в чем дело, что случилось!

— Саня, ты что, не знаешь? Тебя разве не было? — удивился Равиль.

— Не было, не было меня, говори, что случилось!

И Равиль не спеша, обстоятельно, счастливо улыбаясь, начинает объяснять:

— Ты знаешь, как нам повезло!

— Не знаю.

— Нашего преподавателя повысили в звании, звезду прибавили на погоны. У него праздник.

Банкет у нег сегодня, понимаешь?

— Понимаю, ну и что?

— Не до зачета ему сегодня. Вот и поставил нам всем зачет не спрашивая.

— Что и мне тоже поставил?

— Конечно, Саня, и тебе, — успокаивал меня Равиль.

Я не ожидал такого поворота событий и был очень рад. Борис Косенко вышел из аудитории последним, прошёл мимо меня не глядя. Не разговаривал он со мной дней десять. А потом решил заговорить. Разговор сводился к тому, что я плохо поступил, что пошёл зарабатывать деньги, когда все не спали, готовились к зачету. Я ничего ему не ответил, так как не знал, что ему сказать. С одной стороны, может быть он прав, не надо было оставлять всех в трудную минуту, надо было не спать всю ночь вместе со всеми вместе. Но с другой стороны думаю:

— Борис ты не прав. Ты же сам готов был пойти на заработки. Но не решился в последний момент. И меня тогда не отговаривал.

После службы в Армии — каникулы, а затем — г. Саратов. По распределению я и несколько моих сокурсников должны были там пройти преддипломную практику, написать и защитить диплом и остаться там работать, на Саратовском заводе авиационных приборов. Меня определили в группу механизации и автоматизации производственных процессов, которая была организована в отделе главного технолога в соответствии с вышедшим тогда Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР о механизации и автоматизации производственных процессов. В группу входили — начальник группы Александр Павлович (мой тезка), его помощник — Игорь и двое из наших. Это Филиппов Владислав и я.

Я не очень был в восторге. Я решил, что такая группа не слишком что сможет автоматизировать. Это просто формальная реакция на Постановление. В то время почти на всех предприятиях организовывались такие маленькие группы, чтобы выполнить Постановление, вместо того, чтобы организовать одно мощное КБ по этой тематике в масштабе всей отрасли промышленности. В этом же отделе и устроился мой друг Женя Сбоев.

Жилищный вопрос был решен на частном секторе за счет завода. Нам четверым, это Жене Сбоеву, Жене Губанову, Юре Рыбалкину и мне дали направление к тете Фене. Тетя Феня жила на окраине Саратова в таком же микрорайоне, как и мой родной Зайсан в моем родном г. Петропавловске. Тетя Феня приняла нас очень даже приветливо и показала наши спальные места. Одно место — это отдельная железная кровать. Ещё два места — это на каком-то непонятном сооружении, полутора-метровый высоты, крепко закрепленная верхняя часть старой диван-кровать в развернутом виде. Это для двоих. Ну а четвертому — вот диван. На самом деле — это вовсе не диван. Это деревянная скамейка длиной метра полтора. С подлокотниками и спинкой. Конечно, на эту скамейку можно было лечь, но только если свернуться гармошкой в три изгиба. Пока мы все недоуменно смотрели на эту скамейку, Женя Сбоев вперед всех сказал:

— Я буду здесь спать, -лёг на диван- скамейку и сделал вид, что ему очень даже удобно. Мы по достоинству оценили благородный поступок Жени по отношению к друзьям. Железная кровать досталась Жене Губанову, как самому высокому. А мы с Юрой устроились на том самом загадочном сооружении.

Наступила золотая осень, была прекрасная погода. Женя Сбоев в один из воскресных дней встал пораньше и ушёл с фотоаппаратом в лес. Сфотографировал пейзажи разные. Кроме того, сфотографировал тетю Феню и ее кота Барсика в разных позах. Где-то раздобыл фотоувеличитель. Напечатал то, что сфотографировал. И тетю Феню напечатал с Барсиком, и тетю Феню без Барсика, и тетю Феню на улице, и тетю Феню в доме, и Барсика на улице, и Барсика в доме, и Барсика отдельно, и Барсика у тети Фени на руках. Очень даже довольна была тетя Феня.

Прошло некоторое время и тетя Феня, показывая на фотоувеличитель говорит:

— Этот дурак у меня съел много электричества.

— Не может быть, тетя Феня! — воскликнул Женя. И далее он вдохновенно начал читать лекцию по электротехнике для тети Фени. Про то, что количество съедаемого электричества зависит не от величины фотоувеличителя, а от мощности электролампочки, которая находится в фотоувеличителе, и не только от мощности, но и от времени её включенного состояния, которое измеряется какими-то секундами. И если все это помножить и сложить, то получится очень даже маленькая цифра. Тетя Феня слушала и смотрела на Женю, как смотрит психиатр на пациента. Потом отворачиваясь говорила:

— За дурру меня принимает. Чтобы такой дурак и так мало съедал электричества!

Так повторялось несколько раз, каждый раз Женя терпеливо читал лекцию по электротехнике, но бесполезно. В очередной раз, как только тетя Феня открыла рот, Женя не выдержал и как раздраженный лев или тигр, я уж не знаю, спрыгнул со своей диван-скамейки. Но тетя Феня не испугалась. Она показывала готовность биться до конца. И тут Женя пошел на крайнюю меру. Он громко крикнул:

— Вы замолчите, тетя Феня?!

— Нет не замолчу! — так же резко ответила тетя Феня.

— Ну а если я Вам дам 50 рублей, то замолчите?

— Замолчу, — сказал тетя Феня, но голос ее дрогнул (не врет ли?)

Женя вынул из кармана 50 р и отдал тете Фене. Тетя Феня действительно замолчала.

Время шло. Мы освоились в коллективе. Мне дал задание Александр Павлович разработать какое-то приспособление для токарного станка. Я разработал. Его изготовили и запустили в эксплуатацию. Вдруг Женя говорит мне:

— Есть сведения, что в наш институт поступила разнарядка на 10 лет в г. Красноярск. Желющие могут приехать в Казань на перераспределение. Дорога оплачивается. Можно даже приехать, узнать, что к чему, и отказаться. За это не накажут.

— А у тебя есть деньги на дорогу?

— Нет.

— У меня тоже нет.

— Будем искать.

Стали искать деньги. Точнее, искал Женя. Он водил меня куда-то, к каким-то знакомым. Потом еще куда-то. Наконец, деньги нашлись.

Не помню как, но мы съездили в Казань так, что никто не заметил. Приехали, к кому обратились не помню, но нас послали аж к самому директору института. Директор принял нас как дорогих и близких. Говорил, что мы очень даже приняли правильное решение. Что мы едем на самый передний край. Что работа очень важная и нужная, и что он очень даже рад за нас. Пожал нам руки на прощанье. Пожелал успеха.

Приехав в Саратов мы продолжали работу над дипломными проектами, влившись в дружный трудовой коллектив. О совершенном нами поступке никто не догадывался. Развивались дружеские отношения с коллективом, особенно с женской его половиной, в среде которой, по —видимому, не на шутку прорабатывался вопрос о наших судьбах. Как бы там ни было, но однажды комитет активистов женского коллектива решил отчитаться передо мной о проделанной работе. Мне было объявлено:

— Мы нашли тебе невесту!

— Как нашли? Где нашли?

— У директора нашего завода красивая дочь. Вы подходите друг к другу. Она составит тебе великолепную партию!

Далее следовал развернутый план действий. Через кого, как и где можно осуществить знакомство и так далее. Я план одобрил, вынес благодарность за проделанную работу, но попросил отложить осуществление этого плана до защиты диплома, так как первым делом — самолеты. Было решено развернуть активные действия после защиты диплома.

На самом деле, я в это время был уже знаком со своей будущей женой. Хотя она тогда еще не была будущей женой. Она была просто Рита. Познакомился я с ней будучи на 5 курсе, во время зимних каникул, в моем родном Петропавловске.

В моем Петропавловске была замечательная традиция. Во время зимних студенческих каникул проводились массовые молодежные мероприятия. Первые молодежные вечера отдыха проводил Петропавловский драматический театр — встречи с артистами, концерты. Кроме того, проводились вечера встречи выпускников школ. Обычно мы, студенты из разных городов (и не только студенты) ходили на вечера в нашу мужскую среднюю школу №1 им. В.И. Ленина.

Было много возможностей встретиться. Но мы встретились в самые последние мои каникулы. Встретились мы на вечере в драмтеатре. Рита тогда работала в детской поликлинике и усиленно готовилась к поступлению в медицинский институт. А у меня впереди было еще полгода учебы в институте, Армия, Саратов.

В Красноярск я прибыл в апреле 1960 г. Как и намекал директор нашего института, предприятие, на которое мы попали с Женей Сбоевым, получило очень серьезный заказ. Необходимо было освоить производство системы управления новейшей баллистической ракеты. Но слово «ракета» по условиям секретности произносить было запрещено. Это было изделие 8К75, которое и сейчас стоит на вооружении.

Для освоения «изделия» на предприятие было прислано большое количество молодых специалистов — выпускников разных ВУЗов Советского Союза. Опытных инженеров почти не было. Было приглашено всего несколько человек со стажем 3 — 4 года. Они и заняли должности начальников лабораторий и отделов. Мне даже было страшно. Как это такие сопляки смогут освоить производство такого изделия! Но с другой стороны — здоровый, молодежный коллектив. Мне даже иногда казалось, что это продолжение учебы в институте. Иногда я и теперь вспоминаю кого-нибудь и думаю, откуда я его знаю? По Казани или по Красноярску?

Специально для освоения этого изделия было создано СКБ, состоящее из лабораторий и конструкторского отдела. Мне хотелось попасть в СКБ, но нас с Женей Сбоевым направили в так называемую «спецлабораторию», которая была создана не в СКБ, а на заводе, при ОТК. Я был очень недоволен. Но теперь, оглядываясь назад, я сознаю, что мой Ангел-хранитель определил мне правильное место. Во-первых, зарплата. В СКБ оклад — 1100 р, и плюс небольшая квартальная премия. В заводской лаборатории — оклад 1100 р, плюс ежемесячная премия 40%, плюс 20% поясной ко-эффициент, которого нет в СКБ. Итого. В первый же месяц я получил 1900р. Сумасшедшие деньги! Во-вторых. Если бы я попал в СКБ, мне дали бы какой-нибудь один блок, и я сидел бы с паяльником, ворожил бы над ним. А название «спецлаборатория» позволяло мне входить в самую секретную комнату, проходя через три кордона. Позволяло работать с любой документацией под грифом «Совершенно секретно». Это давало возможность работать не с одним каким-то блоком, а изучать всю систему управления, которая состояла из многочисленных систем. Системы предстартовой подготовки, запуска всех систем автоматического регулирования, автоматического вывода на траекторию вначале системой управления 1й ступени, затем второй ступени и автоматического отделения головной части с соответствующим спецгрузом.

Помню, как я с трепетом в душе первый раз открыл выполненную на синьке толстенную книгу- первый том технического описания системы автоматического управления современной боевой ракеты, которую предстояло осваивать в производстве заводу. Первая страница — технические характеристики. Вслух об этом никто не говорил, запрещено. Можно только читать и только тому у кого есть допуск к совершенно секретным документам.

Вначале я думал, ну ракета и ракета, ну и ладно. Но когда я прочитал на какое расстояние и с какой точностью она может доставлять самые современные атомные и водородные бомбы, то был поражен.

Далее я прочитал, что система позволяет выводить изделие на скорость, превышающую первую космическую скорость. Неужели правда? Но ведь это говорит о возможности вывести на орбиту искусственный спутник земли! Или запустить космонавта! Куда я попал! Мне очень хотелось

подробно изучить всю систему. И мне в определенной степени это удалось. Тем более, что времени было предостаточно.

Изучая систему, я, конечно, не мог объективно оценить степень оригинальности, изящности тех или иных схемотехнических решений. Но что меня поражало, так это степень надежности. Была применена система многократного дублирования. Во-первых, комплект бортовой аппаратуры состоял из двух одинаковых комплектов. И назывались они канал А и канал Б. То есть, если выходит из строя канал А, управление берет на себя канал Б. Внутри того и другого канала каждый блок имел своего дублера. Внутри каждого блока любой узел имел дублера. И каждый элемент дублировался. Если резистор, то он не один, а 2 — 3 параллельно соединенных. Если диод или транзистор, то это два или три соединенных последовательно или параллельно, в зависимости от стоящей задачи. И так далее. Система отказов давать не должна. Один только прибор был один. И мы не знали, что внутри. Это блок гироскопических приборов. Он нам только выдавал сигналы по тангажу и по рысканию. А как он устроен, и кто его делает, нам было знать не положено. Я предполагаю, что возможно к этому прибору имеет отношение мой друг и соавтор этой книги Альберт Александров.

Месяца через три, то есть летом 1960 г. меня послали в командировку в Москву на предприятие, которое разрабатывало наше изделие. На стажировку. От стажировки я мало чего получил, но получил возможность неплохо изучить Москву, посетить выставки, музеи.

Помню в то время в Москве проходила международная выставка «Одежда -60». У меня стоял вопрос. В Красноярске будет очень холодно. Я надеялся увидеть модели зимней одежды для холодных районов. То, что я увидел, меня поразило. Во всех стендах одинаковые облегченные пальто на тонком синтепоне с маленьким каракулевым воротничком. У французов, у немцев, у поляков примерно одно и то же. Советский Союз тоже не отстал. Все те же легонькие пальто. Меня это возмутило. Я подумал, неужели нельзя для русской сибирской зимы разработать какую-то одежду на базе русского овечьего полушубка. Ведь будет тепло и дешево. Я имел ввиду, что полушубок тогда стоил почти в три раза дешевле пальто из шерстяного драпа.

Прошло 10 лет. Я изменил место жительства на Москву. И здесь я увидел, что появиться в овечьем полушубке — это верх превосходства над всеми, у кого нет такого полушубка. Только этот полушубок иностранного производства, и называется — дубленка. И стоит он почти в 10 раз дороже драпового пальто. Мне стало за державу обидно. Но об этом потом.

Пока я в Москве ходил по выставкам, моя Рита приехала в Красноярск, устроилась на частную квартиру и поступила в Красноярский медицинский институт. И вот я снова в Красноярске. Встретились мы:

— Ну рассказывай, как поступала

— и Рита стала рассказывать. Все экзамены она сдала на пять. На всём факультете было только два таких абитуриента. Точнее две. Она была рада, довольна. Осталась простая формальность. Явиться в назначенное время в приемную комиссию и в торжественной обстановке получить студенческий билет.

В то время действовало постановление СМ и ЦКПСС о том, что при приеме в ВУЗы надо смотреть на личность поступающего. Рита решила, что у нее личность в порядке, а оценки тем более. При полном параде явилась на комиссию. Комиссия состояла из директора института, декана факультета, очень важной представительницы из краевого комитета партии и еще кой кого.

— Вызвали меня, зашла я, — говорит Рита, — зачитали мои оценки и другие сведения, стою, жду поздравлений. И вдруг вперед всех госпожа из крайкома Партии говорит: «Такая в Туву работать не поедет!» Это был выстрел в упор. Это конец! И тут встает директор института. Тоже коммунист, с таким же партбилетом, как и у этой госпожи.

— Резко встает, — продолжает Рита, — резко протягивает мне руку и говорит:

«Я вас поздравляю. Вы приняты в институт! Желаю успехов!»

Сейчас модно ругать коммунистов во всем. Но были коммунисты, а были члены партии, которым не важно, где и каким быть членом, лишь бы ветер дул в их сторону. Как раз они то расцвели в наше время.

И так. Рита стала учиться в институте. Кроме того, устроилась работать лаборантом на кафедре фармакологии с окладом 400р. Жила на частной квартире. Я — в общежитии. Она часто приходила ко мне в общежитие. Все ребята, мои соседи, знали её. А вот женская половина коллектива не подзревала о ее существовании. А женский комитет, видимо, работал так же как и в Саратове. Но од-

нажды обстановка прояснилась. Был какой-то торжественный вечер всего коллектива предприятия. В честь какого-то праздника. Я пришел с Ритой. На следующий день на работе подошла ко мне одна представительница женского совета, самая бойкая девушка, и говорит:

— Я от имени всего женского коллектива уполномочена заявить о полной капитуляции.

— Какой капитуляции?

— Мы видели вчера, с какой ты девушкой был на вечере. Мы обсудили этот вопрос и решили сложить оружие. У нас конкурентов нет. Объявляем капитуляцию.

Прошел год. За это время, кроме изучения изделия 8к75, я еще занимался разработкой прибора для измерения вибрации при испытании изделий на вибростенде. Надо было разработать схемы и чертежи датчика на основе титаната бария и электрометрического усилителя. Работа мне эта понравилась. Я сам собирал датчики, настраивал усилители. Всего было подготовлено пять комплектов приборов. Встал вопрос, чтобы везти эти приборы в Москву на метрологическую аттестацию. Женя за это время побывал несколько раз в командировках, в том числе по снабжению в городе Киеве. Я предложил ему поехать в Москву со мной. Все равно мне одному все приборы не унести. Будучи в Москве мы как-то оказались в Красногорске, в гостях у наших однокурсников. Собралась большая веселая компания. Были Красногорские ребята, мы с Женей, Алла Адаменко (тогда еще Адаменко) приехала из Краснодара, был и Гена Кремезной, был Юра Борисов и еще, не помню кто. Выпили развеселились, выслушали интересный рассказ. Аллы о ее туристической поездке в Болгарию. Было весело и интересно.

Этим же летом 1961 года я получил свой первый отпуск и приехал в Петропавловск. Рита тоже приехала на каникулы в Петропавловск. Там мы и сказали друг другу:

— Давай поженимся!

Вернулись назад в Красноярск семейной парой. А жить негде. Но нам повезло. На кафедре фармакологии мединститута, где Рита подрабатывала на 400 руб., работала женщина преподаватель, которая снимала квартиру в течение 10 лет у Петра Петровича. И вдруг, ей дали, наконец, квартиру. Она уезжает от Петра Петровича. Кто такой Петр Петрович? Это лаборант на кафедре физики мединститута. Ему 75 лет. Он еще не женат. Одинокий. У него жилплощадь 40 кв.м. Откуда жилплощадь? Его папа, еще до революции был главным военным врачом Красноярского края. И был у папы двухэтажный кирпичный дом в центре Красноярска. Теперь этот дом национализирован, на за Петром Петровичем числятся две смежные комнаты.

— Иди к Петру Петровичу, — кричали Рите все сотрудники кафедры, -он тебе не откажет, вон сколько девчонок бегает к нему фотографироваться. Он всех фотографирует бесплатно. На кафедре фотолабораторию организовал.

Пошла Рита к Петру Петровичу. Он её выслушал и сказал:

— Пусть придет муж.

СБОЕВ ЕВГЕНИЙ

ДЕТСТВО, ШКОЛА

Родился я 12 июля 1936 года в деревне Овсянниково Уржумского района, Кировской области в семье колхозника Сбоева Михаила Владимировича. Летом 1942 года он по болезни приезжал с фронта домой на несколько месяцев для отдыха. Я хорошо помню, как мы с ним ездили в гости к родственникам, как осенью этого же года мы с матерью, провожая на фронт, на лошади отвозили его в военкомат города Уржума, а потом на пристань реки Вятки, Цепочкино. С Великой Отечественной войны он не вернулся, а из военкомата было получено сообщение, что он без вести пропал зимою 1943 года где-то на Калининском фронте, и мне, как и большинству деревенских мальчишек, пришлось испытать что такое безотцовщина. Вообще с войны на всю деревню вернулось не более десяти мужиков, а деревня была большая и состояла из двух параллельных улиц протяженностью не менее километра, и из каждого дома ушло на фронт чаще всего не по одному человеку. Вот какую дорожную ценную заплатила за победу в Великой Отечественной войне только одна наша деревня Овсянниково.

Моя мать, Сбоева Наталья Дмитриевна, была родом из деревни Русский Собуял, куда мы с нею часто ходили в гости, особенно по осени на какой-то загадочный тогда для меня праздник — Сергиев день. В Собуяле жила моя бабушка Ислентьева Ирина Ивановна, тетка Лена и четверо моих двоюродных братьев и сестер — Геннадий, Борис, Люба и Фаина. Их отец, мой дядя, Ислентьев Иван Дмитриевич, тоже погиб на фронте, и тоже на Калининском фронте, а бабушка Ирина болела, четырнадцать лет не поднимаясь с постели, так что жизнь у них была не легкая. Но мы, ребяташки это мало ощущали и мне у них очень нравилось гостить. Особенно интересно было в речке Собинке «мордами» ловить рыбу, лакомиться дикорастущей на буграх клубникой, а также крыжовником и орехами у Васьки Володина, нашего сверстника, жившего на конце деревни и вдоль всего огорода у которого были насажены эти орехи. Деревни этой давно уже нет, жители ее разъехались, а постройки, деревья, все до последнего кустика было снесено и распаханно, но на ореховую аллею рука бульдозериста, видимо, не поднялась. И стоит она, говорят, до сих пор на добрую память о деревне и плодоносит, но только без ухода пришла в не очень приглядное состояние.

Моя младшая сестра Галя умерла в младенческом возрасте, а брат Юра родился только в 1951 году. До этого времени мы жили втроем — я, мать и бабушка по отцу, Сбоева Евдокия Липатьевна, уроженка деревни Таловка.

Мать в военные и многие послевоенные годы каждый день, без всяких выходных и отпусков, работала в колхозе, как говорят, за «палочки» в ведомости — так называемые трудодни, на которые, в лучшем случае, в конце года, да и то уже после войны, получала один или два мешка зерна. Денег никаких вообще не получала, а жили все мы деревенские только за счет огорода и той скотины, которую удавалось содержать, за что взимался довольно большой налог и деньгами, и мясом, и яйцами, и молоком, да еще и буквально насильно заставляли давать заем государству деньгами, причем, ежегодно.

Оставшись без мужиков, бабы, старики и подростки на лошадях и вручную пахали и засевали все колхозные земли, потом жали, молотили, сушили и сдавали государству, практически, весь собранный урожай зерна.

Мы, ребяташки, на летних каникулах тоже с раннего возраста исполняли посильную работу: собирали колосья, пасли коней, подгребали сено, управляли лошадьми во время боронования и других работ, сидя на лошади верхом, а позднее, когда научились запрягать их в телегу, развозили на них разные грузы — навоз, сено, солому и пр.

Ни радио, ни электричества в деревне долго не было, свет провели в конце 50-х годов, когда я уже учился в институте. Поэтому забавами для ребяташек было летом — купанье в речке, ловля рыбы на удочку, походы в лес за ягодами и грибами, а то и просто так, а зимою — катанье с горок на лыжах, санках, ледянках — ежедневное, до полной усталости.

Начальную школу я кончал в своей деревне, а семилетнюю в соседнем селе Пустополье. Классе в пятом или шестом по заданию учителя истории Рябова Петра Михайловича мы собирали у старожилов материалы по истории своих сел. При этом мне удалось узнать, что наша деревня Овсян-

никово раньше имела название «Холодные ключи», потому что на ее территории проистекают до настоящего времени несколько ключей, которые, сливаясь, дают начало речке Ашланке. Но один из жителей деревни, ругавшийся словами «Овсяная мать», приучил к этому ругательству других, за что сначала их стали называть «овсянниками», а позднее это название перешло и на всю деревню.

Нашей деревне повезло больше, чем Собыялу. Где-то на рубеже 60-70-х годов на базе бывшего Пустопольского сельсовета был организован один большой совхоз «Овсянниковский», центральной усадьбой которого стала наша деревня, в которую перевезли всех жителей сильно обезлюдевших окружающих деревень, и деревня ожила, построилась, окрепла. Но перестройка сделала свое дело. Многие годы работники совхоза как-то организованно поддерживали общее хозяйство, но на сегодня, хотя имеют какую-то современную технику, обрабатывают примерно половину своих земель, содержат коровник и телятник, но присоединены к какому-то другому хозяйству и свою самостоятельность потеряли. То же самое, по словам моих земляков, происходит и в других хозяйствах Уржумского района.

А последние новости с моей малой родины и совсем не утешительные. Перед моими глазами вырезка из Уржумской районной газеты, привезенная буквально на днях моими родственниками из Уржума, содержание которой, близкое к тексту, хочется привести в нашей книге, потому что с нашего «Овсянниковского» совхоза, похоже, начинается очередной исторический эксперимент, по крайней мере, над коренными сельскими жителями нашего Уржумского района.

«Конкурсный управляющий СПК (колхоз) «Овсянниковский», юридический адрес: 613557, Кировская область, Уржумский район, д. Овсянниково, ИНН..., ОГРН..., проводит 31.05.2010 г. в 10.00 торги в форме открытого аукциона по продаже имущества должника.

Аукцион проводится по адресу: Кировская область, г. Уржум, пер. Гоголя, 7. Все имущество выставляется на торги одним лотом.

В состав лота входят три зерносклада, два склада минеральных удобрений, два здания коровника, телятник, кузница, мастерские, пилорама, мельница, магазин-столовая, контора, две водонапорные башни, внутрихозяйственные дороги, автомобили, трактора..... Стоимость лота 4 488 660 рублей.

Для участия в аукционе необходимо подать письменную заявку по адресу: 613530 Кировская область, город Уржум, пер. Гоголя, 7.

К заявке юридические лица прикладывают копии учредительных документов, доверенность на лицо, которое будет представлять организацию на торгах, а физические лица — копии паспорта, ИНН, страхового свидетельства. Задаток в размере 20% от стоимости лота вносится на р/сч должника.

Заявки и задатки принимаются до 28.05.2010 г. включительно. Шаг аукциона — 5% от начальной цены.

С победителем торгов подписывается протокол торгов в день проведения аукциона, в течение 10 дней подписывается договор купли-продажи.

Справки по телефону (8 833 63) 2-03-53 ежедневно с 8 до 17 часов.»

Вот и вся информация, без всяких комментариев, по важнейшему жизненно определяющему вопросу для жителей целого региона Уржумского района, размещенная в разделе рекламы районной газеты, как будто речь идет о продаже какого-то подержанного холодильника или пылесоса, которая вызывает невольно уйму вопросов.

Главный же и основной вопрос состоит в том, что будет с жителями совхоза «Овсянниковского» после продажи всего его имущества, а так же с жителями немногих других уцелевших еще совхозов и Уржумского района, да и всей нашей многострадальной России.

Примечание составителя:

Спустя месяц после написания этих строк я позвонил в Овсянниково и с некоторым успокоением узнал, что покупателем имущества нашего совхоза оказался соседний, Богдановский, совхоз, и жители Овсянниково продолжают по-прежнему работать — засеяли какую-то часть своих земель, ухаживают за коровами и телятами и, даже, за это время, впервые за много лет, получили аванс и полчку. Слава Тебе, Господи, за это утешительное известие!

Да и в самом Уржуме, районном центре, в состав которого входит деревня Овсянниково, жизнь тоже не сладкая. Большинство предприятий и хозяйств закрывается, людям работать негде, осо-

бенно молодежи. Процветает пьянство, мародерство. На дачных участках потерялся всякий смысл что-то сажать и выращивать, потому что весь урожай разворовывается. Дороги и тротуары пришли в ужасное состояние и никакого ремонта их не предвидится. Развеселившаяся молодежь, возвращаясь ночью с вечеринок едва ли не подряд бьют окна горожан, так что вместо стекол приходится вставлять фанеру. Невольно возникает вопрос, а что же ожидает нас дальше, потому что такая ситуация, по-видимому, не в одном только Уржуме.

Единственной утешительной для меня новостью с родины было то, что в уржумский храм народ по воскресным дням валом валит, потому что не видит, видимо, другого спасения нигде. Да так оно и есть на самом деле. Открылся действующий храм в селе Лопьял, на родине художника Васнецова.

Было бы неплохо, наверное, и моим землякам открыть для богослужения какой-то уголок бездействующей церкви Воздвижения Креста Господня в селе Пустополье и тогда, может быть, этого аукциона по продаже совхозного имущества и не было бы.

Помоги нам, Господи, окаянным, опомниться и с Твоею помощью возродить и укрепить свое Отечество!

В 8—10 классах я учился в средней школе села Косолапово республики Марий-Эл, расположенном в 15 километрах от нашей деревни. Жил во время учебы у своих теток по отцовской линии — Сбоевой Алевтины Владимировны, работавшей медсестрой в Косолаповской районной больнице и Сбоевой Анны Владимировны, работавшей швеею в швейной мастерской. Они жили вместе, замуж не выходили и многие силы положили на воспитание меня и трех моих двоюродных сестер по отцу, Насти и Лиды Багаевых, а также Али Березиной, оказавшихся кто без отца, кто без матери. Огромное им спасибо за их благородный труд.

Село Косолапово в то время было районным центром и в какой-то мере было вполне благополучным. Позднее райцентр переместили в Мари-Турек, но зато на территории бывшего Косолаповского района было организовано опытное хозяйство какой-то сельхозакадемии и за счет этого его экономическое положение значительно улучшилось. Именно в то время было построено несколько довольно больших двух этажных многоквартирных кирпичных жилых домов, вокруг которых выросло множество разнокалиберных, не очень опрятных, хозяйственных построек, явно не украшающих окружающий пейзаж, но позволяющих жить привычной для села жизнью, и до сих пор как-то решающих острый жилищный вопрос.

После перестройки опытное хозяйство стало не нужно и сейчас оно с трудом как-то перебивается, присоединившись к соседнему Сысоевскому хозяйству.

Большим утешением и опорой для жителей Косолапово является то, что в селе есть действующая православная церковь святителя Николая. Отче Николае, моли Бога о всех нас!

Школу я окончил с серебряной медалью и вместе с товарищами одноклассниками Шалагиным Иваном и Сашей Юрьевым подал документы в приемную комиссию Казанского авиационного института с заявлением о зачислении на третий, приборный, факультет.

ИНСТИТУТ

Поступление. Учеба. Быт...

Через некоторое время после подачи документов мы были вызваны на собеседование, на котором было задано несколько вопросов общего порядка к школьной программе не относящихся. А через небольшое время после собеседования было получено по почте письменное уведомление о зачислении в институт и предупреждение о том, что в сентябре предстоит поездка на уборку картофеля. Поэтому ко всем прочим вещам, которые мне были приготовлены в дорогу, добавились кирзовые сапоги и фуфайка. Все это было уложено в большой дорожный чемодан, который мне в Казани пришлось тащить своим ходом от вокзала до института, поскольку о том, как пользоваться общественным транспортом, я, сельский житель, не имел никакого понятия. Какой-то прохожий, видя мои мучения, за небольшую плату предложил мне свою помощь, но я, наслышанный о коварстве казанских и ростовских жуликов, еще крепче ухватился за ручку своего чемодана. Он догадался о моих опасениях и пытался убедить меня, что с таким грузом убежать никуда невозможно, но я еще более смутился и от всякой помощи категорически отказался. Так начиналось познание и освоение незнакомого городского образа жизни.

Начались занятия. Поскольку сдача обещанного нового общежития затянулась, жить временно пришлось в спортзале пятого учебного здания. Весь зал был уставлен койками с небольшим проходом между ними. Было тесно, но очень интересно. Как-то одного из наших товарищей местные хулиганы немного поцарапали ножом. Народ всполошился. Наиболее опытные товарищи предложили на эту выходку дать достойный ответ. И вот вечером следующего дня почти всем составом спортзала мы, насколько смогли, грозно прошествовали по всем окрестным улицам, выражая свою солидарность с пострадавшим товарищем. После этого нас уже никто не трогал.

Вскоре нас недели на три-четыре послали в колхоз на уборку картофеля, а через некоторое время после колхоза вселили в новое общежитие. Это было для нас очень большим праздником. В комнаты селили по пять человек. В нашей 418 комнате кроме меня жили еще четыре студента нашей 314 группы: Шалагин Иван, мой товарищ по школе и одноклассник, Косов Андрей, участник Великой Отечественной войны, родом из Гуся Хрустального, Толя Пойманов с Сахалина и Толя Чижов из Пензенской области, которому предстояло стать директором Самарского завода «Прогресс», выпускавшим и запускавшим Королевские ракеты с космонавтами и осуществившим изготовление и запуск знаменитого беспилотного космического корабля «Буран».

Вся мебель была новая, пол и стены свежее покрашенные, постельные принадлежности тоже свежие и чистые. От всего этого было как-то светло и радостно на душе. На первом этаже общежития был хороший буфет, на втором этаже — читальный зал для занятий, а на остальных трех этажах было по одному холлу, где можно было собираться для общения, а по праздникам и выходным дням в одном из этих холлов под радиолу устраивались танцы. После танцев часть публики, не желая расходиться, шла на запасную лестничную клетку, где негромко распевали самые разные песни, большая часть которых мне до этого была неизвестна. Все это мне так нравилось, так интересно было общаться с новыми, какими — то загадочными и необычными для меня людьми.

Через дорогу от общежития было городское кладбище, за которым — лесопарковая зона и река Казанка. Сюда мы часто приходили отдыхать, а в летнюю экзаменационную сессию — на природе готовиться к экзаменам.

Все было хорошо и прекрасно, но я, несмотря ни на что, сильно тосковал по своей деревне. По ночам часто снился мне наш деревенский пруд, лес и многое другое, милее чего не было ничего на свете.

Учиться было очень трудно от первого до последнего курса. Кроме зачетов и экзаменов каждый семестр нужно было делать какие — то курсовые работы и проекты с многочисленными расчетами, графиками и чертежами, на оформление которых уходило много времени. Не все могли все это выдержать и поэтому на протяжении всей учебы происходил отсев обучающихся, но особенно большой отсев был после первой учебной сессии. Как я выдержал все это, особенно первую сессию, знает только один Господь.

К экзаменам готовились по лекциям. При этом в первые дни, отведенные для подготовки к экзаменам, хотелось «посачковать» и поэтому занятия в эти дни были не очень эффективные. а потом начиналась ощущаться нехватка времени. Видимо поэтому в последние дни перед экзаменом в сознании срабатывал какой — то механизм, когда на какое-то определенное время появлялась удивительная работоспособность — труднейший материал лекций легко укладывался в память, и так прорабатывалась одна лекция за другой. Но все лекции иногда все же проработать не удавалось и тогда приходилось рисковать. Мне каким-то чудом удалось пройти весь курс обучения так, что ни на один зачет или экзамен я дважды не ходил, как бы была установлена и реализована программа-минимум: любой ценой сделать все необходимое для получения стипендии.

В институте были очень большие возможности для отдыха, занятия спортом, самодеятельностью и для реализации и развития разного рода других интересов. Так Толя Пойманов совершал прыжки с парашютом, Саша Михайлов и Юра Куй-Беда бегали на лыжах, Толя Чижов на институтских вечерах читал стихи Маяковского, а Жора Жернов, Ренат Альбетков и Равиль Батаев исполняли разные песни. Мне удалось получить права на вождение мотоциклом.

Для реализации и развития технических способностей были созданы все возможности на факультетских кафедрах, куда нас начиная с третьего или четвертого курса радушно приглашали наши преподаватели.

Там успешно работали многие наши товарищи: Альберт Александров, Юра Здорик, Гена Крезный и др.

Для полноценного отдыха во время летних и зимних каникул где-то на берегу Волги институт имел прекрасную базу отдыха, о которой мне приходилось только слышать восторженные рассказы очевидцев.

За время учебы в институте нашему курсу довелось реально участвовать в двух больших общесоюзных мероприятиях: поработать одно лето на целине и принять участие в переписи населения.

Саратов. Окончание института.

В конце августа 1959 года, по окончании последних своих студенческих каникул, я направился в Саратов на предприятие п/я 176, куда был направлен по распределению на работу в самом конце пятого курса. От Казани до Саратова решил плыть на теплоходе, купив по-студенчески самый дешевый билет, по которому никакого определенного места на теплоходе не предоставлялось. При этом вещи можно было сдать в камеру хранения, а спали обладатели таких билетов вповалку на полу, устланном коврами, но в каком-то, не помню, закрытом помещении. А днем никакой каюты и никакого закрепленного места, практически, не требовалось — на корабле было столько уютных, благоустроенных для отдыха уголков, в которых как-то непроизвольно собирались компании совершенно незнакомых людей и при наличии неограниченного свободного времени, в комфортной обстановке, любуясь красотой проплывающих мимо берегов, вели откровенные разговоры на самые различные темы. Все это для меня было так неожиданно и интересно, что запомнилось на всю жизнь.

Саратов произвел на меня очень хорошее впечатление — светлый, чистый, уютный город на берегу Волги, что еще нужно для жизни.

Для прохождения преддипломной практики я был определен в технологический отдел предприятия — в конструкторское бюро и параллельно на участок изготовления потенциометров. При этом за время прохождения практики под руководством опытного конструктора мною были разработаны чертежи на производство двух кондукторов для сверления отверстий в каких-то деталях. При этом первый кондуктор я разрабатывал с очень большим интересом, второй — уже значительно с меньшим.

На участке изготовления потенциометров я пытался детально разобраться со всей технологией их изготовления, но поскольку самой сложной, и наверное, ответственной и проблемной операцией в процессе изготовления потенциометров была их намотка, большую часть времени я провел в группе намотки в обществе милых, внимательно относящихся к нам — ко мне и Толе Охтерову, женщин-намотщиц. Тле, по-моему, совершенствование процесса намотки было поставлено главным вопросом дипломного проекта. Тема моего дипломного проекта была более общая, но тоже в рамках технологии изготовления потенциометров.

Жили мы, четверо студентов-практикантов, на частной квартире не далеко от предприятия, на котором проходили практику, у тети Фени. Пользуясь тем, что в городе продавалось много недорогих овощей, мы сами по очереди готовили себе пищу и обедали, в основном, на квартире.

Мне очень нравился саратовский драмтеатр и я довольно часто его посещал. Однажды я пригласил с собою в театр тетю Феню на пьесу под названием «Юстина». Все, что происходило на сцене, она воспринимала как реально происходящее событие и так громко и искренне возмущалась поведением главной героини пьесы, что я не знал, как ее хотя бы немного успокоить, чтобы излишне не привлекать внимание окружающих нас зрителей.

Защита наших дипломных проектов происходила на предприятии во второй половине февраля 1960 года. Дипломы и подъемные для проезда на место работы получали в Казани, собравшись последний раз всем курсом в стенах родного института. Прощальный банкет в спешном порядке был организован в соседней с нашим общежитием столовой, причем спиртное покупали сами и каждый нес то, что попало ему на глаза. В результате этого получилась такая мешанина, такой коктейль, что голова у меня на следующий день болела так, как никогда в жизни. На этом наша студенческая жизнь закончилась и началась взрослая серьезная и очень ответственная жизнь.

КРАСНОЯРСК. ПРЕДПРИЯТИЕ П/Я 124

05.05.60 — принят инженером лаборатории ОТК

05.07.63- уволен статье 46. КЗОТ РСФСР

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ. ПЕРЕЕЗД ИЗ САРАТОВА В КРАСНОЯРСК

Положенный месячный отдых после окончания института я провел в деревне у матери, помогая ей в ее хозяйственных делах, а поскольку дел и разных проблем у ней накопилось очень много, то пользуясь тем, что в результате перераспределения работать я собирался ехать на новое место — в Красноярск, в деревне я задержался значительно больше месяца.

Перераспределение произошло во второй половине преддипломной практики, когда мы случайно узнали о возможности перераспределиться в город Красноярск. Дело в том, что ни работа конструктора технологической оснастки, ни работа технолога по производству потенциометров меня сильно не привлекала — было просто жаль сил, потраченных на изучение схем приборов, основ электротехники, автоматики и других предметов за время учебы в институте и поэтому с надеждою найти более интересную работу я готов был поменять Саратов на Красноярск. К тому же нашелся еще один товарищ, разделяющий мои мысли — Саша Михайлов, вместе с которым мы проходили практику в технологическом отделе завода и вместе с которым и решились на это дело. При этом для оформления процесса перераспределения пришлось съездить в Казань, где мы получили направление на работу на предприятие п/я 124 города Красноярска. Вскоре после перераспределения я написал письмо на завод в Красноярск с вопросом о возможности устроиться на работу в СКБ и получил утвердительный ответ за подписью начальника СКБ, чему был весьма рад.

В Красноярск ехал поездом. Это была моя первая длительная поездка по стране. При этом было интересно из окна вагона посмотреть на Уральские горы, Западно-Сибирскую низменность и тайгу. По пути заехал в Новосибирск к двоюродному брату Борису и встретился со школьным товарищем — Витей Лямыным, курсантом Ачинского военного училища. В Красноярск я прибыл и появился на заводе числа пятого мая. Там меня первым делом определили в общежитие, которое размещалось в небольшом двухэтажном доме с квартирами, имеющими все удобства. В одной из комнат квартиры, в которой поселили меня, хранилось постельное белье, а в другой комнате было уставлено пять коек для проживания молодых специалистов. На второй день меня принял главный инженер, который, не взирая на то, что у меня на руках было письменное согласие о принятии меня на работу в СКБ этого завода, очень настойчиво и твердо, задавив меня своим авторитетом, направил на работу в спецлабораторию ОТК вместе с Сашей Михайловым, который приехал на завод несколько раньше меня. Я был очень расстроен, расставаясь с мечтой о работе в СКБ, ради чего и было осуществлено перераспределение, но ничего предпринять не смог. Видимо, все-таки, это был какой-то промысел Божий.

КОРОТКО О ГОРОДЕ КРАСНОЯРСКЕ.

Красноярск располагается по берегам Енисея, не очень широкой, но полноводной реки с мощным и быстрым течением, которая разделяет его на правобережную и левобережную части, растянувшиеся вдоль берегов реки и, как бы, прижатые к ней окружающими сопками. Мое первое впечатление о Красноярске после Саратова было не очень хорошим — промышленный город, пыльный, почему-то всегда задымленный. Задымленность невольно бросалась в глаза, когда на него приходилось смотреть со стороны окружающих сопкок, а запыленность определялась по воротнику светлой рубашки, который после первого же выхода в город становился черным. Поэтому в выходные дни возникало естественное желание вырваться из города на свежий воздух и я охотно практически все выходные дни старался проводить за городом.

РАБОТА, БЫТ...

Начало производственной деятельности

Лаборатории, как таковой, еще не было, была только небольшая комната в цехе, в которой сидел начальник лаборатории и мы с Сашей. Цех тоже был, фактически, пустой. До этого в нем собирали

копнители самоходных зерноуборочных комбайнов Красноярского комбайнового завода, а примерно через год предстояло выпускать бортовую и наземную аппаратуру системы управления новейшей для того времени боевой ракеты 8К75, поэтому в момент нашего появления на заводе шла интенсивная работа по его реконструкции. На территории этого же цеха были выделены площади для нашей спецлаборатории, где тоже шли строительно-отделочные работы.

Завод был радиотехнического профиля и производил портативные радиостанции, которые тут же устанавливали на вездеходы УАЗ-69 Ульяновского автозавода, а так же недорогие телевизоры «Енисей».

Наша лаборатория создавалась для проведения типовых климатических испытаний, испытаний на вибрацию, транспортную тряску, а так же для проведения комплексной проверки работы бортового и наземного оборудования одной из самых современных боевых ракет, способных доносить с большой точностью атомные и водородные заряды, практически, в любую точку планеты. Поскольку и техническая документация, и само изделие и работа с ним считались совершенно секретными, для нас, во-первых, был оформлен специальный допуск ко всем этим работам, а, во-вторых, с нас была взята расписка о том, чтобы за территорией завода мы ни в коем случае не вели никаких разговоров об изделии, не имели никаких контактов с иностранцами и т.д.

Для сопровождения производства нового заказа, такого сложного и ответственного, на заводе было создано серийное конструкторское бюро — СКБ, в состав которого входило несколько лабораторий. При этом не менее половины состава работников этих лабораторий были тоже молодыми специалистами, набранными со всех концов Советского Союза.

Ознакомительно-производственная командировка в Москву

Всех специалистов, принятых для работы по новому заказу, после оформления допуска обязательно посылали на два месяца в Москву для стажировки по профилю предстоящей работы. Пожил в Москве и я два месяца. Это был очень удачный случай для того, чтобы в свободное от служебных занятий время ознакомиться с музеями, театрами, парками и другими местами культурного отдыха столицы. При этом значительное внимание было уделено театрам, но поскольку опера, балет и оперетта мне не очень нравились, наибольшую часть времени я провел в драматических театрах, посещаемость которых была почему-то очень низкой и поэтому, купив самый дешевый билет, можно было спокойно выбирать самое хорошее место в партере или в ложах. Более всего мне нравился Малый театр с постановками Н.А.Островского, пьесы которого я готов был смотреть все подряд, как бы пытаюсь по ним познать мудрость жизни, но вообще-то было намерение посетить как можно больше разных театров Москвы. За время этой же командировки мы с Сашей Михайловым на несколько дней съездили в бывший Ленинград и бегло ознакомились с Эрмитажем, Русским музеем, Петергофом, Пушкиным и некоторыми другими культурно-историческими местами Ленинграда. В Красноярск я вернулся из командировки в сентябре месяце.

Киев. Свердловск. Снабженческая командировка

Примерно через месяц после возвращения из Москвы, в начале ноября, всех молодых специалистов вызвали в отдел снабжения завода и предложили на выбор список городов, в которые мы желали бы поехать в служебную командировку по выбиванию до конца текущего года наших заявок на различные материалы и комплектующие, необходимые для освоения в производстве нового нашего изделия. Я выбрал город Киев.

Следует, наверное, отметить, что в дальние командировки, связанные с новым заказом, мы не ездили поездом, а летали на новых реактивных самолетах ТУ-104 и ИЛ-114, которые только что стали интенсивно внедряться в аэрофлоте на замену винтомоторным самолетам. Вся обстановка во время этих перелетов и пересадок в новых аэропортах Москвы создавали атмосферу комфорта и какой-то уверенности в могуществе нашего государства, а также и какой-то, действительно, надежды на светлое будущее. При этом, в коммунизм, конечно, я очень и очень мало верил, а в успешном строительстве социализма, вроде бы, и не сомневался.

Но на этот раз до Москвы я летел на самолете, а от Москвы до Киева ехал в фирменном поезде со всеми удобствами. Отмечая командировку о прибытии в совнархозе Киева, поддержал с женщинами

шутку о сибирских медведях, расхаживающих по улицам Красноярска, и они мне любезно выписали направление в театральную гостиницу, расположенную рядом с оперным театром в центре города, по которому дежурный администратор доверительно предложила мне выбирать любой номер по своему вкусу. Это было для меня так неожиданно, что я ограничился местом в общем номере

На заводе меня заверили, что до нового года по всем позициям продукция будет отгружена, мне дали номер контактного телефона для отслеживания сроков отправки ее и пожелали счастливого отдыха в славном граде Киеве. Итак мне была предоставлена счастливая возможность на протяжении, примерно, месяца целыми днями бродить по Крещатику, по паркам, набережным, ходить в театры, музеи, на стадионы, в цирк и так далее. При этом, мне, тогда еще атеисту, Господь сподобил посетить Киево-Печерскую лавру, Аскольдову могилу, Софийский собор. Слава Тебе, Господи!

Когда вся заказанная продукция была отправлена в Красноярск, мне было поручено до окончания календарного года продолжить снабженческие дела в Свердловске, где я прожил, действительно, до самого нового, 1961-го года, добираясь до Красноярска, из-за отсутствия нормальных билетов, на каком-то попутном грузовом винтомоторном самолете с посадками в каждом крупном городе.

Дальнейшая работа в лаборатории

В Красноярск я вернулся из командировки, действительно, в самом начале нового, 1961-го, года. Помещение нашей спецлаборатории к этому времени было готово и полным ходом шло оснащение ее испытательным оборудованием. Первым делом была установлена и запущена в рабочий режим термобарокамера, а чуть позже были также установлены пара вибростендов. Таким образом к середине лета 1961-го года лаборатория была готова к климатическим и виброиспытаниям, а в конце июля—начале августа вполне благополучно начались испытания первых образцов бортового оборудования — климатические, а также на вибрацию и транспортную тряску. При этом мне хочется немного остановиться на последнем виде испытаний. Приборы, предназначенные для транспортной тряски, в заводской упаковке жестко крепили к кузову автомобилей УАЗ-69, которые периодически довольно большими партиями поступали на завод для комплектования их командирскими радиостанциями, и возили с определенной скоростью по определенному маршруту расстоянием в пятьсот километров. Первое время эти поездки производились, как правило, на двух автомобилях в сопровождении начальника первого отдела, вооруженного охранника, представителя заказчика и представителя ОТК. Поездка планировалась на два дня с ночевкой, место для которой тщательно выбиралось на берегу какого-либо лесного озера или таежной речки с хорошей рыбалкой или охотой. Но постепенно это дело упростилось — охрану груза поручили водителям, вооружив их, а контроль за проведением испытаний полностью доверили представителю ОТК, а поскольку ни хорошей охоты, ни удачной охоты за все время, по крайней мере моих, поездок почему-то не получалось, испытания стали проводить на одном автомобиле, без ночевки, но с двумя водителями, для подстраховки и пересменки. Должен признаться, что проехать на автомобиле ГАЗ-69 пятьсот километров даже с небольшими передышками довольно утомительно.

Первые образцы наземного оборудования были освоены в производстве примерно через два с половиной года к концу моего пребывания в Красноярске. При этом проверка исправности его производилась с наладкой и поиском ошибок в электромонтаже, для чего была выделена довольно большая комната в помещении сборочного цеха, вход в которую допускался по специальным пропускам. После всех проверок наземное оборудование устанавливалось в специальные автофургоны-вездеходы Горьковского автозавода и отправлялось по назначению.

Занятия по электротехнике с девятиклассниками

Как-то однажды мне предложили несколько месяцев позаниматься с двумя классами школьников-девятиклассниц в качестве преподавателя по электротехнике. Приняв предложение, я тщательно подготовился к занятиям и пошел на свой первый урок, на котором класс собрался, как выяснилось позднее, впервые после весенних каникул и, естественно у девочек было очень много новостей, которыми они шепотом продолжали обмениваться даже и после начала нашего урока. Хотя разговаривали они и очень тихо, но все одновременно, поэтому обстановка в классе была совершен нера-

бочая, и что бы я не предпринимал, вспоминая напряженно о том, как с нами, школьниками, поступали школьные учителя в подобных ситуациях, шум в классе не утихал. Испробовав безрезультатно все имеющиеся средства и даже прямым текстом призвав их к необходимому порядку, я обреченно приготовился расплачиваться непослушанием класса за все свои школьные шалости, повернулся спиной к классу и начал что-то рассказывать и писать мелом на доске. Через некоторое время я, совершенно неожиданно, обнаружил, что шум в классе затихает и с замиранием сердца, продолжал рассказывать тщательно подготовленный урок, пока не наступила полная и такая желанная тишина, которую с большим напряжением удалось сохранить до конца урока. Из класса я выходил обессиленный, как никогда в жизни.

На следующий день предстояла встреча еще с одним классом девятиклассниц, на котором сразу, после короткого знакомства с классом, я приступил к изложению материала и таким образом овладел вниманием класса с самого начала занятий. А с первым классом каждый урок давался с большим напряжением сил, но, странное дело, этот класс был и остался почему-то в моем сердце значительно дороже второго, более послушного класса. В дальнейшей моей жизни этот небольшой опыт преподавательской работы очень пригодился, когда мне пришлось обучать через отдел кадров слесарей КИП и дефектоскопистов по контролю герметичности с помощью гелиевых течеискателей.

Занятия с пионерами по фотографии

Я уже не помню как это все получилось, но в свободное от работы время, которое, практически, некуда было мне девать, через ЖЭК предприятия я на протяжении последних двух лет работы в Красноярске довольно много и охотно занимался с детьми работников предприятия фотографией, передавая им, как мог, свой опыт в этом, довольно интересном, деле. Занятия проводились в помещении ЖЭКа предприятия, где для этих целей были созданы все необходимые условия. Ребятишкам родители купили фотоаппараты «Смена» и они за два года научились неплохо фотографировать. Сам я фотографией занимался, практически, всю свою жизнь, начиная с девятого класса, правда, никаких призов на фотовыставках не занимал, но испытал немало радостных минут от этого увлекательного и интересного дела. Сейчас в моих руках, случайно, оказался недорогой портативный цифровой фотоаппарат, и я поражаюсь тем колоссальным возможностям, которыми обладает эта небольшая коробочка метала.

Станция Даурия. Переаттестация по военной специальности

В конце сентября 1962-го года меня призвали на воинские сборы для переаттестации по воинской специальности. При этом, нас, человек двадцать-тридцать, призванных на переаттестацию, собрали в красноярском военкомате и поездом отправили на станцию Даурию, расположенную на самой границе с Китаем и Монголией. Всего нас было собрано со всех концов Союза человек двести. Нас переодели в солдатскую форму, нацепили погоны с одной маленькой звездочкой микромайора и приступили к обучению новой специальности по обслуживанию одной из боевых ракет, стоящих в то время на вооружении. Обучение продолжалось три месяца до самого нового, 1963-го, года.

Мне запомнилось два обстоятельства из условий проживания на этой станции. Это то, что окружающая местность представляла собой совершенно голые от всяких деревьев и даже кустиков сопки, притом без всякого озера или речки, а также то, что на протяжении всего этого времени погода каждый день была совершенно солнечная без единого облачка. По окончании обучения к новому году мы были доставлены на место своего жительства, а, примерно, через полгода в моем воинском билете появилась запись о присвоении мне воинского звания лейтенанта запаса и я, при этом был переведен из авиации в ракетные войска. Позднее, лет через двадцать, я был еще раз призван на переподготовку для освоения еще одной боевой ракеты, название которой позабыл, но она меня поразила совершенством разработки и изготовления. После этих сборов мне было присвоено очередное воинское звание старшего лейтенанта запаса ракетных войск. Спустя еще какое-то время по возрасту я был снят с воинского учета, и, таким образом, все эти обучения и переподготовки, слава Богу, не пригодились, оставив только след в моей памяти и на бумаге. И дай-то Бог, чтобы и во все дальнейшие времена работал только угрожающий и устрашающий фактор этого, действительно, могучего и страшного оружия.

Ближайшие места отдыха

Маршруты наших загородных прогулок были самые разные. Самым простым делом было пешком или на лыжах выйти на ближайšie сопки, которые начинались в полутора-двух километрах от общежития. Иногда группой молодых специалистов, связанных общей работой, отъезжали на автобусе на несколько километров от города, а потом летом — пешком, а зимой на лыжах спускались обратно, делая небольшой пикник где-то по пути.

Более сложные и интересные маршруты связаны были со знаменитыми Красноярскими «Столбами» или, вернее, с государственным природным заповедником «Столбы», расположенном на правом берегу Енисея в непосредственной близости от Красноярска.

Красноярские «Столбы»

«Столбами» называются сионитовые останцы — живописные скальные образования из красноватого на цвет камня, как бы выросшие из земли и возвышающиеся над окружающей местностью, очень сильно пересеченной и покрытой лесом. При этом высота некоторых из них значительно превышает размеры поперечного сечения и они действительно как бы похожи на каменные столбы причудливой формы, которую они получили в результате воздействия внешних климатических условий — дождя, снега, ветра и температурных перепадов за все время их существования. За эту причудливость и красоту, которая особенно хорошо ощущается в солнечную погоду, а так же за поразительное сходство с предметами окружающего мира значительная часть скал заповедника и даже некоторые отдельные камни получили от их почитателей самые разнообразные нежные и поэтические названия: Дед, Перья, Львиные ворота, Цыпа, Воробышек, Китайская стенка, Ермак, Беркут, Слоник, Танк и так далее. Вся эта красота разбросана в произвольном порядке по территории заповедника, общая площадь которого 47 154 га, а сам заповедник можно условно разделить на три части — район Такмака, самый близкий к городу, «Центральные столбы» — самый посещаемый район, находящийся километрах в десяти от Красноярска и «Дикие столбы» — самый дальний район, доступ к которому ограничен.

Мой первый выход на «Столбы» был в район Такмака примерно через месяц после приезда в Красноярск, но до скал при этом добраться не удалось, так как пришлось тушить лесной, так называемый, низовой пожар — горела высохшая прошлогодняя трава, а также мелкий кустарник, и нам совместно с другими группами туристов пришлось в течении нескольких часов в дыму и жаре бегать по довольно высокому и крутому склону, стараясь сырыми ветками сбивать быстро наступающую лавину огня. Пожар потушили, но ни сил, ни времени на восхождения уже не оставалось.

В другие, более удачные походы в этот район программа отдыха начиналась с установки палаток и приготовления ужина, после которого мы поднимались на одну из любимых скал, может быть, это был Такмак, откуда открывался, действительно, великолепный вид на город и Енисей, который был особенно хорош в вечернее время, когда тысячи городских огней каким-то сказочным светом отражались в водах могучей и полноводной сибирской реки. Итак, удобно расположившись на вершине просторной скалы, любуясь величественной панорамой, негромко распевая любимые туристские песни или вспоминая какие-то забавные истории мы допоздна лежали на прогретых за день камнях, с удовольствием поглощая исходящую из них теплоту. В лагерь спускались уже в темноте, быстро скатываясь на пятой точке по отполированным за много лет дорожкам.

Утром, после легкого завтрака отправлялись на ближайšie скалы для несложного восхождения и просто отдыха в каком-то понравившемся месте, а после довольно сытного обеда не спеша собирались домой, до которого было — «рукой подать». В общем, все здесь было хорошо — и близко, и красиво, и удобно, но все же чаще всего и мы и основная масса красноярцев ходили в район «Центральных Столбов», до которых можно было добраться двумя путями — по берегу речки Лалетина, преодолевая в течении нескольких часов медленный подъем или Каштаком, преодолев в самом начале пути очень крутой и довольно длительный подъем, а потом продолжая путь по равному месту. Сейчас сюда можно доехать общественным транспортом, а пятьдесят лет назад, каждую субботу после работы вдоль речки Лалетина в сторону «Столбов» до позднего вечера двигался непрерывный поток молодых людей с рюкзаками на плечах, с песнями, шутками и самыми неожиданными

ными выходками. Как вся эта масса людей размещалась на площади в полтора, от силы два квадратных километра, как и где они еженедельно находили необходимое количество дров для своих костров — мне до сих пор совершенно непонятно. Но все как-то размещались, ужинали, отдыхали, а утром устремлялись на покорение «Столбов», в основном Первого, Второго, Деда, Перьев. Для восхождения на каждый столб имеется один, два, самое большое три доступных широкой массе людей ходов — как бы дорожек с достаточным количеством трещин, зацепок, за которые можно как-то цепляться в процессе восхождения. И вот вдоль этих ходов-дорожек выстраивались живые очереди, так как одним нужно было подниматься вверх, а другим спускаться вниз после восхождения, то есть нужно было как-то расходиться, используя для этого какие-то небольшие площадочки на пути. И все это происходило на высоте от нескольких метров до нескольких десятков метров от земли, при этом значительная часть действующих лиц обычно были новичками. И мы с Сашей Михайловым были однажды такими новичками, совершая свое первое восхождение «катушками» на Первый столб. Вел нас, группу человек десять, состоявшую из новичков и начинающих столбистов, опытный скалолаз, подстраховывая по мере необходимости всех желающих с помощью кушака — куска прочной материи красного цвета длиной десять метров. В опасных местах он заходил вперед и, сам надежно закрепившись, один конец кушака обматывал вокруг себя, а второй конец бросал нам, чтобы, уцепившись за него руками, мы могли спокойно пройти опасный участок пути. Не смотря на такую поддержку я столько страха натерпелся, что поднявшись с большим трудом и переживаниями на вершину «столба», решил хоть немного успокоиться и отдохнуть, усевшись посреди вершины и оперевшись, для надежности, на нее ногами и руками. Тут подходит ко мне один товарищ и говорит.

— А ты знаешь, что этот «столб» качается? — Я молча смотрел на него. Тогда он отходит от меня, подходит к краю вершины, подпрыгивает и когда после прыжка «прискалил» я, действительно, почувствовал какое-то колебание. Может быть это произошло от страха или от внушения и все было хорошо отработанным розыгрышем, но как потом объясняли — вершиной Первого «столба» является большой плоский камень, соприкасающийся с самим «столбом» всего одной точкой. Потому и происходит небольшое колебание в момент «прискаления» прыгающего.

Я как-то слышал такое утверждение, что от страха у людей могут трястись колени. Мне это довелось испытать в тот же день при восхождении на Второй «столб», более высокий и сложный для восхождения, чем Первый. Хорошо, что произошло это где-то в середине восхождения перед так называемой «двухэтажкой», когда мы пропускали встречную группу туристов, как бы во время вынужденного отдыха. Но то ли от физической, то ли от психологической перегрузки мои колени, действительно, стали самопроизвольно вибрировать и минут пять или десять я ничего не мог с ними поделать, но потом они все же как-то успокоились. В общем, острых ощущений за день я набрался как никогда в жизни и они были не на пустом месте. Когда мы с Сашей уже возвращались домой, он выразил свое состояние такими словами — как хорошо, что мы остались живы. Я с ним был полностью согласен, потому что при такой скученности и неорганизованности срывы и падения со «столбов» были неизбежны, и мне в дальнейшем почти при каждом походе на «столбы» приходилось быть невольным свидетелем того, как кого-то, прикрытого простынею, молча несли на носилках в сторону города. При этом, мне неоднократно приходилось слышать мнение, что новички, практически, срываются очень редко, а падению подвергаются уже опытные столбисты и притом просто чаще всего по небрежности и неосторожности.

В качестве примера можно рассказать, как на моих глазах едва не свалился со Второго «столба» мой товарищ по работе и по общежитию, коренной житель Красноярска Валя Шемякин. Мы с ним однажды поднимались на Второй «столб» практически по отвесной стенке, пользуясь страховочной веревкой, спущенной вниз с вершины «столба». Он шел впереди меня, я — за ним, и уже при завершении восхождения он, распрямляясь, сделал какое-то поспешное неверное движение и на какое — то мгновение потерял равновесие, стоя на самом краю «столба», и качаясь. Я с замиранием сердца смотрел на него, уцепившись изо всех сил за страховочный канат и прижавшись всем телом к скале, потому что единственной спасительной соломиной в случае его падения был я. Но, видимо, Господь помог ему восстановить равновесие, и когда я поднялся наверх, то увидел его молча сидящим на каком-то камне с побледневшим лицом и жадно поглощавшим папиросу за папиросой. Так человек возвращался, можно сказать, с того света. Да и мне самому позднее, по крайней мере, дважды пришлось быть в подобном положении, один раз на Перьях, а второй — на Манской стенке, самом высоком и массивном «столбе» заповедника, расположенном в районе «Диких столбов».

«Дикие столбы» от «Центральных столбов», в принципе, отличаются только тем, что район их расположения более удален от города и они более разбросаны по территории, чем «Центральные», потому они и менее посещаемы. Мне на «Диких столбах» довелось быть не более двух раз, да и то только на Манской стенке.

Завершая тему о «столбах» хочется немного поразмышлять о том, что заставляло, да и сейчас, наверное, заставляет очень многих людей добровольно и осознанно подвергать себя такой очевидной и серьезной опасности.

Думаю, что помимо естественного для всех желания вырваться из сутолоки городской жизни на свежий воздух, а также тоже естественной потребности души насладиться созерцанием, действительно, трудноописуемой красоты живописных скал, у каждого человека есть, наверное, еще потребность испытать и развить свои какие-то индивидуальные способности и как-то утвердиться в этой грешной жизни. А для того, чтобы хорошо лазить по скалам нужно не бояться высоты, быть физически хорошо развитым и иметь какие-то особые способности, чтобы без страховки, как муха, уметь перемещаться по крутым, почти отвесным скалам, цепляясь за едва ощутимые неровности. Таких людей единицы, но именно они задавали тон на «столбах, заражая живым примером своего бесстрашия, удали и профессионального умения ходить по невероятно опасным местам большую массу неподготовленных людей на весьма рискованные восхождения.

Если сейчас на все это посмотреть с точки зрения христианского миропонимания, то стремление к острым ощущениям можно объяснить попыткой заглушить тревожный голос человеческой души, обессиленной и задавленной житейскими страстями в результате бездуховного образа жизни в то совершенно безбожное время. Человеку духовно воспитанному и душевно уравновешенному, мне кажется, нет никакой необходимости участвовать в каких-то сомнительных мероприятиях с явно выраженным риском свернуть при этом себе шею.

И еще немного о «столбах». В районе «Центральных Столбов» в непосредственной близости ко Второму столбу в деревянных жилых постройках жили и работали научные сотрудники заповедника и их усилиями был организован и поддерживался в клетках, обтянутых сетками из железной проволоки, небольшой живой уголок обитателей животного мира заповедника. У меня до сих пор, как живые, стоят перед глазами две козули, рысь, удобно расположившаяся в ветвях какого-то дерева и молодой волк, подолгу то запрыгивающий на свою деревянную будку, то спрыгивающий с нее и как бы делающий гимнастику для компенсации малоподвижного образа своей жизни. В двадцати шагах от этого зоопарка стояла небольшая бревенчатая избушка, принадлежавшая нашему заводу, в которой мы могли ночевать и летом и зимою, и это было для нас очень большим удобством.

Река Манна

Еще одним необычным, свойственным именно для Красноярска видом активного отдыха на природе, было плавание на плотках по реке Мане, которая впадает в Енисей в непосредственной близости от города. Этому еще способствует и то обстоятельство, что река в своем течении в достаточной близости от города в своем течении делает крутой разворот и при этом сначала течет даже в обратном направлении, потом постепенно разворачивается и сделав большую многокилометровую петлю опять возвращается едва ли не в исходную точку к месту своего поворота, образовав совсем небольшой перешеек в полтора — два километра и еще раз развернувшись продолжает течь в прежнем направлении к Енисею. И вот местные туристы пешим ходом добравшись до места первого поворота, вяжут там плот из бревен, которыми в результате лесосплава там буквально облеплены все берега, и плывут на этом плоту в Красноярск в продолжении едва ли не целого дня занимаясь рыбалкой, купаясь, загорая и любясь окружающей природой и пр.

Я всего один раз, уже перед самым отъездом из Красноярска, был участником такого плавания и до сих пор вспоминаю, как мимо нас, неопытных в этом деле туристов, только еще приступающих к сооружению своего плота, один за другим проплывали более опытные компании плотоводов, удобно расположившиеся вокруг разведенного прямо на плоту костра, кто с гитарой, кто с аккордеоном, обдавая нас запахом дыма и вкусно пахнущей приготовляемой на костре пищи. С большим трудом плот мы все-таки соорудили и проплыли на нем до устья Маны, где плот воткнулся в массу скопившихся бревен, а мы пешком направились в сторону ближайшей автобусной остановки.

Река Енисей — широкая, полноводная, могучая была, фактически, самым доступным местом отдыха для жителей Красноярска, начиная с городского пляжа и кончая загородными поездками различной дальности как водным, так и сухопутным транспортом. Для поездок по левому берегу Енисея мы пользовались рейсовыми автобусами до совхоза Удачный, а по правому берегу автобусами до поселка строителей Красноярской ГЭС с очень красивым названием Дивногорск, куда мы довольно часто ездили отдыхать, особенно на речку Бирюсу, песня о которой в шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия очень часто звучала по московскому радио. Именно во время отдыха на этой речке Бирюсе мы услышали по радио известие о запуске на космическую орбиту космонавта Германа Титова и совершили в честь этого исторического события небольшой заплыв в довольно холодной воде этой речки. Не менее живописными были берега Енисея и в окрестностях совхоза Удачного или, может быть, Дачного, за точность названия не ручаюсь, где особенно мне запомнилась скала с нежным названием Голубка, расположенная у самого берега реки и, действительно, очень похожая на голубя.

В заключение этого небольшого раздела хочется рассказать об одной из наших поездок по Енисею водным транспортом на какой-то невзрачной тихоходной посудине с группой туристов соседнего с нашим радиозавода, где работали наши товарищи по институту с другого, пятого, факультета КАИ. Поездка была с ночевкой в каком-то помещении, с отдыхом на берегу реки, купанием и прочее. Обрато в город мы возвращались тем же водным транспортом, наслаждаясь чистым воздухом и любясь, действительно, замечательным окружавшим нас видом могучей сибирской реки с проплывающими мимо нас живописными берегами. Поездка эта еще мне запомнилась потому, что на меня произвел большое впечатление сам состав этой группы туристов, которая существенно отличалась от относительно постоянной группы нашего завода тем, что в ее состав входило довольно много молодых мужчин, каких-то одухотворенных и интеллектуально симпатичных, хорошо экипированных. При этом, в группе было даже несколько семейных пар и вообще по всему чувствовалось, что это люди с большим туристским стажем и серьезным отношением к общению с природой. Я с походами на природу столкнулся только в Красноярске, а до этого, проживая в удаленной от всякой цивилизации деревне и там же проводя все каникулы в период обучения в институте, в каких-то дополнительных контактах с природой, практически, не нуждался и поэтому о туризме не имел никакого представления. Поэтому пообщаться с настоящими туристами было очень интересно и поучительно.

И еще хочется вспомнить о том, что мне довелось быть живым свидетелем, действительно, исторического события в жизни советского народа — перекрытия могучей сибирской реки Енисея, по-моему, в начале апреля 1963-го года. Для проезда на строительство Красноярской ГЭС в день перекрытия Енисея нужно было иметь специальный пропуск, но все равно народу собралось очень много. Все ожидали чего-то великого и грандиозного.

Суть перекрытия состояла в том, чтобы засыпать участок реки длиной в несколько десятков метров, так называемый, проран, специально приготовленными заранее бетонными тетрадрами, которые по одной штуке подвозили на громадных самосвадах-Белазах и с шумом и брызгами бросались в водный поток небольшого прорана, через который с ревом проносилась вся масса воды могучего потока Енисея. На глазах многих сотен людей шел напряженный поединок меду силами человека и покоряемой им природы, который завершился уверенной победой человеческого разума.

Агитпоход по Ленинским местам

Где-то в конце зимы 1962-го года мне довелось принять участие в лыжном агитпоходе по Ленинским местам. При этом мы, группа работников нашего завода составом в семь человек во главе с секретарем комитета ВЛКСМ завода Котовым (имя и отчество не помню) вылетели самолетом в район села Шушенского (начало маршрута тоже не помню), а далее, переходя ежедневно на лыжах за время светового дня от деревни к деревне, предлагали жителям очередной деревни небольшой концерт своими силами. Предложение обычно охотно принималось, нас размещали на ночлег, обеспечивали продуктами питания на вечер и утро, а мы, в знак благодарности за все это, в их деревенском клубе исполняли им какое-то количество песен общими нашими усилиями. При этом основная

нагрузка всей концертной программы возлагалась на двух наших девушек, имевших неплохие голоса, причем одна из них при этом хорошо играла на аккордеоне. После концерта, обычно, под наш аккордеон устраивались танцы и даже иногда, по общему настроению, и пляски, на которые наша Света-аккордеонистка была большая мастерица. И для жителей каждой деревни все это было каким-то развлечением, ну а агитацией никакой мы не занимались. Так было пройдено не менее десяти населенных пунктов, последним из которых было село Шушенское, которое и селом-то назвать было нельзя, так как в нем было, по крайней мере, несколько построек явно городского типа, в том числе вполне приличный дом культуры, в котором мы решились в заключение похода тоже дать концерт. Концерт прошел вполне нормально, что дало нам повод еще к одному решительному шагу — выступить с этим концертом, по возвращении домой, по красноярскому телевидению в прямом эфире, правда, для этого пришлось несколько раз съездить на репетиции.

Отъезд из Красноярска в Кишинев

В начале мая 1963-го года исполнилось три года моего пребывания в Красноярске и у меня кончился статус молодого специалиста. К этому времени часть бывших молодых специалистов стала собираться и уезжать из Красноярска в разные места нашей, тогда еще необъятной, Родины. Стал подумывать об этом и я, даже списался с однокурсником Мишей Тугановым, работавшим в Derbyshka под Казанью. Но сработал совершенно неожиданно совсем другой вариант, как результат случайного разговора с товарищем с пятого факультета КАИ, работавшим на соседнем радиозаводе, причем я уже и не помню точно, кто это был. Он рассказал мне о том, что группа молодых людей численностью в шесть человек с их завода уехали в город Кишинев, там прописались и нормально работают, и этот, можно сказать, экзотический вариант как-то шутя запал мне в душу, закрепился там и сработал. При этом я взял рекомендательное письмо от этого товарища к его другу в Кишиневе Славе Халовенкову, один чемодан с вещами отправил медленной скоростью по железной дороге в Кишинев до востребования, второй чемодан взял с собой и отправился из восточной Сибири в солнечную Молдавию на поиски счастья и удачи.

КИШИНЕВ. ЗАВОД «ЛУЧ»

08.08.63 года — зачислен на должность инженера ЦЗЛ

23.08.65 года — освобожден от занимаемой должности в связи с переводом на работу в город Дубна, п/я 12

Прописка

Приехав в Кишинев, с рекомендательным письмом от одного красноярского товарища прямо с вокзала я направился к Славе Халовенкову, который работал начальником какого-то отдела в НИИ ультразвука, а жил в общежитии на Рыжкановке. Время было отпускное, половина коек в общежитии была свободна и на одной из них я проспал чуть побольше месяца, пока нашел работу и двенадцать квадратных метров свободного жилья для прописки. Вернее, все это нашли мне друзья Славы после того, как немного присмотрелись ко мне и решили не только прописать и устроить на работу, но и принять меня в свою тесную компанию. Большое и сердечное им спасибо за это доверие и помощь.

Освоение первого образца АВМ МН-14

Завод только что начинал делать свои первые шаги по освоению в производстве только что разработанной в НИИ Счетмаш новой аналоговой вычислительной машины МН-14. Мне было поручено начать настройку первого блока следящих систем стойки блоков следящих систем СБСС, которая, как мне стало известно позднее, была той самой изюминкой, ради которой виднейшие предприятия-разработчики ракетной техники наперебой старались ухватить эту машину. Но настраивать блоки, представляющие из себя смесь электроники с механикой, никто из ранее пришедших на завод настройщиков не хотел, и так самые страшные блоки достались человеку, который впервые в жизни брался за это дело. Поэтому мне, да и всем, кто, действительно, занимался настройкой, регулировкой и окончательной сдачей заказчику машины, пришлось примерно на протяжении всего

первого года работать без всяких выходных по десять-двенадцать часов каждый день. Первую машину отгрузили заказчику в Москву где-то через шесть-семь месяцев после моего прихода на работу, а потом началась изматывающая душу работа по доводке машины на территории первого нашего заказчика. Последний, заключительный, акт о сдаче стойки следящих систем после изнурительной полуторамесячной нашей работы в Москве с моим начальником и благодетелем по прописке в Кишиневе — Донченко Олегом Алексеевичем был подписан только в конце апреля 1964-го года. Потом пошла вторая машина, третья и так далее.

Первичная сдача заказчику машин производилась в Кишиневе, по результатам которой набиралась куча замечаний, большинство которых устранять приходилось уже на территории заказчиков, большинство которых располагалось в Москве. Это были, в основном, оборонные предприятия, связанные с ракетной техникой и космосом. Так одна из машин была поставлена в институт космической медицины, где нам однажды довелось своими глазами увидеть Королева С.П., а одна из машин была изготовлена для Звездного городка. Командировки оформлялись обычно на два месяца, в Москву и обратно летали самолетом, а проживали в гостиницах. Вообще, это время было очень интересное и за два года работы и проживания в Кишиневе со мною произошло довольно много весьма значительных событий.

Во-первых, хотя и с опозданием на три года, но все же исполнилось мое желание поработать непосредственно с живую техникой в процессе настройки и отладки ее.

Во-вторых, Господь помог мне, грешнику, видимо по чьим-то усердным молитвам, решительно взяться за искоренение таких вреднейших и смертельно опасных привычек, как табакокурение и явное злоупотребление спиртными напитками, за что я до сих пор не перестаю от всего сердца благодарить Господа. Слава Тебе, Господи, за это великое благодеяние ко мне, несомненному и позорному грешнику!

В третьих, по настоянию директора завода, на котором я работал, Филатова Виталия Ивановича, я имел возможность однажды съездить в альпинистский лагерь Баксан и быть участником восхождения на вершины «Виа-Тау» и «Кизгем-Баши». Это было хорошим продолжением опыта, накопленного мною за время походов на Красноярские столбы и мне остается, вспоминая все это, только присоединиться к замечательным словам Владимира Высоцкого о том, что «лучше гор могут быть только горы, на которых никто не бывал». Пользуясь удобным случаем, хочется от души поблагодарить Виталия Ивановича за другие благодеяния и, вообще, за доброе и хорошее ко мне отношение.

И последним, очень важным и серьезным для меня событием было то, что во время одной из моих командировок в Москве я встретился с девушкой из города Дубны, Машей Ивановой, которая 24 июля 1965-го года стала моею женою, а я, оставив город Кишинев, стал жителем города Дубны.

ДУБНА. МКБ «РАДУГА»

*13.09.65 года — принят на должность инженера-конструктора 3-ей категории
01.10.66 года — переведен на должность инженера-конструктора 2-й категории
01.12.72 года — переведен на должность инженера-конструктора 1-ой категории
04.02.74 года — уволен по статье 31 КЗОТ РСФСР*

Что такое МКБ «Радуга»

В момент моего поступления на работу это было предприятие п/я 12, а сейчас над проходной висит красочное название: «Корпорация тактическое ракетное вооружение ГосМКБ «Радуга» им. А.Я.Березняка» и, как написано в книге, изданной в 2002-ом году к 90-летию А.Я.Березняка, его детище — МКБ «Радуга», основателем и первым руководителем которого был Александр Яковлевич, занималась и занимается исследованиями, разработкой и созданием крылатых ракет различных классов для поражения морских и наземных целей. Предприятием было разработано более сорока образцов ракетной техники. Почти все разработки изготавливались серийно, состояли или состоят на вооружении ВВС и ВМФ страны.

Для наглядности эффективности работы МКБ можно привести несколько примеров из документального фильма «Ударная сила».

В 1976-ом году во время военного конфликта между Израилем и Египтом два катера с ракетами типа П-15, проданных нами Египту, с первой же атаки утопили флагманский крейсер, а потом в короткое время вообще половину израильского флота.

А когда в том же 1976-ом году на вооружении США появились первые крылатые ракеты, способные на очень малой высоте незаметно подбираться к нашим наземным целям, МКБ «РАДУГА» разработало и представило для постановки на вооружение в 1982-ом году крылатые стратегические ракеты типа Х-55, которыми вначале комплектовались стратегические бомбардировщики ТУ-95, а позднее ТУ-160.

Крылатая ракета «Москит», летящая со скоростью 800 метров в секунду над самой поверхностью воды, способна даже без взрыва боевой части прошить насквозь любое судно и вывести его из строя.

Воспоминания и размышления о работе в МКБ «РАДУГА»

Я был принят на работу в бригаду тридцать шесть, которая занималась эксплуатацией аналоговых вычислительных машин и моделированием на них полета разрабатываемых изделий в зависимости от различных задаваемых параметров на эти изделия.

Начальником бригады был Новичков Николай Петрович. Это был всегда спокойный, выдержанный человек, от которого за девять лет работы я не слышал ни одного грубого слова по отношению к кому бы то не было. Ко мне лично Николай Петрович относился очень хорошо и я очень опасаюсь, что это доверие и доброе отношение не во всем оправдал. Прости меня, дорогой Николай Петрович, если можешь за то, что так получилось.

Основной используемой машиной был «Электрон» с очень устойчиво работающими следящими системами. Руководство предприятия планировало закупку одной кишиневской АВМ МН-14, поэтому я, как работник этого завода-изготовителя, был принят на работу в МКБ, как позднее стало мне известно, с очень большой охотой. По этой причине переговоры о моем устройстве на работу вел начальник КБ Поташников Карл Михайлович и ему, якобы было поручено, сделать все необходимое для моего приема.

И, действительно, примерно через год после моего прихода в МКБ была получена разнарядка на поставку в Дубну АВМ МН-14 и мне было поручено съездить в Кишинев на завод «Луч» для того, чтобы проработать вопрос о целесообразности закупки этой машины. При этом выяснилось, что завод прекратил комплектовать машины следящими системами, а без них АВМ МН-14 не представляла для МКБ никакой ценности. Поэтому вместо МН-14 было закуплено две машины ЭМУ-10, освоением которых я и занялся, потому что работать на освоенном «Электроне» было уже невыносимо скучно. Спустя еще несколько лет после освоения ЭМУ-10 мне было предложено возглавить группу обслуживания приборов, используемых при работе на АВМ. Это были шлейфовые осциллографы, генераторы специальных сигналов, фазометры и так далее. При этом приходилось и самим какие-то не очень сложные устройства изготавливать. Состав группы менялся со временем в пределах от четырех до десяти человек.

Обстановка в бригаде и вообще в МКБ была необыкновенно демократичной, свободной и работать в такой атмосфере было легко и приятно. Если по каким-то обстоятельствам нужен был административный отпуск на один или несколько дней, или нужно было поработать какое-то время во вторую смену, чтобы днем позаниматься какими-то домашними хозяйственными делами, все это оформлялось просто и непринужденно. Так я, например, когда у нас с Машей народилась дочка Лена, не менее двух лет непрерывно работал во вторую смену, а с утра сидел с дочерью дома, пока Маша не приходила со своей работы.

Народ в бригаде был дружный, обстановка, в целом, всегда оставалась здоровой и, может быть поэтому время работы в МКБ для меня имело очень большое значение и дорого в воспоминаниях до сих пор.

В то время как раз на всех предприятиях было широко развернуто движение за коммунистическое отношение к труду. Сама идея-то движения, может быть, была и неплохая, но все это делалось как-то формально и неуклюже и потому всерьез не воспринималось. При этом каждый год всем подразделениям приходилось на своих профсоюзных собраниях принимать обязательства коммунистического отношения к труду и вывешивать их на видном месте. Что-то серьезное взять никто не решался, поэтому из года в год принимались какие-то ни к чему не обязывающие отписки и все это откровенно раздражало и более и более надоедало. И вот, когда меня по второму году работы в МКБ избрали проффоргом бригады, перед первым моим собранием в роли проффорга подходит ко мне начальник бригады Новичков Николай Петрович и поручает переговорить со всеми сотрудниками

индивидуально и предложить, чтобы каждый подготовил и высказал на собрании свое отношение к этому движению с тем, чтобы на собрании либо принять что-то серьезное, либо вообще отказаться от этого формального движения.

На собрании первым слово взял Иванов Андрей Борисович, наш неформальный лидер, и довольно уверенно заявил, что, поскольку что-то серьезное принять, практически, невозможно, то остается только вообще отказаться от этого движения. Его поддержали все присутствующие и решение общего собрания бригады 36 об отказе от участия в формальном движении за коммунистическое отношение к труду было принято и протокол собрания был передан по инстанции.

Причем, эти настроения в МКБ были настолько серьезны, что на очередной профсоюзной конференции МКБ при обсуждении этого вопроса председатель собрания был вынужден поставить вопрос на голосование и большинство собравшихся проголосовали за то, что движение, действительно, носит формальный характер. После этого руководство МКБ часа два настойчиво убеждало собравшихся в том, что такое решение в Москву посылать немыслимо, пока при очередном пере-голосовании народ не отступился от принятого решения.

Мы на позиции неучастия в этом движении продержались более года, пока по настойчивой просьбе сотрудников соседних бригад по общему отделу, терявшими вместе с нами какую-то часть премии по итогам соцсоревнования, во время отсутствия Новичкова Н.П. замещавший его Иванов А.Б. не убедил нас, профорга и комсорга бригады, присоединиться к этому движению, которое вскоре как-то незаметно сошло на нет.

Должен признаться, что мне приятно вспоминать об этих событиях и чувствовать себя причастным к коллективу, который не только смело высказывал свое мнение по наболевшим вопросам текущей жизни, но и очень успешно работал по укреплению обороноспособности нашего отечества и поэтому эта смелость высказываний была признаком силы и мужества. А оценку работы МКБ «Радуга» я впервые услышал в Казани на первой нашей общекурсовой институтской встрече в 1970 году, когда один товарищ с пятого факультета услышав, что я работаю в МКБ «Радуга». неожиданно для меня так высоко отозвался о ней, что мне сейчас уже трудно воспроизвести его высказывание, но глубокий след от этого отзыва. навсегда остался от в моем сердце.

Работая в МКБ я сделал свои первые шаги на пути проявления своей активной позиции к окружающей жизни. Так, однажды, когда Новичков Н.П. оставил меня на время своего отпуска исполнять обязанности начальника бригады, мне удалось при поддержке Андрея Иванова практически реализовать замысел о разделении бригады на несколько более мелких структурных подразделений — групп, с назначением руководителя в каждой группе и это дело хорошо прижилось. Руководителями вновь организованных групп были назначены Андрей Иванов, Лева Лайкин и Ира Черная(Лазарева).

Вскоре после этого Лева Лайкин предложил идею создания техсовета бригады, в состав которого вошли все руководители только что организованных групп, а также начальник бригады, профорг и комсорг. Получился необычный, довольно эффективно работающий коллективный орган управления бригадой, на котором обсуждались и принимались обоснованные и продуманные решения по многим возникающим вопросам.

Были у меня и другие идеи, но такие мои качества, как простота, наивность, недостаточные навыки логического мышления, а, самое главное, как позднее выяснилось, греховность, страсти и так далее привели к тому, что я не смог правильно разобраться в создавшейся обстановке. Началось непонимание, противостояние и прочее, что принесло много огорчений и мне самому и моим товарищам по работе. Простите меня, дорогие мои сотрудники по МКБ за все огорчения, которые по своему несовершенству я невольно доставил всем вам, и да воздаст вам Господь многократно за все эти огорчения!

Несколько коротких воспоминаний о Хайкине Рафаиле Шавеловиче

Хайкин Рафаил Шавелович был начальником третьего отделения, в состав которого входила наша бригада 36. Хотя дистанция между рядовым инженером и начальником отделения очень большая, но все же ощутимые моменты нашего общения были, одним из которых было наше рацпредложение, автором которого был Рафаил Шавелович, а соавторами по его внедрению были мы с Копыловым Сергеем Ивановичем, впоследствии ставшим первым секретарем городского комитета КПСС Дубны. При этом по указанию Хайкина Р.Ш. мы с Сергеем, начинающим тогда работать ин-

женером, составили чертежи и изготовили стойку из трех или четырех блоков следящих систем от ЭВМ «Электрон», спрос на которые в то время в процессе моделирования полета разрабатываемых изделий был очень велик. Были у меня с ним и другие осязаемые моменты, за которые я очень признателен Рафаилу Шавеловичу, но не о них эти воспоминания.

Более теплые и запоминающиеся отношения у нас установились много лет спустя после моего ухода из КБ и произошло это следующим образом. Как-то раз, в начале 90-х годов, когда я работал на «Атолле», во время одного из праздничных дежурств на предприятии, моей напарницей по дежурству оказалась тоже бывшая сотрудница третьего отделения МКБ «Радуги», хорошо знавшая Хайкина Р.Ш. Дворницына (имя, к сожалению, не помню). А поскольку времени у нас с ней было неограниченно много, она не спеша, очень с большой теплотой и, я бы сказал, любовью так задушевно и по-женски интересно поделилась со мной своими многочисленными воспоминаниями о Рафаиле Шавеловиче, что я, внимательно проанализировав все свои отношения с ним, невольно проникся глубоким чувством уважения к этому, несомненно, очень большому и талантливому человеку.

А вскоре после этого разговора я, как бы, случайно встретился с Рафаилом Шавеловичем на платформе станции «Дубна», причем встреча оказалась такой теплой и душевной, как будто он прочувствовал и ответил взаимностью на мое отношение к нему. Я ему, как заядлому огороднику, подарил несколько своих посевных календарей и он их охотно принял. При этом мы с ним оживленно и как-то непринужденно поговорили. После этого в подобном духе эти встречи стали изредка повторяться и каждый раз Рафаил Шавелович находил время и радушие для теплого разговора.

Самый продолжительный и серьезный разговор у нас состоялся в день похорон в январе 1998-го года Хапаева Михаила Михайловича, старейшего работнику «Радуги», с которым я познакомился через его сына Сашу, работавшим в нашей бригаде, да так подружился с ним, что он стал для меня как бы родным человеком. На его поминках мы с Рафаилом Шавеловичем оказались как-то рядом и по окончании пошли вдвоем по вечернему городу. В то время меня очень интересовал вопрос о том, почему перестройка привела нас к такому неутешительному результату, в ответ на который Рафаил Шавелович ограничился своей оценкой нашей демократической системы выборов, которая, по его словам, партии, имеющей в своем распоряжении средства массовой информации, выбрать президентом не только какого угодно человека, но даже, при желании, и обезьяну.

Поскольку в то время я уже был убежденным и воцерковленным православным христианином, разговор перешел на религиозную тему. При этом Рафаил Шавелович от веры в Бога не отказался, но, в ответ на мои вопросы о его отношении к православной вере, твердо заявил, что Бога он признает, но предпочитает общаться с Ним напрямую без всяких посредников и даже пытался меня склонить к этому. Но окончательным результатом этого прямого, откровенного и серьезного разговора было то, что оба мы остались при своих мнениях.

В этот же день был подведен итог работы нашего совместного рацпредложения — стойки блоков следящих систем. Дело в том, что Костя Головач, сотрудник нашей группы обслуживания приборной бригады 36, в этот же день известил меня о том, что буквально недавно они эту стойку разломали, поскольку был внедрен электронный аналог ей. Рафаил Шавелович это событие с какой-то грустью и сожалением прокомментировал так: «Сейчас все ломают и выбрасывают».

Еще хочется привести выдержку из одного нашего разговора, во время которого Рафаил Шавелович однажды неожиданно для меня рассказал о том, что помимо решения всех вопросов, связанных с аэродинамикой разрабатываемых изделий, ему лично, интуитивно, приходилось составлять программу прохождения команд по управлению режимом полета изделий. При этом, добавил, что когда вычислительная техника достигла высокого уровня, он попросил расчетно проверить результаты своих данных и разница получилась очень незначительная. Все это кажется маловероятным, но разговор примерно такого содержания между нами был.

В феврале 1974-го года мне пришлось перейти на работу во вновь создававшийся филиал СНИИП(Союзный научно-исследовательский институт приборостроения) при заводе «Тензор» с надеждою на то, что удастся туда трудоустроить свою жену Машу и слава Богу за то, что надежда эта благополучно исполнилась.

ДУБНА. ФИЛИАЛ СОЮЗНОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ПРИБОРОСТРОЕНИЯ (СНИИП)

*05.02.74 года. Принят в конструкторско-технологический отдел на должность старшего инженера
15.01.76 года. Уволен в порядке перевода
на приборный завод «Тензор»*

Что такое СНИИП

СНИИП (Союзный научно-исследовательский институт приборостроения) был создан для разработки приборов, необходимых на всех участках работ, связанных с разработкой, производством, использованием всего того, что относилось к сфере атомной промышленности и техники. При этом, помимо головного института в Москве, было создано несколько филиалов этого института в разных концах СССР и одним из них был наш филиал в Дубне, располагавшийся на территории завода «Тензор».

На протяжении более чем полвека СНИИП является одной из ведущих научных организаций России (СССР) в области ядерного приборостроения.

Деятельность СНИИП с момента его создания в 1952 году направлена на решение задач обеспечения ядерной и радиационной безопасности при производстве энергии на АЭС; при работе исследовательских реакторов и установок; при проведении технологических процессов на предприятиях ядерно-топливного цикла, при эксплуатации надводных кораблей и судов с ядерно-энергетическими установками; при эксплуатации других ядерно- и радиационно-опасных объектов.

На протяжении всей истории своего существования «СНИИП» решает масштабные задачи по созданию и внедрению приборов и систем, обеспечивающих надёжную и безопасную эксплуатацию АЭС и др. радиационно-опасных объектов и установок, повышающих ядерную и радиационную безопасность, обеспечивающих радиационную безопасность населения и сохранение окружающей среды.

В конце 50-х годов это создание первого поколения радиометрических, дозиметрических и спектрометрических приборов для нужд атомной отрасли, приборов и систем для армии и флота многие из которых были освоены промышленностью.

60-тые годы отмечены созданием аппаратуры для атомного ледокола «Ленин», разработкой и поставкой оборудования радиационного контроля для первого блока Белоярской АЭС, разработкой стандартов «Единой системы конструкторской документации», созданием приборов для космических исследований с помощью искусственных спутников земли.

В 70-е годы были разработаны системы управления и защиты для АЭС с реакторными установками ВВЭР-440 и ВВЭР-1000, велись работы по созданию системы внутриреакторного контроля для АЭС, создана основа теории и методов проектирования аппаратуры ядерного приборостроения, разрабатывалась аппаратура для термоядерных установок.

80-ые годы отмечены участием «СНИИП» в космических программах по оснащению аппаратурой АМС «Марс», «Венера» и «Венера-Галлей».

В 90-е годы «СНИИП» участвует в разработке идеологии и создании Концепции построения «Единой государственной автоматизированной системы контроля радиационной обстановки страны» (ЕГАСКРО) и в разработке и создании комплекса высокоточного производственного метрологического оборудования.

Это лишь краткий перечень проектов, реализованных «СНИИП» в 20-ом веке, и которые были направлены на развитие ядерной энергетики, обеспечение ядерной и радиационной безопасности страны, проведение научных исследований.

В 21-ом веке «СНИИП» продолжил совершенствование своих традиционных направлений деятельности — создание новых автоматизированных систем радиационного контроля (АСРК) для строящихся АЭС и судов с ядерно-энергетическими установками. В этот период «СНИИП» осуществляет поставки систем контроля, управления и диагностики (СКУД) реакторной установки на третий энергоблок Калининской АЭС, на АЭС «Бушер», на первый и второй энергоблоки Тяньваньской АЭС, автоматизированной системы контроля радиационной обстановки (АСКРО) и автомати-

зированной системы индивидуального дозиметрического контроля (АС ИДК) на первый энергоблок Волгодонской АЭС, комплектов технических средств АСРК на второй энергоблок Волгодонской АЭС и третий энергоблок Калининской АЭС, систем внутриреакторного контроля (СВРК) и комплексного анализа (СКА) на второй энергоблок Волгодонской АЭС.

В настоящее время «СНИИП» участвует в качестве поставщика систем СКУД для первого и второго энергоблоков АЭС «Куданкулам» и системы АСРК на четвёртый энергоблок Калининской АЭС.

В последние годы «СНИИП» приступил к развитию новых направлений, из которых наиболее значимыми являются следующие:

Проект: Разработка современных тренажёрных комплексов и верхнего блочного уровня спец-систем АЭС.

Проект: Разработка плазменных комплексов по переработке радиоактивных и бытовых отходов.

Проект: Гармонизация Российских стандартов по системам контроля и управления АЭС с международными стандартами

Проект: Организация научно-образовательных центров и привлечение молодых специалистов на работу в «СНИИП»

О филиале СНИИП в Дубне

Руководителем и организатором филиала был доктор технических наук Каржавин Юрий Александрович, который с момента первого нашего знакомства очень хорошо к мне относился и доверил мне организацию и проведение всех работ по обеспечению филиала измерительными приборами.

Как-то однажды, вскоре после моего прихода в филиал, он отвез меня на своих «Жигулях» в отдел КИП ОИЯИ и сам лично познакомил меня с начальником КИП Галанкиным Владимиром Николаевичем, любезно попросив его оказывать мне посильную помощь по всем возникающим вопросам. С чувством глубокой благодарности к руководству и всем сотрудникам КИП ОИЯИ я вспоминаю и утверждаю, что эта просьба была выполнена самым наилучшим образом.

Мне был оформлен постоянный пропуск для прохода в ОИЯИ, мне и моему помощнику Соколову Николаю Александровичу были выделены рабочие места в помещении группы ремонта радио-приборов, где мы производили ремонт своих приборов, а также была предоставлена возможность брать на временное пользование любые, имеющиеся в наличии приборы и многое другое, что было необходимо для обеспечения приборами нашего филиала.

Основными производственными подразделениями филиала были две лаборатории. Одна из них, лаборатория дискретной техники, под руководством Ермолаева Виктор Васильевича занималась разработкой специальной ЭВМ под названием «Незабудка», а вторая, лаборатория аналоговой техники, под руководством Семенова Бориса Юрьевича занималась разработкой прибора-спектрографа под названием «Лютик». Филиал был укомплектован деловыми, энергичными и инициативными людьми, в том числе было набрана довольно большая группа способных молодых специалистов, многие из которых сейчас стали известными в городе руководителями. Для оперативности действий большинству сотрудников был предоставлен свободный проход на работу и это очень помогало делу.

Так, у меня, например, в кармане было три пропуска — в филиал СНИИП при «Тензоре», в головной институт в Москве и в ОИЯИ, и просыпаясь, я размышлял о том, какой из этих пропусков с утра пускать в дело первым. Такая неограниченная свобода действий и доверие со стороны руководства, по моему, были вполне оправданы тем, что филиал очень бурно развивался. Ни в одной из организаций, где я работал, такой динамики развития я не наблюдал, но почему-то филиалу не было дано показать свои возможности.

В конце 1975-го года филиал СНИИП в Дубне был прикрыт, вспомогательные службы его были расформированы, Каржавин Юрий Александрович уехал в Москву, а основной состав лабораторий под названием ЦНИЛ был переведен в «Тензор» и им была предоставлена возможность довести свои разработки до конца. Но в серийное производство их запустить, видимо, не удалось, разработчики постепенно рассосались по различным службам «Тензора» и другим предприятиям города и ЦНИЛ прекратила свое существование.

ДУБНА. ПРИБОРНЫЙ ЗАВОД «ТЕНЗОР»

*16.01.76 года. Назначен на должность старшего инженера в группу обслуживания ЭВМ ЦНИЛ
07.10.76 года. Уволен по статье 29 п.5 КЗОТ РСФСР*

Несколько слов о заводе «ТЕНЗООР»

Приборный завод «Тензор» был построен и введен в действие в начале 70-х годов прошлого столетия и был предназначен для производства приборов, разработанных СНИИП для нужд бурно развивавшейся науки, промышленности и техники, связанной с освоением атомной энергии. За период за прошедший период было освоено более 300 наименований изделий и приборов с высокими техническими характеристиками для предприятий атомной энергетики, научно-исследовательских организаций, Вооруженных сил, других отраслей народного хозяйства России, стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе система внутрореакторного контроля АЭС.

Поскольку мой переход на «Тэнзор» был вынужденным, то как только была найдена подходящая работа, я перешел на работу в НИИ «Атолл».

ДУБНА. НИИ «АТОЛЛ»

*08.10.76 года. Зачислен на должность старшего инженера научно-конструкторского отделения
03.12.80 года. Уволен по статье 29. п.5 КЗОТ РСФСР в порядке перевода на СКС-2*

Коротко об «АТОЛЛЕ» и о моей работе службе метрологии

НИИ «Атолл» был организован на базе небольшого радиомеханического завода судостроительной промышленности и перед ним была поставлена грандиозная задача организации разработки, производства и постановки на основании акустических приборов глобальной системы контроля за состоянием водной акватории, омывающей территорию бывшего СССР, способной видеть все надводные и подводные движущиеся объекты и определять их координаты места их нахождения.

Я был принят первым сотрудником формирующегося отдела метрологии, но на должность руководителя службы, видимо, не потянул, так как через пару месяцев после моего прихода надо мною был поставлен руководителем вновь принятый на работу Зернов Виктор Георгиевич, а мне пришлось довольствоваться должностью руководителя группы по ремонту и поверке приборов.

Пока своя поверка приборов не была организована, все приборы в поверку приходилось возить в лаборатории Госнадзора в Москву, Менделеево и в Сергиев Посад. Так же приходилось заниматься организацией и обустройством рабочих мест на выделенных площадях под отдел метрологии, закупкой новых приборов в порядке освоения выделенных средств, набором и обучением кадров.

К 1980-му году основные вопросы по организации отдела метрологии были решены, а у меня появилась реальная возможность поменять свою двухкомнатную квартиру на трехкомнатную при переходе на работу в СКС-2 (станция космической связи), и я решил воспользоваться этой возможностью.

ДУБНА. ЦЕНТР КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ «ДУБНА»

*08.12.80 года — принят старшим инженером группы метрологического обеспечения цеха КС
«Орбита-11» СКС №2
11.01.85-го года. Уволен по статье 29 пункт 5 КЗОТ РСФСР*

Что такое ЦКС «Дубна»

Центр космической связи «Дубна» — филиал ФГУП «Космическая связь» был введен в эксплуатацию в 1980-ом году как Олимпийский объект для обеспечения трансляции Олимпийских игр на страны Европы и Атлантического региона. Правда, тогда это было всего лишь подразделением центра космической связи, находящегося в Москве, на Шаболовке. В 1981-ом году это подразделение получило название станции космической связи под номером два — СКС-2, а сейчас, вот уже много лет, это объект называется Центром космической связи «Дубна».

Все службы ЦКС были укомплектованы энергичными, деловыми, высококвалифицированными специалистами, прибывшие в Дубну со всех концов Советского Союза, и нормой было то, что руководитель любой службы был способен по своим знаниям и опыту работы сам лично решать все возникающие проблемы на вверенном ему участке работы.

Каждый рабочий день начинался с диспетчерского совещания по системе громкой связи, на котором объявлялись все проблемы, возникшие за истекшие сутки на момент проведения совещания и руководитель ЦКС давал четкие задания каждой службе на ближайшее время по их устранению.

Коллектив станции в силу сути своей работы был всегда в курсе всех основных новостей планеты, политических, экономических, спортивных и так далее и все это было очень интересно. Там я стал постоянным читателем Литературной газеты, поклонником таланта Джо Досэна, а так же Владимира Высоцкого, которого до этого не воспринимал, может быть потому, что приходилось слушать из динамиков с очень большими искажениями звука. Но однажды услышав его песни про охоту на волков, о черном пистолете и другие, воспроизведенные с добротной пластинки на личной стереофонической аппаратуре, я буквально с первых звуков проникся вниманием к этому мятежному и страдающему человеку. который в тот момент моего духовного развития, видимо, был очень мне необходим.

Как-то однажды на день радио, который является профессиональным праздником работников связи, руководитель ЦКС Охрименко Виктор Федорович всех руководителей служб пригласил на праздничный ужин в ресторан «Дубна», где каждый должен был произнести какой-то тост. При этом я невольно обратил внимание на то, что все тосты произносились с чувством какой-то особой, действительно, профессиональной значимости и торжественности, которой я ни до, ни после этого нигде не встречал, при этом вся эта трапеза напоминала заседание какого-то таинственного закрытого общества профессиональных связистов. Во время своего выступления я сказал об этом и мое замечание было принято с удовлетворением.

Еще как-то особенно мне запомнился первый новогодний праздник на новом месте, во-первых, тем, что каждому работнику станции, как структурной единице московской организации, была предоставлена возможность сделать шикарный по дубненским меркам праздничный заказ продуктов, включая в него икру, красную рыбу и прочие деликатесы. Во-вторых, новогодний вечер было разрешено провести на территории станции и это было так необычно и здорово, что не берусь и описывать его особенности.

Перед самым моим приходом в ЦКС для группы метрологии было выделено хорошее помещение в административном здании и мы внале с Сашей Кудрявцевым, а чуть позднее с Сергеем Стахиным начали его обживать и обустраивать, пока через два-три года оно не стало хорошо оборудованной лабораторией. Примерно к этому же времени были решены все основные вопросы по организации поверки измерительных приборов и другие насущные вопросы.

Как-то получилось так, что наша метрологическая группа среди вспомогательных подразделений станции по итогам соцсоревнования была неоспоримым лидером, стабильно занимая первое или второе места.

Перед окнами лаборатории вдоль всего административного корпуса нами были старательно и с большой любовью посажен ряд молодых стройных берез, которые впоследствии выросли и хорошо окрепли и уже после ухода с ЦКС я неоднократно приезжал на них полюбоваться.

Но какая-то непонятная сила все плоды этих усилий, может быть по грехам нашим, практически, свела к нулю. Укоренившиеся и окрепшие березы, все до одной, под корень, были спилены. На месте прекрасно оборудованной лаборатории во время капитального ремонта здания был устроен роскошный холл.

Небольшой коллектив группы метрологического обслуживания был сокращен до одного человека, Стахина Сергея, который сейчас, по его словам, один следит за приборами и по мере необходимости возит их в поверку и на ремонт в разные организации.

ЦКС «Дубна» сегодня

В настоящее время ЦКС «Дубна» обеспечивает передачу Федерального цифрового телевидения на Сибирь и Дальний Восток, а также на Западную Европу и Африку. В последние годы из Дубны на Европейскую часть РФ «поднимаются» телевизионные каналы «высокой четкости».

В 1997-м году ГП КС приняло участие в международном конкурсе на строительство станции телеметрии и телеуправления космическими аппаратами Eutelsat. И уже через год в Дубне была по-

строена станция, которая успешно работает сегодня. Этот опыт сотрудничества был успешно реализован в аналогичных проектах с компаниями Intelsat и LMI.

С развитием в ГП КС собственной спутниковой группировки в 2003-ем году в Дубне был построен западный пункт наземного комплекса управления и мониторинга загрузки космических аппаратов «Экспресс-АМ», обеспечивающий сегодня функционирование космических аппаратов западной дуги геостационарной орбиты.

На базе ЦКС «Дубна» работают сети малых станций VSAT, особенностью которых является способность к быстрому развертыванию и установлению связи. Эти качества оказались остро востребованы при восстановлении разрушенного наводнением города Ленска, подъема АПЛ «Курск» и в других чрезвычайных ситуациях.

Моя работа в ЦКС «Дубна» закончилась тем, что в начале 1985-го года по приглашению руководства 7-го НИО НИИ «Атолл» я перешел на работу туда в качестве руководителя группы неразрушающих методов контроля.

Если быть откровенным, то надо признаться, что причиной моего согласия на переход в «Атолл» было то, что я был не очень сильным ремонтником. И это была не моя вина, а моя беда, которую я взял добровольно на себя в результате непослушания своему классному руководителю, Загайнову Михаилу Кузьмичу, который мне, ученику девятого класса, твердо рекомендовал готовить себя к работе по филологическому профилю. Но в силу разных причин я не смог разумно воспользоваться этим ценным наставлением, за компанию с двумя своими одноклассниками поступив в Казанский авиационный институт, а потом тридцать лет расплачиваясь работой в несвойственной для себя области, пока не занялся составлением и изданием календарей и книг.

ДУБНА. НИИ «АТОЛЛ»(второй заход)

29.01.85-го года -принят на должность ведущего инженера в НИО-7

04.10.97-го года -уволен по пункту 1 статьи 33 КЗОТ РФ в связи с сокращением численности

Группа неразрушающих методов контроля, руководство которой мне было доверено на новом месте работы, структурно входила в состав 7НИО (научно-исследовательского отделения) и непосредственно подчинялась начальнику химлаборатории, Морозовой Ольге Никоноровне.

К моему приходу в группе накопилось несколько неотложных дел, в том числе:

1. Запуск в эксплуатацию рентгенлаборатории, но для этого нужно было завершить до конца выполнение ряда мероприятий, в том числе организовать дозиметрический контроль за облучением сотрудников лаборатории и согласовать все организационно-технические вопросы со службой санитарно-эпидемиологического надзола.
2. Приобретение тепловизора, на который почему-то руководство отделения, да и, наверное, института, возлагало очень большие надежды, и внедрение его в производственный процесс для контроля качества разрабатываемой и производимой продукции.
3. Третий, самый серьезный и неотложный вопрос возник буквально сразу после моего выхода на новую работу после того, как заказчики обнаружили, что внедренный уже метод определения чувствительности способа контроля герметичности узлов стыковки выпускаемых приборов с помощью гелиевого течеискателя, практически, не работает и остановили приемку готовой продукции до выяснения вопроса.

Общими усилиями многих специалистов института через какое-то время самые неотложные проблемы по третьему вопросу были срочным порядком разрешены, а текущая работа в этом направлении впоследствии стала основным смыслом всей моей работы в «Атолле».

Немного вникнув в существо вопросов по запуску рентгенлаборатории и организации дозиметрического контроля сотрудников этой лаборатории, я понял, что организационно, с учетом всех согласований, организация дозконтроля намного сложнее запуска рентгенлаборатории и, имея уже какой-то опыт общения с руководящими службами ОИЯИ, обратился к руководству ОИЯИ и отдела радиационной безопасности (ОРБ) ОИЯИ с просьбой принять трех сотрудников НИИ «Атолл» на

дозконтроль за соответствующую плату. Просьба была удовлетворена и, даже безвозмездно, и, таким образом, самый сложный вопрос по запуску рентгенлаборатории был благополучно разрешен, а лаборатория вскоре запущена в работу.

Тепловизор через какое-то время тоже был приобретен, но все радужные надежды руководства, по крайней мере, 7-го НИО, непонятно кем и как внушенные, ни в какой мере оправданы не были, и через какое-то время его пришлось передать в медсанчасть № 9 на медицинские цели.

Вообще за это и последующее время с целью поиска эффективных средств и методов неразрушающего контроля мне довелось объехать очень много различных организаций как научного, так и производственного плана, а также принять участие во многих научно-технических конференциях и семинарах, но все то, что удалось увидеть и услышать, помимо радиографии и течеискания было как-то не для нас.

Радиографический метод контроля, разработанный для узлов стыковки одного из разрабатываемых изделий не был внедрен из-за того, что изделие не было запущено в производство, и, таким образом, единственным реально работающим методом контроля оказался контроль герметичности узлов стыковки прибора одним методом щупа с помощью гелиевого течеискателя. Более подробно об этом методе описано в разделе «Путь к Богу».

Там же довольно подробно рассказано о том, какие серьезные искушения мне пришлось пережить в первые годы работы в НИО-7, благодаря которым мне невольно пришлось обратиться к Богу за помощью.

Не рискуя оценивать работу «Атолла» в целом, но подводя итог своему повествованию об этом периоде моей работы, хочу коротко отметить о том, что какая-то часть глобальных планов НИИ «АТОЛЛ» была выполнена и в одном из морей, омывающих территорию России, была развернута действующая первая очередь системы обнаружения надводных и подводных судов с наземным пунктом обработки информации на берегу. И она многие годы (порядка двадцати лет) усилиями «Атолла» поддерживается в рабочем состоянии, что убедительно подтверждает реальность, грандиозных планов руководства СССР, когда-то, действительно, бывшего могучим государством, способным реально воплощать в жизнь такие грандиозные задачи по обеспечению безопасности нашей Родины. Но перестройка остановила процесс дальнейшего наращивания этой системы.

Когда я показал черновики своих воспоминаний о работе на «Атолле» одному из бывших наших заказчиков, он очень высоко оценил работу нашего технологического отделения и института в целом. По его рекомендации хочу назвать имена: Чураева Александра Михайловича, начальника 7НИО, его заместителей Макарова Владимира Ивановича и Шабанова Валентина Александровича, а также Куликова Михаила Петровича, очень грамотного и аккуратного в работе инженера, отвечавшего за работу приборов в химлаборатории и оборудования лаборатории линейно-угловых измерений. Еще особо хочется вспомнить о ныне покойном Володе Бубнове, нашем тоже очень способном рентгенлаборанте, который в силу своего сложного характера доставил всем нам немало хлопот и огорчений, но который не задумываясь поехал на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии, где и основательно подорвал свое здоровье, бесстрашно работая в самых опасных точках.

В настоящее время НИИ «АТОЛЛ» что-то делает, но работают на нем, как и на других оборонных предприятиях города, в основном, люди пожилого возраста, молодежи нет, накопленный опыт передавать, практически, некому, и что будет дальше со всеми нашими оборонными и другими предприятиями и сельским хозяйством, знает только Один Господь Бог.

Господи, вразуми нас, беспросветных грешников, и помоги нам всем и нашему многострадальному Отечеству каким-то чудесным образом выстоять в это ужасное и непонятное время!

ДУБНА. ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ(ОИЯИ)

Что такое Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ)

Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) был создан на основе Соглашения, подписанного 26 марта 1956 г. в Москве представителями правительств стран социалистического содружества: Народной Республики Албания, Народной Республики Болгария, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Польской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республи-

ки с целью объединения их научного и материального потенциала для изучения фундаментальных свойств материи. В последующие годы в число стран-учредителей ОИЯИ вошли Куба и Монгольская Народная Республика. 1 февраля 1957 г. ОИЯИ был зарегистрирован ООН. Институт расположен в Дубне, в 120 км от Москвы, в Российской Федерации.

К моменту создания ОИЯИ на месте будущей Дубны с конца 40-х гг. уже существовал Институт ядерных проблем Академии наук СССР (ИЯП), развернувший широкую научную программу фундаментальных и прикладных исследований свойств ядерной материи на крупнейшем по тем временам ускорителе заряженных частиц — синхроциклотроне. В то же время здесь была образована Электрофизическая лаборатория АН СССР (ЭФЛАН), в которой под руководством академика В.И.Векслера велись работы по созданию нового ускорителя — синхрофазотрона — с рекордными для того времени параметрами.

К середине 50-х годов в мире было достигнуто всеобщее понимание, что ядерная наука не должна замыкаться в засекреченных лабораториях и что только широкое сотрудничество может обеспечить поступательное развитие этой фундаментальной области человеческих знаний, равно как и мирное использование атомной энергии. Так, в 1954 г. близ Женевы был создан ЦЕРН — Европейская организация ядерных исследований — с целью консолидации усилий западноевропейских стран в изучении фундаментальных свойств микромира.

Примерно в это же время страны, принадлежавшие тогда к социалистическому содружеству, по инициативе правительства СССР приняли решение на базе ИЯП и ЭФЛАН создать Объединенный институт ядерных исследований. После подписания Соглашения об образовании ОИЯИ в Дубну приехали специалисты из 12 стран мира. Город стал международным. Здесь развернулись исследования по большому спектру направлений ядерной физики, в которых были заинтересованы научные центры государств-членов ОИЯИ.

Первым директором Объединенного института был избран профессор Д.И.Блохинцев, только что завершивший создание первой в мире атомной электростанции в Обнинске. Первыми вице-директорами ОИЯИ стали профессора М.Даныш (Польша) и В.Вотруба (Чехословакия). На долю первой дирекции выпал один из наиболее трудных и ответственных периодов в жизни Института — время его становления.

История становления Объединенного института связана с именами таких крупнейших ученых и руководителей науки, как Н.Н.Боголюбов, Л.Инфельд, И.В.Курчатов, Г.Неводничанский, А.М.Петросьянц, Е.П.Славский, И.Е.Тамм, А.В.Топчиев, Х.Хулубей, Л.Яноши и другие.

За прошедшие полвека в области ядерных исследований имели место бурные события, произошли революционные изменения. В 1961 г., когда были учреждены премии ОИЯИ, эту награду получил коллектив авторов, возглавляемый Владимиром Иосифовичем Векслером и китайским профессором Ван Ганчаном, за открытие антисигма-минус-гиперона. Ни у кого не вызывало сомнения, что это элементарная частица, но уже несколько лет спустя ей было отказано в элементарности, как, впрочем, и протону, нейтрону, Π - и K -мезонам и другим так называемым адронам. Эти объекты оказались сложными частицами, составленными из кварков и антикварков, к которым и перешло право называться элементарными. Дубненские физики внесли много ясности в понимание кварковой структуры адронов. Это концепция цветных кварков, это кварковая модель адронов, получившая название «дубненский мешок» и т.д.

Что такое ОИЯИ сегодня

Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) — международная межправительственная научно-исследовательская организация.

Членами ОИЯИ сегодня являются 18 государств: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Болгария, Вьетнам, Грузия, Казахстан, Корейская Народно-Демократическая Республика, Куба, Молдова, Монголия, Польша, Российская Федерация, Румыния, Словацкая Республика, Узбекистан, Украина, Чешская Республика. На правительственном уровне заключены Соглашения о сотрудничестве Института с Венгрией, Германией, Египтом, Италией, Сербией и Южно-Африканской Республикой.

Основные направления теоретических и экспериментальных исследований в ОИЯИ: физика элементарных частиц, ядерная физика и физика конденсированных сред. Научную политику ОИЯИ вырабатывает Ученый совет, в состав которого входят крупные ученые, представляющие страны-участницы, а также известные физики Германии, Греции, Индии, Италии, Китая, США, Франции, Швейцарии, Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН) и др.

Институт располагает замечательным набором экспериментальных физических установок: единственным в Европе и Азии сверхпроводящим ускорителем ядер и тяжелых ионов — нуклотроном, циклотронами тяжелых ионов У-400 и У-400М с рекордными параметрами пучков для проведения экспериментов по синтезу тяжелых и экзотических ядер, уникальным нейтронным импульсным реактором ИБР-2М для исследований по нейтронной ядерной физике и физике конденсированных сред, ускорителем протонов — фазотроном, который используется для лучевой терапии. ОИЯИ обладает мощными высокопроизводительными вычислительными средствами, которые с помощью высокоскоростных каналов связи интегрированы в мировые компьютерные сети. В 2009 г. введен в строй канал связи «Дубна—Москва» с начальной пропускной способностью 20 Гбит/с.

В конце 2008 г. состоялся успешный запуск новой базовой установки ИРЕН-I, предназначенной для исследований в области ядерной физики с помощью времяпролетной методики в энергетическом диапазоне нейтронов до сотен кэВ.

Успешно идут работы по проекту «Нуклотрон-М», который должен стать основой нового сверхпроводящего коллайдера NICA, а также по созданию комплекса тяжелых ионов DRIBs-II. В соответствии с графиком идут работы по модернизации комплекса спектрометров реактора ИБР-2М, включенного в 20-летнюю Европейскую стратегическую программу по исследованиям в области нейтронного рассеяния.

Концепция Семилетнего плана развития ОИЯИ на 2010—2016 гг. предусматривает концентрацию ресурсов для обновления ускорительной и реакторной базы Института и интеграцию его базовых установок в единую систему европейской научной инфраструктуры.

Объединенный институт активно сотрудничает с Европейской организацией ядерных исследований (ЦЕРН) в решении многих теоретических и экспериментальных задач физики высоких энергий. Сегодня физики ОИЯИ участвуют в работах 15 проектов ЦЕРН. Весомый вклад ОИЯИ в осуществление проекта века — «Большой адронный коллайдер (LHC) получил высокую оценку мирового научного сообщества. С успехом и точно в срок были выполнены все обязательства ОИЯИ по разработке и созданию отдельных систем детекторов ATLAS, CMS, ALICE и самой машины LHC. Физики ОИЯИ задействованы в подготовке к проведению широкого спектра фундаментальных исследований в области физики элементарных частиц на LHC. Центральный информационно-вычислительный комплекс Института активно используется для задач, связанных с экспериментами на LHC, и другими научными проектами, требующими крупномасштабных вычислений.

За более чем пятьдесят лет в ОИЯИ выполнен широкий спектр исследований и подготовлены научные кадры высшей квалификации для стран-участниц. Среди них президенты национальных академий наук, руководители крупнейших ядерных институтов и университетов многих государств-членов ОИЯИ. В ОИЯИ созданы необходимые условия для обучения талантливых молодых специалистов. Более 30 лет в Дубне работает филиал Московского государственного университета, открыт Учебно-научный центр ОИЯИ, а также кафедры теоретической и ядерной физики в Международном университете природы, общества и человека «Дубна».

Ежегодно в редакции многих журналов и оргкомитетов конференций Институт направляет более 1500 научных статей и докладов, которые представляют около 3000 авторов. Публикации ОИЯИ рассылаются более чем в 50 стран мира.

На долю ОИЯИ приходится половина открытий (около 40) в области ядерной физики, зарегистрированных в бывшем СССР. Как знак признания выдающегося вклада ученых Института в современную физику и химию можно расценить решение Международного союза чистой и прикладной химии о присвоении 105-му элементу Периодической системы элементов Д.И. Менделеева названия «Дубний».

Учеными Дубны впервые в мире были синтезированы новые, долгоживущие сверхтяжелые элементы с порядковыми номерами 113, 114, 115, 116, 117 и 118. Эти важные открытия увенчали 35-летние усилия ученых разных стран по поиску «острова стабильности» сверхтяжелых ядер.

Более 15 лет ОИЯИ участвует в реализации программы по созданию инновационного пояса Дубны. В 2005 году правительством РФ подписано Постановление «О создании на территории г. Дубны особой экономической зоны технико-внедренческого типа». Специфика ОИЯИ нашла отражение в направленности ОЭЗ: ядерно-физические и информационные технологии. Для реализации в особой экономической зоне Объединенным институтом подготовлено более 50 инновационных проектов, 9 компаний-резидентов ОЭЗ «Дубна» имеют свои истоки в ОИЯИ.

Хотя сотрудником ОИЯИ никогда ни одного дня я не был, но в разные годы моей жизни в Дубне мне неоднократно приходилось так или иначе взаимодействовать с различными службами, руководителями разного уровня и сотрудниками ОИЯИ, о чем уже неоднократно упоминалось на страницах этой книги.

Во-первых, это отдел КИП, с которым более всего мне приходилось иметь дело, работая и в филиале СНИИП, и в ЦКС «Дубна», и в «Атолле», получая щедрую и, практически, безотказную помощь во всех затруднительных ситуациях.

Во-вторых, это ОРБ — отдел радиационной безопасности, который любезно согласился взять на себя обязанности по дозиметрическому контролю трех сотрудников рентгенлаборатории НИИ «АТОЛЛ», причем совершенно безвозмездно, избавив меня лично и руководство «Атоллы» от многих хлопот по организации собственной службы дозиметрического контроля.

В третьих, это Дом ученых, в котором совместно с сотрудниками ОИЯИ довелось быть слушателем стольких мероприятий и, особенно, ДМС — дом международных совещаний, в стенах которого в качестве слушателя я принимал участие в работе многих конференций под общим названием «НАУКА. ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ».

В четвертых, обращаясь к моим издательским делам, можно вспомнить:

1. Издательский отдел ОИЯИ, который с любезного согласия Алексея Норайровича Сисакая, бывшим тогда вице-директором ОИЯИ, проделал очень большую работу по набору и верстке оригинал-макета книги четвертой об искушениях, скорбях, болезнях.

2. Здесь же можно, наверное, отметить, что вторая часть книги одиннадцатой о духовном возрождении Дубны и духовном наследии ученых ОИЯИ была целиком обязана исходному материалу, предоставленному:

— профессором ЛТФ ОИЯИ Виктором Николаевичем Первушиным;

— редактором еженедельника ОИЯИ «Дубна, наука, содружество, прогресс» Евгением Макаревичем Молчановым;

— фотоархивом ОИЯИ.

3. И еще можно отметить то, что набор моей части нашей коллективной повести стал возможен только благодаря тому, что ОИЯИ подарил мне компьютер.

В пятых, этот список благодеяний можно было бы, наверное, продолжить и далее, потому что большинство всех бытовых проблем разрешалось с помощью структур, созданных ОИЯИ — это и наше жилье, и медицинское обслуживание (МСЧ-9), и детские учреждения и многое другое, но этот раздел я хочу завершить воспоминанием о моем визите, состоявшемся где-то году в 1967-70-ом к директору ОИЯИ академику Николаю Николаевичу Боголюбову, как депутату Верховного Совета СССР.

В это время я работал в МКБ «РАДУГА» и уже успел окунуться во все основные житейские трудности рядового советского человека — формирование семейных отношений, жизнь в коммунальной квартире, воспитание и уход за ребенком без помощи родителей и так далее, что создавало благоприятную основу для восприятия обильной критической и к тому же весьма конструктивной информации о недостатках советской власти, ежедневно получаемой на работе, в результате осмысления которой у меня сложилось впечатление, что многие из этих недостатков вполне можно разрешить при наличии доброй воли со стороны руководства государства. И так у меня возникло горячее желание попытаться довести до кого-то из представителей высшей власти часть этих соображений, причем наиболее предпочтительным кандидатом для этого плана у меня был Косыгин Алексей Николаевич. Но я не знал, как это практически сделать.

В это самое время я обратил внимание на информацию о том, что Боголюбов Н.Н., являясь такой выдающейся личностью, не состоит в КПСС. Это очень повлияло на мое расположение к нему, и я решил в качестве первого шага по реализации своего тайного плана попытаться откровенно поговорить с ним, как с депутатом Верховного Совета СССР, и однажды записался к нему на депутатский прием, довольно ясно изложив секретарю свое намерение.

Вскоре мне на работу позвонили из приемной Н.Н. Боголюбова и сообщили, что он готов принять меня, если я не передумал. Оформив отпускную записку, я поехал в ОИЯИ. Николай Николаевич приветливо встретил меня на пороге своего кабинета, провел по ковровой дорожке в конец кабинета, где у него стоял небольшой стол для приема посетителей и любезно усадил меня в кресло напротив себя. При этом за соседним, длинным столом, не далеко от нас сидел подтянутый моло-

дой мужчина и молча смотрел на меня. Это никак не входило в мои планы, так как вся моя программа была рассчитана на откровенный разговор наедине. Я стал лихорадочно соображать о том, что делать в этой, неожиданной для меня ситуации, и пересматривать перечень своих вопросов, но основной вопрос-пожелание о том, чтобы в избирательные бюллетени включать не одного, а хотя бы двух кандидатов в депутаты решил ему задать. Отвечая на него, Николай Николаевич спокойно и уверенно заметил, что демократическая система выборов, как показала практика, не лишена недостатков, и привел несколько примеров, подтверждающих эту истину, в частности, о том, как Д.И. Менделеев не был избран в какой-то выборный орган в Академии наук при очень демократической системе выборов. Сейчас, насмотревшись досыта на прелести этого демократического образа жизни, я понимаю, что Н.Н.Боголюбов уже тогда имел твердое представление обо всем этом, но тогда я не был готов удовлетвориться его ответом и потому, к теперешнему моему глубокому сожалению, решил поинтересоваться о том, насколько вероятно улучшение состояния дел в политической и экономической жизни страны. Он мне что-то пытался объяснить, но как-то неубедительно. Я понял, что неуместным вопросом поставил такого уважаемого человека в затруднительное положение и даже расстроил его и поспешил удалиться.

Подводя итоги этого визита я, во-первых, понял, что никакое должностное лицо просто, даже и при желании, не имеет возможности вести никакие душевные разговоры о переустройстве нашей жизни и потому оставил всякие попытки что-то делать в этом направлении.

Во-вторых, я своими глазами увидел и убедился, что Н.Н. Боголюбов сам все знает и глубоко переживает о всех несовершенствах нашей жизни, но, видимо, не так просто что-либо исправить и потому ожидать каких-то заметных изменений к лучшему не следует.

И вот только сейчас, особенно после всех мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения его, можно окончательно, попытаться осознать значимость этого человека для Дубны и для всех нас, который будучи всю свою жизнь глубоко верующим человеком(об этом он однозначно объявил своему ближайшему окружению перед кончиной) и, к тому же еще беспартийным, многие годы возглавлял ОИЯИ и был депутатом Верховного Совета СССР. Только проявлением прямого промысла Божиего можно объяснить возможность такого сочетания убеждений и общественного служения человека в годы безбожной советской власти. Полагаю, что и сейчас молитвами Н.Н.Боголюбова и его предков-священников во многих поколениях во многом держится и ОИЯИ, город Дубна и мы, жители ее.

Слава Тебе, Господи, за все это!

ИЗДАНИЕ КАЛЕНДАРЕЙ, КНИГ

ПОСЕВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

Где-то в конце 1991 года мне в руки попал какой-то журнал, в котором было очень подробно описано, как проводить посев и другие сельскохозяйственные работы с учетом положения Луны на небосклоне. При этом наряду с текстом было приведено несколько таблиц. Пытаясь разобраться в этой, новой для меня, информации, я все эти таблицы, для удобства, свел в одну, и таким образом, как бы сам собою, получился мой первый посевной календарь на 1992 год, размножая который на подручных средствах, я начал свою торгово-предпринимательскую деятельность. Доходы были невелики, но дело было интересное, требующее вложения всех сил без остатка.

Оригинал-макет первого календаря рисовал вручную, при этом всю необходимую информацию с большим трудом удалось вместить только на полный ватманский лист. Естественно, такой большой календарь был неудобен и в печати, и продаже, и в работе.

Приступая к работе над вторым календарем, я, во-первых, вышел на одного московского профессионального астролога, а, во-вторых, был настолько уверен в полезности и необходимости календаря для садоводов и огородников, что каким-то чудом смог по телефону убедить в этом какого-то высокопоставленного чиновника из Белого дома, и тот тут же тоже по телефону дал вежливое, но довольно твердое указание одному московскому издательству заняться моим календарем. В издательстве меня весьма деликатно приняли, провели со мною не менее пяти производственных совещаний, причем на первое из них был приглашен мой знакомый астролог, а потом, убедившись, что я не настолько уж близок к их боссу, небрежно от меня отмахнулись. Мне это пришлось молча проглотить, но календарь к этому моменту был в принципе уже готов, оставалось только набрать

на компьютере оригинал-макет его и издать. Об издании договорился с молодыми предпринимателями в Дубне, а деньги на издание выделил покойный Зинкевич Сергей Владимирович за то, что в календаре была размещена реклама его филиала ИНКОМ-банка. Но издать удалось только первую, небольшую, партию календарей, вторую же, основную, часть отпечатать до конца не успели, была отпечатана только одна сторона календаря, так как все оборудование типографии было неожиданно украдено. Я был настолько этим огорчен, что решил было все это дело забросить. Но в этот трудный момент меня очень своевременно и решительно поддержал брат Юра, с которым мы в январе-феврале 1993 года не менее месяца жили в родном деревенском доме, ухаживая за умирающей матерью, убедительно заверив меня в том, что и ему и многим его сотрудникам календарь понравился, и я, поверив ему, нехотя взялся за составление календаря на 1994 год. Этот календарь тиражом четыре тысячи экземпляров был своевременно и благополучно издан у тех же предпринимателей и на средства того же спонсора. При этом на одной стороне календаря была размещена календарная таблица, на другой стороне пояснения к ней и реклама филиала ИНКОМ-банка, печать двухцветная, формат А4. Отличительной особенностью календаря было то, что вся основная информация была представлена в удобной для восприятия графической форме. Продавался календарь в магазинах Москвы, Дубны и в электропоездах, притом, довольно успешно.

Верстка и двухцветная печать календаря на следующий, 1995, год, благодаря участию Королева Сергея Викторовича, известного в городе партийного лидера, осуществлялась в начинающей работать фирме Имапресспринт в Дубне на средства одного предпринимателя из Зеленограда. Формат календаря был А3, печать тоже двухцветная, тираж десять тысяч экземпляров. Это был самый большой успех моей торгово-предпринимательской деятельности. В это время я находился в длительном административном отпуске и с раннего утра до позднего вечера занимался торговлей, мотаясь в электропоездах по всей Московской области.

Рекламный эффект от календарей, видимо, был невелик, поэтому рекламодателей на следующие годы найти не удалось, календари мне пришлось издавать уже на свои средства и доходы стали с каждым годом уменьшаться. В 2000 году был издан последний посевной календарь.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Первый православный календарь был составлен и отпечатан на ризографе небольшой партией в **1996 году**. При этом первый вариант оригинал-макета календаря был изготовлен вручную, на одном листочке форматом А4. На первой странице календаря была размещена черно-белая календарная таблица, содержащая примерные рекомендации о том, какими продуктами питаться каждый день в году с учетом соблюдения не очень строгого поста. Сделано это было путем введения в календарную таблицу простых и легко запоминающихся условных обозначений, которые позволяли определить постный это день или непостный (постные дни были в таблице выделены тонкой штриховкой) и какова степень строгости поста в этот день (одной или двумя точками давалось указание о послаблении поста на елей или рыбу), а также особенностью начертания цифр каждой даты отобразалось каков каждый день года — будний или праздничный и какова значимость того или иного праздника и так далее. На обратной стороне календаря обычным текстом давались пояснения об основных праздниках, памятных датах, днях поминовения усопших, постах и так далее, как-то выделенных в календарной таблице.

Поводом к изданию календаря послужило то обстоятельство, что в предыдущем, 1995-ом, году мы с Машей, моей женой, впервые постились и пользовались православным календарем, изданным в виде книжечки, в котором на каждый день была указана степень послабления поста, то есть было ясно какими продуктами можно питаться, не нарушая поста, а на 1996-ой год такого календаря мы нигде купить не смогли. При этом чувствовался какой-то явный дискомфорт, порождавший настойчивое желание этот вопрос как-то разрешить.

Основанием для составления и издания календаря послужил мой четырехлетний опыт составления, издания и реализации посевных календарей, а также благословение и помощь отца Александра Семенова.

В самом начале работы по составлению нового календаря, когда все необходимые исходные материалы были уже собраны и структура календаря просматривалась, неожиданно возник очень сложный принципиальный вопрос, связанный с тем, что обнаружились незначительные разногласия некоторых первоисточников в подходах к строгости соблюдения поста в некоторые определенные дни. Так, например, одни первоисточники в среду и пятницу во время некоторых мясоедов разреша-

ли вкушать рыбу, а другие только елей и мне было совершенно не ясно чем эти разногласия вызваны и какому источнику отдать предпочтение. Для разрешения этого вопроса отец Александр Семенов направил меня к отцу Виктору в Орудьево, который меня принял очень радушно, календарем остался очень доволен и даже уверенно обещался календарь передать на рассмотрение своему Владыке, а мне объяснил, что настоятели монастырей и храмов имеют полномочия, в зависимости от конкретных условий, давать своим пасомым в каких-то разумных пределах послабление церковного устава и заверил, что наш календарь составлен так, как надо, и благословил меня продолжать начатое дело дальше. Примерно такие же разъяснения я получил несколько позднее в подворье Троице Сергиевой лавры. Для полной уверенности в календаре мы сделали приписку о том, что пользуясь календарем, конкретный режим питания желательно уточнить со своим духовником.

На этом закончился самый сложный и ответственный момент в работе по созданию этого календаря и началась многолетняя напряженная работа по ежегодному составлению, изданию и доработке календарной таблицы, да и всего календаря. При этом, в первую очередь, было необходимо создать компьютерный вариант оригинал-макета календаря и особенно календарной таблицы в черно-белом варианте с целью наглядного представления информации:

- о том, какими продуктами питаться каждый день в году с учетом соблюдения поста;
- о днях празднования Пасхи, двенадесятих и великих праздников;
- о днях празднования престольных праздников
- о днях празднования наиболее известным иконам Божией Матери;
- о днях памяти некоторых, наиболее почитаемых в народе святых угодников Божиих;
- о днях поминовения усопших;

Эта очень непростая задача в процессе работы над оригинал-макетом календаря на **1997-ой год** была разрешена и, притом, довольно успешно Александром Леонидовичем Бубер, начальником одного из отделов какого-то НИИ в Москве, занимавшимся вопросами анализа и разумного использования водных ресурсов бывшего СССР. При этом на одной стороне календаря была расположена календарная таблица и пояснительный текст к ней, а на другой стороне — краткий молитвослов.

После этого разработчик календаря много лет радушно помогал мне в моих издательских делах, всякий раз сокрушаясь о том, что институт медленно, но верно разваливается, что вопросы грамотного использования водных ресурсов никого не интересуют и так далее, пока ему вынужденно не пришлось уйти работать куда-то в другую организацию.

С **1998-го года** календарь стал издаваться с благословения отца Виталия Шумилова, настоятеля Смоленского храма. При этом основным вариантом календаря был лист плотной бумаги форматом А3, на одной стороне которого размещалась календарная таблица с пояснительным текстом к ней, а на другой краткий молитвослов, избранные поучения святых отцов и другая информация, которую время от времени мы старались обновлять.

Так, например, в **2002-м году** на обратной стороне было описано как питаться в дни поста по церковному уставу и размещена таблица возможных вариантов послабления уставного поста в пределах постного стола, впервые предложенная отцом Виталием Шумиловым, а также статья врача-аллерголога о пользе поста для здоровья христианина.

Календарь **2004-го года**, под названием «Православный календарь постящимся», был издан в нескольких вариантах.

1. Традиционный настенный, двухсторонний вариант форматом А3
2. В составе книги шестой «В помощь постящимся», изданной Смоленским храмом Дубны тиражом 150 экземпляров.
3. В виде отдельной книжечки форматом А5, объемом 12 страниц с кратким молитвословом. При этом и календарная таблица и пояснительный текст к ней были точно такими же, как в первом и втором вариантах календаря
4. В упрощенном варианте в составе книги «Азы православия для новоначальных», изданной «Ковчегом» тиражом 25 000 экземпляров. Упрощения были настолько существенны, что все рекомендации о питании и о послаблении требований уставного поста были совершенно исключены из календаря.

Календарь **2005-го года** был издан в трех вариантах.

1. В виде отдельной книжечки форматом А5, объемом восемь страниц, как и в предыдущем году.
2. В составе той же книги «Азы православия для новоначальных», изданной «Ковчегом», опять в таком же упрощенном варианте», тиражом 15 000 экземпляров.
3. Поскольку на все упрощения календаря нам пришлось соглашаться, естественно, вынужденно, то мы подготовили и издали в составе небольшой книги «О посте, пище и питии» свой, желанный, вариант «Православного календаря для постящихся» тиражом 250 экземпляров с благословения отца Виталия Шумилова и не только благословения, но и самой активной помощи и участия отца Илии Шугаева, настоятеля храма Архангела Михаила в Талдоме, бывшим тогда Благодичинным Церковей Талдомского округа Московской епархии. При этом календарь состоял из:
 - таблицы четырех примерных вариантов послабления уставного поста для немощных соблюдать уставной пост;
 - трех самостоятельных календарных таблиц разной степени послабления уставного поста, дающих детальные рекомендации по питанию с учетом соблюдения поста на каждый день года, составленных на основании первых трех вариантов выше приведенной таблицы;
 - общей календарной таблицы, в которую каждый обладатель календаря, с благословения своего духовника, мог внести свои пожелания по ослаблению уставного поста и, таким образом, получить свой индивидуальный календарь постящегося;
 - пояснительного текста, общего для всех четырех календарных таблиц, с информацией:
 - а) о днях празднования двенадцатых и великих праздников;
 - б) о днях празднования престольных праздников Дубны, Талдома, Запрудни, Вербилоч;
 - в) о днях празднования избранным иконам Божией Матери;
 - г) о днях памяти наиболее чтимых святых угодников Божиих, в том числе местночтимых сщмчч. Михаила Абрамова (Ратмино), Феодора Дорофеева (Талдом), Владимира Сперанского (Запрудня);
 - д) о днях поминовения усопших.

Календарная таблица и пояснительный текст календаря давали полную информацию о престольных праздниках Дубны, Талдома, Запрудни и Вербилоч.

Календарь **2006-го года** был составлен по подобию календаря 2005-го года, но еще был дополнен информацией о престольных праздниках всего Талдомского благочиния и был издан как в виде отдельной книжечки, так и в составе книги десятой «Что такое пост», изданной в том же 2006-ом году тиражом 150 экземпляров с благословения и усилиями отца Илии Шугаева.

Это был, как бы, специальный календарь для нашего, Талдомского, благочиния.

Календарь **2007-го года** был составлен по подобию календаря 2006-го года, но только с одной, самой востребованной календарной таблицей послабления уставного поста, и издан в составе книги одиннадцатой, которая так и называлась «Православный календарь для постящихся на 2007 год» и была издана в красочной цветной обложке тиражом 1 000 экземпляров.

Календарь **2008-го года** был опять издан в настенном варианте форматом А3, на лицевой стороне которого были размещены календарная таблица с пояснительным текстом к ней, а на обратной стороне краткий молитвослов. Это было последнее, тринадцатое по счету, издание нашего календаря.

Несколько заключительных замечаний по изданию православных календарей

Причиной прекращения издания календарей послужило то обстоятельство, что новый Благодичинный Церковей нового, Дубненско-Талдомского, округа отец Владислав Бобиков благословения на издание очередного календаря на 2009-ый год не дал, коротко объяснив свое решение тем, что необходимости в дальнейшем издании этих календарей не находит.

С одной стороны, я, как основной исполнитель по составлению и изданию этих календарей, ему даже благодарен за то, что он избавил меня от большой, кропотливой и ставшей не очень уже интересной ежегодной работы, потому что только Один Господь знает чего мне, не имеющему своего компьютера и принтера, стоило на протяжении стольких лет составление и издание этих календарей.

Но, с другой стороны, календарь все эти годы имел довольно устойчивый спрос среди определенной части прихожан Смоленского, да и других храмов нашего города и ради тех молитв и поучений святых отцов, которые приводились на обратной стороне календаря, по окончании очередного года часто сохранялся еще на многие годы.

Сейчас, конечно, во всех православных лавках в большом ассортименте продаются настенные красочные календари, в которых приведены рекомендации по питанию во все дни постов, но в них не может быть информации о престольных праздниках хотя бы в храмах нашего города, о днях памяти наиболее почитаемых наших святых, в том числе местно чтимых, а также о днях празднования наиболее известным и почитаемым иконам Божией Матери.

Да и, кто знает, вполне может быть, что эти красочные календари появились в какой-то степени именно благодаря нашему черно-белому неброскому календарю, который начал издаваться за много лет до появления этих календарей, и за это время я неоднократно пытался обращаться и в Троице-Сергиеву лавру, и в Свято-Данилов, и Сретенский монастыри и в Богоявленский храм и другие православные центры по вопросам издания нашего календаря, но, правда, никаких ответов на эти обращения не получал.

КНИГИ

Книга первая ИЗБРАННЫЕ ПОУЧЕНИЯ

святого праведного Иоанна Кронштадтского

Как надо молиться, чтобы молитвы наши исполнялись

Издание храма Смоленской иконы Божией Матери. Дубна. 1998 год
Тираж 150 экземпляров. Формат А5. Объем 18 страниц. Печать ризограф, Москва
Составление Евгений Овсянницкий (бывший псевдоним). Набор, верстка Юрий Боков

Такая книга, посвященная 90-летию со дня блаженной кончины святого праведного Иоанна Кронштадтского и составленная из наставлений его о том, как надо молиться и о себе, и о всех других людях, в самом конце октября 1998-го года была издана нами с благословения отца Виталия Шумилова. Это было реальной попыткой составления и издания практического пособия, наверное, по самому главному делу нашей христианской жизни — исполнению молитв на основании, действительно, бесценного молитвенного опыта святого праведного Иоанна Кронштадтского, который не только своими молитвами ежедневно помогал сотням и тысячам страдальцев, обращавшихся к нему лично, письменно или по телеграфу, чудесно избавляя их от многих, даже неизлечимых, болезней и других всевозможных скорбных обстоятельств, но и откровенно, добросовестно и подробно изложил многие секреты своего молитвенного подвига, многократно обращаясь к этой теме на страницах своей книги «Моя жизнь во Христе», составленной им из описания своих благодатных озарений души в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы. В разделе «Путь к Богу» уже упоминалось, что причиной к этому было мое горячее желание иметь удобный сборник избранных поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского на самые насущные темы духовной жизни, а решающим обстоятельством, позволившим приступить к практическому воплощению в жизнь этого желания послужило создание самодельного предметного указателя к книге «Моя жизнь во Христе», а также неожиданная щедрость руководителя компании «Контакт» Евгения Юрьевича Мазепы, который буквально за несколько дней до дефолта 1998-го года выделил мне, не помню уже какое точно количество, долларов, которые, умножившись в результате дефолта во много раз, позволили мне оплатить все расходы по составлению и изданию этой книжечки.

Не менее удивительным обстоятельством было и то, что когда я со свежотпечатанными экземплярами книги в руках обратился к отцу Виталию Шумилу за благословением на самостоятельную поездку с этими книгами в Петербург на поклонение к святому праведному Иоанну Кронштадтскому, он в качестве благословения предложил мне присоединиться к группе паломников нашего Смоленского храма, которые буквально утром следующего дня, 02.11.98, во главе с самим отцом Виталием на своем микроавтобусе отправлялись в паломническую поездку по святым местам Петербурга. Это была удивительная поездка. Мы с отцом Виталием, как у Христа за пазухой, на своем транспорте с молитвами и со всеми удобствами благополучно доехали до Петербурга и обратно, а там, проживая и питаясь в Новодевичьем монастыре, с утра и до вечера разъезжали по святым

местам Петербурга, где перед отцом Виталием открывались двери даже закрытых для обычных паломников святых. Так мы побывали и у гробницы святого праведного Иоанна Кронштадтского на Карповке, где отец Виталий прочитал акафист великому праведнику, и у только что обретенных нетленных мощей Александра Свирского, и у Ксении Петербургской и во многих других святых местах. Последний день нашей поездки, 06.11.98, провели в Кронштадте — в Морском соборе и у дома, в котором святой праведный Иоанн Кронштадтский прожил более пятидесяти лет. В то время музей великому праведнику еще не был открыт, а только была выкуплена небольшая часть бывшей его квартиры и в ней шли ремонтные работы.

Слава Тебе, Господи, за эту, действительно, незабываемую поездку!

Вскоре после этого по благословию отца Виталия я несколько экземпляров этой книги отвез в патриархию и даже один экземпляр через отца Владимира передал Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Через некоторое время на мое имя из издательского отдела патриархии пришло письмо, в котором сообщалось, что хотя они и получили наше прошение об издании книги избранных поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского с визией Святейшего, но ввиду того, что у меня нет духовного образования, они книгу напечатать не могут.

Таким образом, встал вопрос о правомочности продолжения моей издательской деятельности, разрешение которого проходило в два этапа, на первом из которых мне удалось достоверно установить, что достаточно много книг духовного содержания издается людьми, не имеющими никакого духовного образования. Это обстоятельство вселило в меня какую-то надежду на успех.

На втором этапе как-то получилось так, что через отца Виталия я вышел на отца Александра Макарова, настоятеля Преображенской церкви в поселке Запрудня, который посоветовал мне обратиться к только что приступившему к исполнению обязанностей Благочинного Церковью Талдомского округа, настоятелю храма Архангела Михаила в Талдоме, отцу Илию Шугаеву, и мое сложное и очень деликатное дело благополучно разрешилось. Отец Илия в это время работал над составлением справочника-календаря на 2000-ый год «Талдомское благочиние» и нашел возможность на многие последующие годы уделить необходимое внимание моей составительско-издательской деятельности. Сердечное спасибо ему за эту очень большую, многогранную и очень квалифицированную помощь, в которую было вложено столько заботы, внимания и времени и да воздаст Господь ему многократно за все это!

Книга вторая
ИЗБРАННЫЕ ПОУЧЕНИЯ

святого праведного Иоанна Кронштадтского и других подвижников
Как надо молиться. Пост, пища, питание. Суть и цель христианской жизни...

Издание храма Смоленской иконы Божией Матери. Дубна. 1999 год.
Тираж 100 экземпляров. Формат А5. Объем 65 страниц. Печать ризограф, Москва
Составление Евгений Овсянников (бывший псевдоним). Набор Александр Денисов. Верстка Юрий Боков

Такая книга, посвященная 170-летию со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского, 14.10.99 года отпечатана на ризографе с благословения отца Виталия Шумилова.

В состав книги вошла полностью предыдущая книжечка о том, как надо молиться, дополненная молитвословом с душеполезными поучениями святых отцов на самые разные случаи жизни, а также краткое жизнеописание святого праведного Иоанна Кронштадтского и его избранные поучения:

- о посте, пище и питии;
- о сути и цели нашей христианской жизни;
- краткие, но очень сильно действующие на сознание поучения, тщательно отобранные за много лет из книги «Моя жизнь во Христе».

При этом поучения святого праведного Иоанна Кронштадтского о посте, пище и питии были дополнены выдержками из книг прот. Г.С.Дебольского и Н.Е.Пестова, а поучения о цели христианской жизни — размышлениями преподобного Серафима Саровского о Духе Святом.

С этой книгой отец Виталий Шумилов благословил меня, на этот раз уже самостоятельно, поехать в Петербург для участия в праздничных мероприятиях, посвященных 170-летию со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского. Эта недельная поездка, за время которой я принял участие в праздничных богослужениях в Свято-Иоанновском монастыре на реке Карповке, где находится гробница с мощами святого праведного Иоанна Кронштадтского, а также объехал все святые места, которые мы посетили год назад с отцом Виталием, была тоже интересной и запоми-

нающейся, но очень трудной по сравнению с предыдущей, потому что все непростые бытовые вопросы пришлось решать самому, да еще и почему-то я подвергся неожиданным и довольно сильным искушениям. Подробный отчет об этой поездке приведен в следующей книге избранных поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Книга третья
ИЗБРАННЫЕ ПОУЧЕНИЯ
святого праведного Иоанна Кронштадтского
и других подвижников

Издание храма Смоленской иконы Божией Матери. Дубна, 2000 год
Тираж 200 экземпляров. Формат А5. Объем 100 страниц. Печать ризограф, завод «Тензор»
Составление Евгений Овсянников (бывший псевдоним). Художник Александр Пасько
Набор Александр Денисов, Юрий Боков. Верстка Лидия Демина

Такая книга с благословения отца Виталия Шумилова и не только благословения, но и непосредственной помощи отца Илии Шугаева, настоятеля храма Архангела Михаила в Талдоме, была отпечатана в отделе технической документации завода «Тензор» по прямому указанию директора этого завода Барсукова Игоря Борисовича буквально к престольному празднику Смоленского храма, который состоялся восьмого августа двухтысячного года.

Это был доработанный и дополненный вариант предыдущей книги, профессионально сверстаный и оформленный руками сотрудницы «Тензора» воцерковленной православной христианки Лидии Деминой, которая столько усилий, времени и любви вложила в эту работу, что только Один Господь может по достоинству оценить и вознаградить ее за этот труд.

Основная суть и содержание книги.

1. Жизнеописание святого праведного Иоанна Кронштадтского.
2. Пособие по исполнению молитв, составленное из поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского и молитвослова с молитвенными поучениями святых отцов на самые разные духовные и житейские темы.
3. Поучения святого праведного Иоанна Кронштадтского о посте, пище и питии, дополненное приложениями из других источников:
 - об истории возникновения и установления поста;
 - о цели поста;
 - о посте телесном и духовном;
 - о рассудительности в посте;
 - о питании в дни поста по церковному уставу.
4. Поучения о цели и сути христианской жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского, дополненные размышлениями преподобного Серафима Саровского и схиигумена Саввы о стяжании Духа Святого и о Его дарах.
5. Сборник кратких, но ярких, возбуждающих дух, поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского на разные духовные темы.
6. Дневник паломника — отчет о моей поездке в октябре-ноябре 1999-го года в Петербург на празднование 170-летия со дня рождения святого праведного Иоанна Кронштадтского.
7. Подборка черно-белых фотографий, посвященных святому праведному Иоанну Кронштадтскому, часть которых была отснята в юбилейные дни в Кронштадте 31.10.99 г.
8. Обложка книги была выполнена нашим местным молодым художником Александром Пасько. При этом на первой странице ее была изображена икона святому праведному Иоанну Кронштадтскому, написанная им же, а на других — рисунки Смоленского храма и храма-часовни блаженной Ксении Перербургской в Дубне и часовни на Смоленском кладбище в Петербурге, где покоятся мощи этой святой.

Книга четвертая
ИЗБРАННЫЕ ПОУЧЕНИЯ
святого праведного Иоанна Кронштадтского и других подвижников
Искушения, скорби, болезни

Издание храма Смоленской иконы Божией Матери. Дубна, 2001
Тираж 100 экземпляров. Формат А5. Объем 126 страниц. Печать ризограф, Москва
Составление Евгений Овсянницкий (бывший псевдоним). Художник Александр Пасько.
Набор Мария Кучерова. Верстка Елена Водоватова

Такая книга на одну из самых актуальных тем нашей христианской жизни в двадцатых числах октября 2001-го года была издана с благословения отца Виталия Шумилова и отца Илии Шугаева. Краткая история этой книги такова.

Когда, продолжая работу над очередным вариантом книги избранных поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского я впервые внимательно просматривал собранные поучения его об искушениях, скорбях, болезнях, то неожиданно испытал незабываемое ощущение того, как по мере вникания в их суть врожденное чувство страха перед скорбями, лишениями, болезнями и другими напастьями постепенно исчезало, и на его место приходило осознание действительной необходимости всех этих испытаний для нас. Я поделился этими впечатлениями с одним моим товарищем, и он тут же настоятельно посоветовал мне как можно быстрее издать эти поучения отдельной книгой. В процессе работы над этой книгой поучения кронштадтского батюшки, для полноты охвата, захотелось дополнить поучениями святых отцов из других книг на эту тему, таких как: «О терпении скорбей по учению святых отцов» святителя Игнатия Брянчанинова, «Преподобный Силуан Афонский», «Об искушениях, скорбях, болезнях и утешении в них» и др.

При этом по смысловому значению задуманная книга разделилась на две части. В первую часть вошло жизнеописание святого праведного Иоанна Кронштадтского со слов митрополита Вениамина (Федченкова) и самого батюшки Иоанна и его поучения об искушениях, скорбях, болезнях, тщательно отобранные, сгруппированные и озаглавленные, а во вторую часть книги вошли еще более тщательно отобранные выписки из творений на эту же тему преподобных отцов Макария Великого, Марка Подвижника, Исаии Отшельника, Силуана Афонского и других великих старцев.

Это такой сгусток духовной энергии на случай любых стрессов, огорчений и душевных переживаний, что его значение на эти случаи трудно переоценить. А в целом, для меня лично, из всего этого получилось, как бы, довольно эффективное практическое пособие для восстановления и укрепления душевного равновесия в сложных психологических ситуациях.

Верстка книги, благодаря радушной поддержке Алексея Норайровича Сисакяна, тогдашнего вице-директора ОИЯИ, на самом высоком уровне была произведена в издательском отделе ОИЯИ. При этом, с моими многочисленными добавлениями и изменениями, был произведен такой большой объем работ, что мне сейчас страшно даже вспоминать об этом, и, хотя большим тиражом тогда книгу издать так и не удалось, но все же все эти труды не были напрасными, так как первую часть книги с поучениями святого праведного Иоанна Кронштадтского позднее удалось, практически целиком, включить в книгу «Великий пастырь», прекрасно оформленную и изданную «Ковчегом» к 100-летию памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Книга пятая,
(составленная, но не изданная)
ИЗБРАННЫЕ ПОУЧЕНИЯ
Святого праведного Иоанна Кронштадтского и других подвижников
Как по-христиански спастись в искушениях, скорбях, болезнях

Храм Смоленской иконы Божией Матери. Дубна, 2002
Тираж черновика книги два экземпляра. Формат А5. Объем 170 страниц
Составление Евгений Сбоев. Набор Мария Кучерова, Марина Колесова

Такая книга была составлена с благословения отцов Виталия Шумилова и Илии Шугаева и под непосредственным руководством отца Илии Шугаева. Это был вариант предыдущей, четвертой, книги, дополненный разделом с подзаголовком «Возрождение православных традиций и духовные средства оздоровления», который начинался так: «Учитывая естественный интерес со стороны

широкого круга читателей к проблеме здоровья, у составителя появилось непроизвольное желание поучения святого праведного Иоанна Кронштадтского и других подвижников об искушениях, скорбях и болезнях дополнить еще одной главой, чтобы как можно полнее осветить эту актуальную тему и чтобы в пределах одной книги наглядно представить все многообразие благодатных духовных средств, имеющихся в распоряжении Православной Церкви, которые она готова щедро излить на всякую страждущую душу. А поскольку основное средство от болезней душевных и телесных — очищение от греха, то всем нам, в большинстве своем отлученным за годы безбожной власти от благодатных духовных источников, надо как-то обретать их вновь и учиться жить по-христиански, с крепкою верою в Бога, терпеливо возрождая во всей своей повседневной жизни основательно забытые православные традиции...».

Эта дополнительная глава содержала материалы:

- об освящении быта христианина;
- о необходимости молитвы перед всякой трапезой;
- об удивительной силе крестного знамения;
- о соборовании;
- об освященной воде;
- об освященном масле(елее);
- о вкушении просфоры, антидора, артоса;
- о святых мощах;
- о чудотворных иконах;
- о святых источниках;
- о том, как по-христиански вести себя в больнице;
- о духовных болезнях и так далее.

При этом на имя Его Высокопреподобия архимандрита Тихона, настоятеля Сретенского монастыря, с благословения благочинного церковью Талдомского района отца Илии было составлено письмо с просьбой об издании этой книги, за подписью мэра города Дубны Валерия Эдуардовича Проха, депутата Московской областной Думы Анатолия Владимировича Долголаптева и заведующего общественной приемной Губернатора Московской области Николая Николаевича Прислонова. Поводом к написанию такого письма послужило то, что руководитель издательского отдела этого монастыря отец Никон уже был намерен издать две наши книги, первую и четвертую, но дождался результатов согласования этого вопроса в издательском совете. Для ускорения решения этого вопроса и было полностью подготовлено это письмо, но отец Виталий Шумилов категорически запретил пускать его в дело. Так совершенно неожиданно рухнули мои самые радужные издательские планы на самом интересном месте. При этом мне ничего другого не оставалось, как вынужденно смириться с создавшимися обстоятельствами, а законченный вариант книги вместе с таким замечательным письмом положить в домашний архив.

В добавление ко всему этому, ныне покойный Юрий Константинович Недачин, руководитель НПЦ «Аспект», секретарь которого Марина Колесова на протяжении примерно года производила всю эту работу по ксерокопированию первоисточников, набору текста книги и прочее, тоже решительно отказал мне в помощи, что еще более усугубило мое положение. Конечно тупиковые ситуации в моих издательских делах бывали и до и после этого, но все же это было, наверное, самое сильное потрясение из всех предыдущих.

Ранее я писал, как с помощью отца Виталия Шумилова я вышел на отца Илию Шугаева, и с тех пор в своих издательских делах я оказался в довольно сложном положении. Отец Илия охотно взялся контролировать и разрешать все принципиальные вопросы в этом сложном деле и я мог бы в этом плане уже обойтись без помощи отца Виталия, но привыкнув за многие годы к постоянной его опеке и помощи, я никак не мог в чем-то обойти его, тем более что перед каждой поездкой в Талдом к отцу Илии мне приходилось брать на это благословение у отца Виталия и посвящать его при этом во все текущие дела. При этом отец Виталий охотно поддерживал меня в календарных делах, но книжные дела почему-то стал притормаживать. Впервые я это явно заметил после того, как по письму самого же отца Виталия к директору «Тензора» Игорю Борисовичу Барсукову к престольному празднику Смоленского храма была издан книга четвертая с описанием и фотографиями нашей паломнической поездки с отцом Виталием в Петербург, с рисунками на обложке книги наших приходских храмов и так далее. Весь тираж книги перед праздником я принес в храм и поэтому был озадачен тем, что о книге не было ничего сказано во время праздника ни в храме, ни на праздничной трапезе, да и сама

книга не была выставлена на продажу в церковной лавке. Позднее книга была выставлена и благополучно продана, но холодок к моим книжным делам продолжался довольно долго и особенно был заметен во время работы над следующей книгой « В помощь постящимся ».

Книга шестая
В ПОМОЩЬ ПОСТЯЩИМСЯ
Православный календарь постящимся на 2004 год
Пост, молитвы, смирение

Дубна, 2003
Тираж не более 100 экземпляров. Формат А5. Объем 120 страниц. Печать ризограф, Москва
Составление Евгений Сбоев. Художник Александр Пасько
Набор Юрий Боков, Сергей Птуха. Верстка Ольга Цыганова

Такая книга была издана с благословения отцов Виталия Шумилова и Илии Шугаева в середине декабря 2003-го года и была распродана за очень короткое время. Ни одна из предшествующих книг такого спроса не имела, но и ни в одну из них не было вложено столько труда, как в нее. За работу над этой книгой после выше описанных потрясений я приступил, естественно, не сразу, но именно эти потрясения помогли мне мобилизовать и максимально напрячь все свои внутренние возможности на продолжение начатого дела.

При этом после тщательного анализа ситуации в основу новой книги был заложен наш ежегодный православный календарь, несомненно пользовавшийся на протяжении многих лет постоянным спросом среди многих наших прихожан, и поучения святого праведного Иоанна Кронштадтского о посте, пище, питии и молитве из книги третьей, основательно дополненные поучениями Серафима Саровского, Игнатия Брянчанинова, Силуана Афонского, Паисия Святогорца и других подвижников на эти темы, а также новым разделом о послаблении уставного поста для мирян с таблицей возможных вариантов послабления поста для немощных соблюдать уставной пост и размышлениями о посте врача-аллерголога.

На этот раз поучения святого праведного Иоанна Кронштадтского уже не выдвигались, как бы, на первое место, а свободно вливались в общий хор поучений святых отцов, естественным образом занимая свое смысловое место в процессе рассмотрения той или иной темы.

И еще, учитывая особую роль смирения в духовной жизни христиан, поскольку без него, по учению святых отцов, не может быть ни полноценного поста, ни богоугодной молитвы и никакой другой добродетели, в книгу была введена довольно большая подборка поучений о смирении.

И вообще было сделано все возможное для того, чтобы и поучения, и молитвы и вся другая информация были представлены как можно более в удобной для усвоения форме. Отец Илия при очередном просмотре моих материалов обычно ограничивался небольшими замечаниями и незначительными изменениями в тексте, а на этот раз его замечания и предложения были настолько значительными, что моей новой помощнице Ольге Цыгановой, которую мне нашел отец Виталий вскоре после событий, описанных в предыдущем разделе, пришлось несколько раз за время работы над книгой основательно перерабатывать весь ее текст. И только Один Господь знает, чего ей это стоило и только Он же один и может сполна воздать ей за все эти труды по великой милости Своей. Прими молитву мою, Господи, за нее.

Книга седьмая
АЗЫ ПРАВОСЛАВИЯ ДЛЯ НОВОНАЧАЛЬНЫХ
О посте, молитве и смирении
Календарь трапез и постов на 2004 год

Москва.: «Ковчег», 2004. — 176 стр.
Тираж 25 000 экз. Формат 84x108. Объем 6 п.л.
Составление Е.М. Збоев. Верстка, оформление «Ковчег»

Такая книга по благословию Высокопреосвященного Сергия, Архиепископа Тернопольского и Кременецкого, вышла в православном издательстве в Москве в августе 2004-го года. История издания ее такая.

После издания и быстрой распродажи нашей книги «В помощь постящимся» сложилась какая-то необычная ситуация, состоящая в том, что, с одной стороны, налицо была создана книга, которую

явно готовы были купить многие верующие люди, но, с другой стороны, тоже явно не было никакой реальной возможности ее переиздать, потому что и первый-то тираж был профинансирован с очень и очень большим трудом, да и все мои наставники, помощники и очень немногие спонсоры к этому моменту были совершенно истощены первым изданием. Нужно было что-то предпринимать новое и я с этим вопросом поехал к своему духовному наставнику отцу Илию, который полностью согласился с оценкой ситуации, и, немного подумав, предложил мне самому выбрать какого-то небесного покровителя и усердно просить его о помощи, а также благословил проехать с рукописью книги по московским православным издательствам на тот случай, что, может быть, кого-то книга заинтересует, хотя бы, из-за того же православного календаря. Я так и поступил.

Поскольку на обложке нашей книги было изображение чудотворной иконы Божией Матери «Аз есмь с вами и никто же на вы» и молитва к Ней, то я включил эту молитву в утреннее и вечернее правило и стал усердно молиться. А какое-то время спустя (19.03.04.), я поехал в Москву на прием к Большунову А.Я., помощнику Депутата Государственной Думы Гальченко В.В., к чему несколько лет упорно стремился и на что возлагал большие надежды. Вместе со мною в Москву ехал наш прихожанин Володя Широков. Он направлялся в Никольскую лавку за книгами и по дороге уговорил меня зайти вместе с ним в эту лавку. Ознакомившись с лавкой, я одному из продавцов подарил экземпляр нашей книги «В помощь постящимся» и поехал на прием в Государственную Думу. Большунов А.Я. взял мою рукопись на рассмотрение, которое впоследствии затянулось и все дело кончилось тем, что дела у Гальченко В.В. стали ухудшаться и им стало не до моей книги, так что не только книгу издать не удалось, но и рукопись-то была затеряна. И еще я в тот день заехал в православное издательство «Паломник» по тому же вопросу. А вернувшись домой я, к большому своему удивлению, узнал, что мне уже звонили из какого-то московского издательства по вопросу издания нашей книги. На второй день звонок повторился, причем звонил сам директор православного издательства «Ковчег» Тимченко Сергей Владимирович, настоятельно добиваясь моего согласия на издание книги «В помощь постящимся» в его издательстве. Оказалось, что Никольская лавка — это фирменный магазин их издательства и таким, вроде бы, совершенно случайным образом моя книга оказалась в самом нужном месте. А 22.03.04, с утра, мы с Володей опять ехали в Москву в «Ковчег». Отец Илия, благословляя меня на эту поездку, рекомендовал соглашаться со всеми условиями, какие будут предлагать, только бы издавали книгу. Я так и поступил, при этом письменного договора никакого не было заключено и я, положившись на Божию волю, полностью согласился со всеми предложенными условиями. При этом Сергей Владимирович одарил меня несколькими замечательными книгами, а отцу Виталию столько книг выделил, что Володя едва смог их уложить на свою тележку, и после этого неожиданного подарка у нас с отцом Виталием все недоразумения, слава Богу, прекратились.

Так благополучно закончилась довольно трудная полоса искушений, давшая неоценимый опыт практического преодоления их, и началась большая, интересная и какая-то такая светлая и радостная, не только для меня, но и, мне кажется, для многих сотрудников издательства подготовительная работа к изданию нашей книги, в которой на протяжении нескольких месяцев в разное время в разной степени принимало активное участие несколько сотрудников издательства, в том числе и сам директор его Сергей Владимирович, который ко мне относился настолько радушно, что словами и выразить это невозможно. Но мне лично более всего приходилось на протяжении всего времени общения с «Ковчегом» иметь дело с Леной Терентьевой, которая набирала и верстала текст моих книг, с которой у нас были установлены хорошие дружеские отношения.

На протяжении всей весны и лета этого года несколько раз в месяц я регулярно ездил в «Ковчег» для согласования тех или иных вопросов. При этом текст книги практически остался неизменным, а существенные изменения произошли только в календаре и особенно в календарной таблице, которая была очень сильно упрощена и из редактора CorelDRAW переведена в ПЕЙДЖМЕКЕР, что позволило безболезненно включить календарь в основной текст книги.

Когда книга была уже отпечатана, в ней была обнаружена одна опечатка, состоящая в том, что в тексте моей фамилии вместо буквы С оказалась буква З. При этом Сергей Владимирович обещал в следующем тираже опечатку исправить, но практически получилось так, что и во втором тираже буква З так и осталась. Для чего-то это, видимо, было нужно.

Книга восьмая
АЗЫ ПРАВОСЛАВИЯ ДЛЯ НОВОНАЧАЛЬНЫХ
О посте, молитве и смирении
Календарь постов и трапез на 2005 год

Москва: «Ковчег», 2005. — 176 стр.
Тираж 15 000 экз. Формат 84x108. Объем 6 п.л.
Составление Е.М. Збоев. Верстка, оформление «Ковчег»

Такая книга была издана в первой половине 2005-го года. Это был, фактически, второй тираж предыдущей книги, но с календарем на 2005-й год. Издатели опасались, что такое запоздалое издание книги с календарем уже на текущий год приведет к заговариванию книгой, но этого не случилось. Я сам был свидетелем того, как уже в начале 2006-го года в Сретенском монастыре продавалась эта книга с календарем уже прошедшего, 2005-го, года и продавцы заверили меня, что это была одна из самых покупаемых в их магазине книг.

В соответствии с договором гонорар за первое издание я получил полностью книгами и поэтому у меня была, практически, неограниченная возможность раздавать их библиотекам, родственникам, друзьям, помощникам своим и спонсорам и так далее, и это было, действительно, очень счастливое и незабываемое время. И потому хочется верить, что это, все-таки, было проявлением чудотворной и благодатной силы иконы Божией Матери «Аз есмь с вами и никто же на вы» и ко мне, несомненному грешнику и ко всем, кто был причастен к работе по составлению и изданию этой книги. Слава Тебе, Господи!

Книга девятая
О ПОСТЕ, ПИЩЕ И ПИТИИ
Православный календарь для постящихся на 2005 год
Дубна-Талдом-Запрудня-Вербилки

Дубна, 2005.-87 стр.
Тираж 250 экз. Формат 84x108. Объем 3,5 печ. л. Печать М.: ООО «Эдель-М»
Составление Е.М. Сбоев. Художник А.В.Пасько.
Набор, верстка, оформление Е.П.Терентьева

Такая книга была издана с благословения и при непосредственном участии отца Илии Шугаева где-то в конце 2004-го года.

Предыстория издания этой книги такова. Когда я познакомился с отцом Илией, он уже был благочинным церковью Талдомского округа, и при каждом очередном издании нашего православного календаря я, приезжая к нему на консультацию, попутно привозил какое-то количество этих календарей. Он их спокойно принимал, но своего отношения к ним не высказывал до тех пор, пока в календаре 2004-го года не была впервые опубликована таблица примерных вариантов послабления уставного поста, и тогда он заинтересовался об истоках происхождения этой таблицы. Я ему сообщил, что идею таблицы предложил отец Виталий, а я ее оформил.

После издания первого тиража книги «Азы православия для новоначальных» с упрощенным до предела календарем, из которого информация о питании во время постов была полностью исключена, он поддержал мои намерения продолжить работу над темой поста, а так же изданию и доработке наших календарей, попутно заметив, что мы имеем право иметь и высказывать свое, не совпадающее с издательством, мнение по всем вопросам, в том числе и по вопросам практического соблюдения поста, поскольку значительная часть наших прихожан, по своей немощи, нуждаются в существенном послаблении общепринятых норм соблюдения поста.

Так было решено издать небольшую книгу, в состав которой были включены, во-первых, все материалы о посте, пище и питии из книги «Азы православия для новоначальных». При доработке этой темы особое внимание было уделено разделу о послаблении уставного поста для мирян, как поститься, находясь в немощи телесной и, в том числе, вопросу о вкушении скоромной пищи во время поста.

Также в состав книги включили календарь для постящихся на очередной, 2005-ой, год, тоже с существенными доработками, основная суть которых состояла в том, что из таблицы примерных вариантов послабления уставного поста первые три варианта были впервые представлены в виде самостоятельных календарных таблиц. Практически, это были три отдельных календаря для постящихся с разным уровнем послабления уставного поста и читателю оставалось только выбрать какой из них его более всего устраивает.

Помимо этого, читателю предоставлялась возможность составить свой индивидуальный календарь, с благословения духовника, внося в общую календарную таблицу свои пожелания о послаблении уставного поста.

В общем, была сделана реальная попытка составить и издать практическое пособие по соблюдению поста с учетом пожеланий всех, кому почему-либо трудно соблюдать общепринятые нормы поста.

Книга десятая,
(Посвященная 50-летию города Дубны)
ЧТО ТАКОЕ ПОСТ

Дубна, 2006.-128 стр.
Тираж 100 экз. Формат 84x108. Объем 128 стр. Печать ризограф, Москва
Составление Е. М.Сбоев. Художник А.В.Пасько
Набор С.Н. Птуха, О.И.Цыганова. Верстка Е.П.Терентьева

Такая книга с благословения и при самом серьезном внимании и всяческой помощи отца Илии Шугаева была издана в конце марта 2006-го года. Книга является существенно доработанным и дополненным вариантом предыдущей книги, а в целом — это логически законченный сборник материалов практического плана на тему православного поста, плод десятилетнего напряженного труда составителя при поддержке, помощи и участии широкого круга лиц — духовных наставников, помощников, спонсоров.

Основу книги составляет православный календарь для постящихся с рекомендациями о том, какими продуктами нам питаться каждый день в году с учетом соблюдения православного поста. Календарь был составлен по подобию календаря предыдущей книги, девятой, но еще содержал наглядную информацию о престольных праздниках всех храмов Талдомского благочиния и, таким образом, был как бы календарем особым, благочинным.

Книга содержит.

— Основные положения и избранные поучения святого праведного Иоанна Кронштадтского и других подвижников о посте.

— Все, без исключения, встретившиеся составителю поучения старцев о пище и питии.

— Подборку и анализ всех доступных материалов по практическому соблюдению поста(с.7-34), с выводами и обобщениями(с.35-37), основной смысл которых состоит в том, что постящемуся христианину необходимо вырабатывать и стараться соблюдать индивидуальную меру своего поста.

— Подборку самых сильнодействующих(на составителя) поучений, укрепляющих духовные силы во время поста, болезней, скорбей, искушений.

Книга одиннадцатая,
(посвященная 50-летию Дубны)
ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУБНЫ И ТАЛДОМСКОГО РАЙОНА
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ УЧЕНЫХ ОИЯИ

Дубна, 2006.-174 с.
Тираж 3 000 экз. Формат 84x108. Объем 6 п.л. Печать г. Сергиев Посад
Составление Е.М.Сбоев. Художник А.В.Пасько.
Набор С.Н.Птуха. Верстка Е.П.Терентьева

Такая книга об истории всех храмов Дубны и Талдомского района и уникальной роли ученых ОИЯИ, особенно же, академика Николая Николаевича Боголюбова, в деле духовного возрождения Дубны, посвященная 50-летию Дубны и Объединенного института ядерных исследований, с благословения и непосредственного участия настоятелей всех храмов Дубны, а также благочинного церковью бывшего Талдомского благочиния отца Илии Шугаева, в самый канун Петрова дня была отпечатана в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра города Сергиев Посад, а 12 июля 2006-го года, в день памяти славных и всехвалных первоверховных апостолаов Петра и Павла, была выставлена на продажу во всех храмах города и вручена основным участникам ее составления и издания.

Следует отметить, что поначалу никакого, даже тайного, плана или желания издать такую юбилейную книгу ни у кого из составителей не было и в помине. Все получилось, действительно, как бы

само собой, попутно, в процессе работы, с благословения и при самом активном участии отца Илии Шугаева над очередным православным календарем на 2006-й год, который мы намеревались опять совместить с дополненной книгой о посте. Но на каком-то этапе работы над книгой появилось желание в качестве приложения включить в книгу историю храмов Дубны, дополнив ее кратким обзором из памятного альбома «Талдом 325 вчера, сегодня, завтра». И тут неожиданно выяснилось, что у отца Виталия уже есть довольно обширная история возрождения Смоленского храма, ознакомившись с которой отец Владислав непроизвольно воскликнул: «Для Дубны все это очень интересно, и если мы сейчас не напишем историю своих храмов, все будет утеряно». Так, с легкой руки отца Виталия Шумилова, была составлена история возрождения храмов Дубны, которую дополнили краткой историей храмов Талдомского района и житиями наших местно чтимых священномучеников.

Вторая часть книги о духовном наследии ученых ОИЯИ появилась так. Когда работа над книгой шла полным ходом я, случайно, в храме встретил Виктора Николаевича Первушина, организатора десяти ежегодных международных конференций «Наука. Философия. Религия», проведенных в Дубне с 1990-го по 1999-ый годы, и мимоходом предложил ему подумать о включении в нашу книгу истории этих конференций. На следующее богослужение он притащил ворох материалов о конференциях и предложил: «Если хочешь, сам разбирайся с этими бумагами, а у меня на это нет времени». Так, невольно, я был вынужден стать автором-составителем этого небольшого раздела о конференциях, который был также, можно сказать, совершенно случайно дополнен обзором редактора еженедельника «Дубна: наука, содружество, прогресс» Евгения Молчанова о духовном наследии ученых Дубны. И уже в самый последний момент эта тема была дополнена размышлениями физика-теоиста ОИЯИ профессора В.Н.Первушина о связи науки и религии. После этого уже стало ясно, что книга имеет отношение к предстоящему юбилею города.

Когда оригинал-макет книги был уже готов, отец Владислав категорически воспротивился печатать материалы о храмах и конференциях вместе с православным календарем на 2006-й год, и мне ничего другого не оставалось, как разделить книгу на две части. Первая часть под названием «Что такое пост» с календарем на 2006-й год была небольшим тиражом отпечатана на ризографе в Москве в конце марта 2006-го года, а вторую часть книги, дополненную подборкой цветных и черно-белых фотографий, издали через несколько месяцев после этого в Сергиевом Посаде буквально за две недели до юбилея города и получилось так, что наша книга, поначалу не имевшая никакого отношения к юбилею, в день 50-летия города оказалась единственным юбилейным изданием.

Это, несомненно, было плодом усилий большого круга лиц. Во-первых, это настоятели храмов, которые сами непосредственно писали историю своих храмов, не смотря на свою очень большую занятость, в чем мне достоверно довелось убедиться своими глазами. Так, например, только к отцу Илии Шугаеву по вопросам корректировки обеих этих книг, одиннадцатой и десятой, мне пришлось ездить в Талдом не менее десяти раз.

Громадную, без всяких оплат, работу по верстке этих двух книг, с многочисленными добавлениями и переделками, проделал «Ковчег» в лице высокопрофессиональной верстальщицы Лены Терентьевой. Я поражаюсь до сих пор, как это все практически могло случиться.

Художник Александр Пасько, на которого, помимо оформления обложки книги, мы пытались, по своей неопытности, взвалить еще и оформление фотографий, чем он тогда еще не владел, вывел из строя свой новый компьютер, пытаюсь помочь нам. После этого усилиями отца Владислава нам удалось выйти на Патриарший издательско-полиграфический центр в Сергиевом Посаде, где разрешились все эти проблемы.

Спонсоры, как никогда, были к нам благосклонны, практически оплатив все наши расходы по изданию книги. Это:

Городские власти

Трусов Владимир Николаевич, генеральный директор МКБ «Радуга»

Барсуков Игорь Борисович, директор завода «Тензор»

Свекатун Евгений Иванович, директор ЗАО «РЕСТАРКО»

Сергей, простой прихожанин храма и др.

Да воздаст им всем Господь за их щедрость многократно!

Полагаю, что только проявлением промысла Божия ко всем нам, жителям Дубны, можно объяснить все эти благоприятные обстоятельства, позволившие так успешно завершить все весьма непростые дела по изданию нашей книги. А в заключение, осознавая все свое духовное ничтожество и полагаясь только на милость Божию, решаюсь рассказать еще о двух обстоятельствах, связанных

с моей личной биографией. Первое это то, что право называться жителем Дубны я получил в необъявленный еще тогда день города, 24.07.65 года в день нашей свадьбы с Машей. А сорок один год спустя, в самый канун Петрова дня и своего 70-летия, мне довелось своими руками доставить в Дубну первую партию наших книг, посвященных 50-летию города и ОИЯИ, которые по пути из Патриаршей типографии к дому я завез на некоторое время, как бы на освящение, в Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры, где покоятся святые мощи преподобного Сергия Радонежского и уже началась вечернее праздничное богослужение.

И последнее. Через год после издания книги, в ноябре 2007-го года, после семилетнего перерыва в доме международных совещаний ОИЯИ была проведена одиннадцатая конференция «Наука. Философия. Религия» и, таким образом, проведение ежегодных конференций возобновилось. Хочется верить, что издание нашей книги в какой-то мере помогло этому делу. Слава Тебе, Господи, за все эти Твои милости к нам, грешникам!

Книга двенадцатая
ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ПОСТЯЩИХСЯ НА 2007 ГОД
Дубна. Талдом. Запрудня. Вербилки...

Дубна, 2007
Тираж 1 000 экз. Формат 84x108. Объем 48 стр. Печать г. Сергиев Посад
Составление Е.М.Сбоев. Художник А.В.Пасько
Набор, верстка О.И.Циганова, И.Н.Иванова

Такая, небольшая по объему, но красочно оформленная, книга в середине декабря 2006-го года, с благословения отца Илии Шугаева, была отпечатана тиражом тысяча экземпляров в Сергиевом Посаде.

Книга является сокращенным вариантом книги десятой «Что такое пост», изданной к 50-летию города Дубны и которую можно считать логически законченным сборником материалов практического плана на тему православного поста.

Помимо календаря для постящихся на 2007-ой год, составленного по подобию календаря 2006-го года, но не с тремя, а только с одной календарной таблицей послабления уставного поста, самой востребованной, сюда из книги десятой включены разделы.

1. Пост по церковному уставу
2. О послаблении уставного поста для мирян
3. Некоторые выводы и обобщения
4. Несколько избранных поучений о посте
5. Избранные поучения для укрепления душевных сил.

Книга тринадцатая
ВЕЛИКИЙ ПАСТЫРЬ
Краткие поучения. Пророчества о России

Москва: «Ковчег», 2008. — 192 с.
Тираж 10 000 экз. Формат 84x108. Объем 6 п.л.
Составление Е.М.Сбоев. Набор С.Н.Птуха, О.И.Цыганова. Верстка, оформление «Ковчег», 2008

Такая книга, с благословения отца Илии Шугаева, в конце июня 2008-го года была издана в издательстве «Ковчег».

В разделе «Путь к Богу» я уже писал, что где-то в начале девяностых годов прошлого столетия, когда книга «Моя жизнь во Христе» стала моей настольной книгой, у меня было горячее желание сердца иметь удобный для пользования сборник наиболее понравившихся мне поучений Кронштадтского батюшки на самые насущные духовные темы.

В 1998 году, с изданием книги первой избранных поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского, эта мечта начала осуществляться. В период с 1998-го по 2001-ый годы таким образом было издано четыре небольшие такие книги и даже был разговор с отцом Илией Шугаевым о продолжении работ в этом направлении, чтобы к юбилейному, 2009-му, году постараться иметь удобный законченный сборник полюбившихся поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского на самые разные духовные темы, но потом я увлекся поучениями оптинских и других старцев и от этой темы как-то отошел. И вот, когда уже до 100-летнего юбилея памяти святого праведного Ио-

анна Кронштадтского оставалось совсем немного времени, я вспомнил со страхом о своих былых намерениях и, спешно взяв благословение у отца Илии Шугаева, взялся за работу над юбилейной темой.

При этом какого-либо определенного плана не было, было только осознанное желание попытаться, если это будет угодно Богу, как бы исполнить свой долг перед дорогим моему сердцу Кронштадтским батюшкой, собрать все самые любимые мною его поучения и оформить их в максимально удобном виде для восприятия и применения в нашей повседневной духовной жизни. За основу взял раздел «Краткие поучения на разные темы» из книги (третьей) избранных его поучений и, дополнив их поучениями из некоторых других источников, составил черновой вариант книги, который и предъявил руководству «Ковчега» на рассмотрение. «Ковчег» в это время уже твердо определился издавать две книги на юбилейную тему, поэтому его директор Сергей Владимирович Тимченко меня спросил, а чем, в принципе, моя книга отличается от всех других книг на эту тему. Я ему предложил самому просмотреть черновик рукописи и оценить ее. Он его полистал и решил книгу издавать, направив на ее оформление все силы и старание своих помощников.

За полгода до памятного юбилея книга вышла из печати и, хотя ожидаемого успеха не имела, но тираж благополучно разошелся, а мне с этой книгой довелось, милостию Божией, съездить в Петербург и принять участие в праздничных юбилейных мероприятиях, посвященных 100-летию со дня блаженной кончины дорогого моего небесного наставника.

Краткий отчет о пребывании в Петербурге и Кронштадте

Мероприятия первого дня, 02.01.09

1. Праздничное богослужение во Владимирском соборе в Кронштадте, по окончании которого был крестный ход с торжественным несением креста и установкой его на крышу строящейся вновь Тихвинской часовни.

2. Праздничный благотворительный обед с вкушением флотской каши в столовой Морского собора.

3. Посещение музея-квартиры святого праведного Иоанна Кронштадтского, через которую в этот памятный день шел сплошной поток паломников, битком заполняя все свободное пространство. При этом в музее совершался тоже, практически, непрерывно молебен с елее помазанием.

4. Вечернее богослужение в Свято-Иоанновском женском монастыре на реке Карповке, где находится гробница святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Мероприятия второго дня, 03.01.09

1. Утреннее богослужение в Свято-Иоанновском женском монастыре.

2. Вечернее богослужение в Александро-Невской лавре.

Мероприятия третьего дня, 04.01.09

1. Утреннее богослужение в Александро-Невской лавре.

2. Поездка на Смоленское кладбище к святой блаженной Ксении Петербургской.

3. Отъезд домой.

В заключение темы хочется сказать, что для меня лично книга «Великий пастырь», особенно разделы «Азбука духовная», «Жизнеутверждающие наставления» и «Как по христиански спастись в искушениях, скорбях, болезнях» стали практическим пособием для восстановления и поддержания душевного равновесия во всех неблагоприятных обстоятельствах жизни, когда веские, взвешенные, заряженные какой-то светоносной энергией слова поучений Кронштадтского батюшки, как целебный бальзам, ложась на измученное и расстроенное житейскими страстями сердце успокаивают, умиротворяют его.

В общем, издание этой книги было, можно сказать, реальной попыткой создания практического пособия для поддержания душевного равновесия в сложных житейских ситуациях на основании духовного наследия святого праведного Иоанна Кронштадтского. При этом у меня, как у составителя, с самого издания было и до сих пор в душе осталось неудовлетворенное чувство потребности дальнейшей работы над этой душеспасительной темой, но ни временных, ни финансовых возможностей для этого не было и нет сейчас. Поэтому, да будет воля Твоя, Господи, в этом деле!

Помимо этой, основной, темы, и краткого описания необыкновенно удивительной жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского, в этой небольшой книге словами великого нашего праведника не менее обстоятельно освещены еще две актуальные темы.

Так в главе «Грозные слова (о страшном суде)» дается обстоятельный анализ последствий разрастания первородного греха для всего рода человеческого и очень вразумительное и отрезвляющее душу описание обстоятельств предстоящего для всех нас страшного суда, ознакомиться с которым было бы не лишним, наверное, для каждого мыслящего человека.

А в разделе «Пророчества о России», как будто специально для нашего времени, для всех, кто, действительно любит Россию, дано достоверное описание того, что и почему происходило с нашим многострадальным Отечеством 100 лет тому назад и что надо было делать для его спасения. Можно полагать, что и причины, и суть происходящих процессов, и средства для спасения остались те же самые. Помогите нам, Господи, осознать все это и исполнить!

Книга четырнадцатая
О СМИРЕНИИ И КРОТОСТИ

Дубна. Храм Смоленской иконы Божией Матери, 2009
Тираж 10 экз. Формат А4. Объем 90 стр. Печать ФГУП МКБ «Радуга»
Составление Е.М.Сбоев. Набор С.Н.Птуха, О.И.Цыганова. Верстка Е.П.Терентьева

Такая книга была отпечатана на ризографе в МКБ «Радуга» с благословения отцов Виталия Шумилова и Илии Шугаева в конце апреля 2009-го года.

Это капитально дополненный вариант главы о смирении из книги (седьмой) «Азы православия для новоначальных», черновик которой где-то в начале 2009-го года я показал Сергею Владимировичу Тимченко, в которой еще не было раздела о кротости. Он быстро ознакомился с ним и возбужденно стал убеждать меня в том, что необходимо обязательно дополнить книгу разделом о кротости, потому что эти две добродетели очень тесно взаимосвязаны и в этом очень важно разобраться.

Я старательно собрал и обработал необходимую информацию, обработал ее, причем, действительно, из изречений преподобных Исаака Сирина и Симеона Нового Богослова, а так же святителя Григория Нисского однозначно вытекало, что кротость следует за смирением и порождается ею. Но Сергей Владимирович уехал в отпуск, а за время его отсутствия я неосторожно, в силу как-то очень неудачно сложившихся обстоятельств, дал довольно серьезный повод его заместителю Роману Витальевичу сильно на меня разгневаться. При этом я пытался неоднократно во время моего вразумления попросить прощения и как-то инцидент уладить, но все было тщетно. Я, как говорится с треском был выставлен из издательства.

Сергей Владимирович при очередной нашей встрече делал вид, что ничего не случилось, но, даже не взглянув на такую желанную недавно главу о кротости, как-то сухо и официально объявил, что моей книге не достает еще одной главы под названием «Смирение, кротость и стояние за веру и Отечество», потому что Россия находится сейчас очень в опасном положении и потому без подобной главы никакая книга не может быть по настоящему ценной. После короткого, трудно передаваемого разговора я взял время на раздумье и призадумался.

Великие старцы, изречения которых составляют содержание разделов о смирении и кротости нашей книги, на поставленный вопрос никаких наставлений, по моим сведениям, не оставили. Что-то спешно искать в современной печати на эту тему и после несомненно надежных наставлений великих старцев доверяться незнакомым современным авторам как-то не хотелось, а предлагать свои измышления ради того только, чтобы любой ценой издать эту, с таким трудом и старанием составленную книгу, да еще в такой щекотливой ситуации, еще более не было никакого желания. И я, не находя выхода из ситуации, решил обратиться за советом к своему духовному руководителю в издательских делах, отцу Илии Шугаеву. Два дня пытался дозвониться до него, но трубку ни квартирного телефона, ни мобильного никто брать не хотел и я с ужасом понял, что номера моих телефонов заблокированы. Еще один удар по самому больному месту.

Так, практически, одновременно я лишился единственного издательства, с которым был тесно связан пять лет и духовного наставника во всех издательских делах, окормлявшего меня на протяжении не менее десяти лет. Хорошо читать про сильные искушения в книгах, но переживать их очень тяжело, а это было самое сокрушительное и опустошительное из всех пережитых мною искушений за все время моих издательских трудов.

Но с книгой что-то нужно был делать и я все же нашел несколько изречений, в какой-то мере относящихся к поставленному вопросу, но их было явно недостаточно для раскрытия темы. И тогда, учитывая всю серьезность поставленного вопроса, не для печати, а, скорее всего, для прямого ответа на прямо поставленный вопрос, тоже так же прямо и откровенно попытался высказать свои соображения по обозначенной теме. При этом рукописные свои материалы передал Лене Терентьевой для внесения в текст книги.

Где-то в это же время один, очень уважаемый, мною человек, сочувствуя моим переживаниям, предложил мне разместить рукопись о смирении и кротости в одном православном издательстве и я, подумав, и понимая, что в «Ковчеге» терять мне уже, практически, нечего, передал ему свою рукопись, ничего в «Ковчеге» об этом не говоря. Но что-то где-то не сработало, и сейчас лежат две мои рукописи в двух издательствах без всякого видимого движения.

Несколько позднее мне, между прочим, Господь послал через одного товарища уникальную информацию на заданную тему, на основании которой можно составить небольшой раздел о том, как практически, по христиански, противостоять так называемому торжествующему и всепобеждаемому в мире злу, но нет совершенно времени в связи с работой над книгой наших воспоминаний, которую хотим попытаться издать к 50-летию окончания КАИ.

Книга пятнадцатая,
(еще не оконченная)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГРУППЫ КАЗАНСКОГО АВИАЦИОННОГО ИНСТИТУТА
Коллективная повесть

Книгу под одним из этих названий мы собираемся издать к 50-летию окончания КАИ, которое вот уже наступило буквально в эти дни февраля, вполне может быть, что даже сегодня. При этом, на сегодняшний день налицо имеются черновики трех рукописей — Александрова, Юры Куй-Беды и моя, неоконченная. Помогите нам, Господи, что-то приличное сделать к возможно предстоящей институтской встрече во славу Твою!

22.02.10.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
(По разделу «Издание календарей, книг»)

1. Замечания общего порядка

За время моей жизни меня неоднократно называли наивным и даже сверхнаивным человеком, а перед отъездом на учебу в институт мои родственники сказали такие слова: «Не знаем как ты будешь жить самостоятельно, больно уж ты прост».

И вот, подводя итоги 55-летней самостоятельной жизни, можно определенно сказать, что последние восемнадцать лет ее, за исключением времени на выполнение самых неотложных домашних дел, были посвящены составительско-издательским делам. Это были годы свободного, целенаправленного, радостного труда, хотя и сопровождавшегося многочисленными искушениями, скорбями и болезнями, и решиться на все это я смог, наверное, только по великой своей наивности и простоте, не представляя ясно насколько это сложное, ответственное и даже опасное, с духовной точки зрения, дело. А когда в этих обстоятельствах я немного разобрался, то отступить уже как-то не захотелось и, положившись на волю Божию, с благословением и молитвою решил продолжать начатое дело дальше.

При этом все эти дела делались мною не от избытка каких-то знаний и желания кого-то поучить, а от стремления к этим самым знаниям и желания создать пособия к их получению в виде удобных сборников поучений святых отцов на самые насущные духовные темы. И когда такие сборники получались и выходили в свет, то, естественно, ими хотелось, во-первых, одарить всех многочисленных наставников, благодетелей, спонсоров и помощников по набору, верстке, ксерокопированию, сканированию печатных материалов и так далее и просто молитвенников, за ту неоценимую и, практически, бескорыстную помощь, без которой я не смог бы и шагу ступить во всех этих делах, ну и также хотелось предоставить доступ к этим сборникам для всех желающих.

По этой же причине мне хочется назвать имена всех основных участников этого, может быть, несколько необычного дела и чистосердечно извиниться перед ними за все беспокойства, огорчения

и многочисленные искушения, в которые почему-то я втягивал всех их, практически, без всякого исключения. Поэтому я и сам молюсь и читателей призываю помолиться о всех их, чтобы Господь воздал им многократно и за доброту их и за то, что они потерпели от меня.

С другой стороны, испытывая на себе самом многочисленные искушения со стороны других, я на своем личном опыте достоверно убедился в том, что эти искушения и различные неприятности, особенно те, которые удается перенести без ропота и явно выраженного недовольства, действительно очень полезны для нас. Поэтому, например, выражая свою глубокую благодарность отцу Виталию Шумилову за все, что он сделал для меня, наиболее всего я благодарен ему не за бесчисленные благодеяния, а за те огорчения, о которых рассказано в разделе о книге пятой. Конечно, переносить их было, говоря откровенно, очень непросто, но они помогли мне максимально мобилизовать все свои внутренние силы в процессе работы над следующей, шестой, книгой, которая сама по себе имела несомненный успех, а так же послужила основанием для издания в «Ковчеге» двух тиражей книги «Азы православия для новоначальных».

В какой-то момент работы над этой книгой, когда мне было особенно тяжело, я допустил в себе помысел о том, а не рвануть ли мне от отца Виталия к какому-нибудь другому батюшке? И буквально в то же самое мгновение я всем своим существом ощутил беспощадно пронизывающее воздействие такого крошечного мрака, которое продолжалось хотя и очень малое мгновение, но запечатлелось на всю жизнь и отбило всякую охотку возвращаться к подобным размышлениям. Поэтому, читая в книге «Великий пастырь» раздел «Грозные слова о страшном суде» святого праведного Иоанна Кронштадтского, я не сомневаюсь ни в одном его слове. Слава Тебе, Господи, за это вразумительное просветление!

И потому, хотя и очень дорога мне книга «О смирении и кротости», которая в следствии сокрушительных искушений со стороны «Ковчег» и отца Илии Шугаева оказалась в подвешенном состоянии, но я ни на минуту не сомневаюсь в необходимости этих искушений и только, по мере своих сил, молюсь о том, чтобы всем нам Господь помог по христиански перенести их.

Размышляя неоднократно о возможных причинах этих сильнейших искушений и стараясь осознать суть своего вклада в их появлении, я вспомнил поучения святых отцов о том, что, во-первых, все наши добрые дела пропитаны нашими грехами и страстями и что, во-вторых, нужно почаще напоминать себе о том, что все зло находится внутри нас самих, а не в окружающих нас людях. Так чего же удивляться тому, что не имея ни смирения, ни терпения и будучи опутанным с ног до головы грехами и страстями, и замахнувшись, по наивности своей, на написание серьезной книги на самую злободневную тему, я получил в качестве вразумления хорошую нахлобучку. Значит своими сопутствующими, не видимыми для самого себя, погрешностями переполнил я чашу терпения своих благодетелей и потому, в эти спасительные дни Великого поста, молюсь: «Господи и Владыко живота моего, даруй ми зрети моя прегрешения и очисти мя, грешного».

2. О духовных наставниках

Учитывая всю важность каждого печатного слова, особенно на духовные темы, вся составительско-издательская работа мною проводилась с благословения и под руководством духовных наставников:

Протоирея Александра Семенова
Протоирея Виктора Гоголева
Протоирея Виталия Шумилова
Протоирея Александра Макарова
Протоирея Илии Шугаева
Протоирея Владислава Бобикова,

о чем я непременно упоминал в процессе описания каждого календаря и каждой книги, а книги «Азы православия для новоначальных» и «Великий пастырь» изданы с благословения Высокопреосвященного Сергия, архиепископа Тернопольского и Кременецкого.

Я благодарю Господа за доверие, поддержку и всевозможную помощь со стороны этих наставников, но особую благодарность выражаю за отца Илию. В его лице мне была дарована, действительно, милость Божия, действие которой и описать-то невозможно. Десять лет за его спиной, как за каменной стеною, я безбоязненно составлял и издавал книгу за книгой в сложнейших условиях окружающей нас реальной жизни. Слава Тебе, Господи, за все это!

3. О спонсорах и благодетелях

Первым моим спонсором был покойный Сергей Владимирович Зинкевич, директор бывшего филиала ИНКОМбанка в Дубне, который сам предложил мне идею оказания финансовой помощи в обмен на размещение рекламы его банка в моем посевном календаре. При этом он же и оформил мне свидетельство на закупочно-предпринимательскую деятельность и довольно длительное время посильно помогал мне, работая даже на других должностях.

Вторым подобным спонсором был Аскеров Джамидин Бихлюлович, руководитель АО «РЕ-ВЕРС» в Зеленограде, на средства которого в 1995-ом году было издано 10 000 посевных календарей. Это был пик моей предпринимательской деятельности, после чего пошел резкий спад ее, а после того, как я занялся составлением и изданием православных книг, свидетельство о предпринимательской деятельности пришлось сдать, потому что на торговлю времени не оставалось.

Спонсорами можно назвать и главных редакторов газет: «Встречи» Рябкову Светлану Александровну, «Площади мира» Мелкумову Ольгу Всеволодовну и зеленоградской газеты «41-й километр» Кутыреву Татьяну Октябrevну, которые в своих газетах довольно охотно печатали мои календари.

Издание православных календарей и книг, особенно после того, как я отказался от издания посевных календарей, целиком происходило за счет спонсорской помощи, доступ к которой осуществлялся с помощью доверительных писем от настоятелей храмов с просьбами об ее оказании.

Нужно заметить, что эта помощь уж и не такая большая была, как кто-то может подумать, и далеко не стабильная, но она, хотя и с большим скрипом, но все же позволяла многие годы мне, пенсионеру, не работая на производстве, заниматься своими составительскими делами. При этом, все же основными своими спонсорами я должен назвать свою дочь Лену, которая много лет поддерживает нас с женою — двух неработающих пенсионеров, и свою жену Машу, которая все эти годы терпит мое, мягко говоря, прохладное отношение к домашним обязанностям, уделяя им внимание по остаточному принципу.

Выше, при описании книг, первой и одиннадцатой, главных своих спонсоров я уже называл, помимо которых хочется еще назвать имена:

Проха Валерия Эдуардовича, мэра Дубны, который во время одного из своих приемов поручил Прислонову Николаю Николаевичу оказывать мне посильную помощь;

Сисакяна Алексея Норайровича, директора ОИЯИ;

Катрасева Виктора Васильевича, помощника директора ОИЯИ;

Доценко Сергея Николаевича, главного бухгалтера ОИЯИ, который многие годы оказывает самую разнообразную помощь во многих моих издательских делах;

Максимова Павла Павловича, депутата совета депутатов;

Федяева Сергея Леонидовича, руководителя ГУП Дедал;

Дуки Александра Петровича, начальника ЦКС «Дубна»;

Фефелова Александра Сергеевича, директора МДМ банка;

Березкина Николая Ивановича, директора лицея 95;

Бородина Владимира Георгиевича, директора «Тензор-Энергии»;

Недачина Юрия Константиновича, директора ЗАО НПЦ Аспект;

Никольского Александра Александровича, директора ООО ТЦ Радон

Бурдасова Александра Сергеевича, директора ООО Вектор;

Матюхина Николая Александровича, руководителя АНО «Управление ЦКС МЧС РФ по Московской области»;

Загуменова Василия Ивановича, директор Дубненского филиала ГУП МС «МОБТИ»;

Митичева Алексея Ивановича, директора образовательного центра «Дубна»;

Михайлова Михаила Алексеевича, директора филиала «РУССТРОЙБАНКА» в Дубне;

Николаевой Татьяны Алексеевны, директора Дубненского филиала «РОСГОССТРАХА» и др.

4. О помощниках по набору текста, верстке, ксерокопированию и другим делам

Поскольку своего компьютера я, практически, не имел буквально до самого последнего времени, и средств, поступающих от спонсоров, было не так уж и много, все работы по набору текста, ксерокопированию, сканированию, верстке и так далее проводили, практически, во славу Божию за символическую плату помощники, о которых частично уже упоминалось ранее, и этот список можно продолжить, добавив к нему имена:

Зайцева Сергея;
Болтушкина Виктора;
Сидорова Георгия;
Раевского Александра;
Баранова Владимира;
Горбунова Алексея;
Николенко Виктора;
Субботиной Елены;

Бокова Юрия, о котором неоднократно упоминалось ранее, тем не менее, хочется сказать еще пару слов. Дело в том, что, обычно, большинство моих помощников люди воцерковленные, выполняющие заповедь о помощи ближнему своему, Юра же является исключением из этого правила и, будучи, как он говорит сам, убежденным атеистом, вот уже около двадцати лет, практически, бескорыстно помогает мне охотно во многих моих делах. Очень бы хотелось надеяться на то, что это признак предстоящего его духовного прозрения. Боже, буди милостив к нему!

Птуху Сергея, которого мне нашел отец Виталий. Сергей, действительно, охотно помогал мне при подготовке к изданию многих книг и охотно готов помогать дальше. Господи, воздай ему за эту всегдашнюю готовность к добродетели!

Еще хочется вспомнить о газете «Встреча» времен, когда главным редактором ее была Светлана Рябкова и жив был Виктор Лихачев. Это была самая любимая наша семейная газета, а для меня она была полочкой-выручалочкой, когда нужно было что-то срочно отксерить или распечатать оригинал-макет православного календаря. Виктор Васильевич печатал в газете свои отзывы о моих книгах, каким-то особым чутьем предугадывая о их предстоящем выходе. Наша последняя встреча с ним произошла примерно за месяц до его ухода от нас, во время его прогулки с собачкой, когда готовилась к выходу книга «Великий пастырь». Он, как бы чувствуя это, спросил над чем я работаю и как-то очень тепло отозвался о моих книгах, сказав, что для них на полке у него имеется отдельный уголок. Когда «Великий пастырь» вышел, одну из книг я передал для этого уголка. Господи, упокой душу раба Твоего Виктора!

И еще об одной помощнице хочется мне вспомнить — о проректоре международного университета природы, общества и человека Дубна, Черемисиной Евгении Наумовне, которая, желая мне помочь в поисках помощников, предоставила однажды возможность выступить перед аудиторией студентов. Но мое неподготовленное, довольно сумбурное выступление не дало абсолютно никакого результата и ни один из студентов ко мне не подошел. Тогда она, пожалев меня, сама направила меня к Саше Денисову, который и помог мне в подготовке к изданию книги второй.

5. О молитвенниках

Еще хочется назвать имена двух женщин-молитвенниц, ныне покойных, которые с самого начала моих составительско-издательских работ очень внимательно и заинтересованно к ним относились, переживали о всевозможных затруднениях, радовались успехам и молились об успехе в издательских делах. Это Кислицына Наталья Митрофановна, жительница села Косолапово республики Марий-Эл и Буторина Ольга Ивановна, жительница Дубны, да будет земля им пухом за доброту их сердечную.

Не смею называть какие-то другие имена, но вспоминая о том, как ежегодно в годы издания нашего православного календаря для постящихся, в конце года, ко мне подходили наши прихожане и прихожанки и с каким-то ожидаательно-замирающим взглядом спрашивали о календаре на предстоящий год, то полагаю, что без молитв об издании этих календарей дело не обходилось.

Заканчивается написание последних строк этой, большой главы книги наших воспоминаний, трудной для написания, но, полагаю, очень важной для многих участников общего многолетнего дела. Поскольку свой раздел в этой книге я пишу, с благословения трех батюшек, как исповедь, то мне приходится быть довольно откровенным при описании многих, как я сам понимаю их, моментов нашей совместной духовной жизни. И если после просмотра моими наставниками эти моменты останутся, я прошу участников этих событий великодушно простить меня за откровенность.

Апрель 2010-го года

А сейчас заканчивается написание всей этой книги, поскольку буквально через две недели, 03.08.10 года, намечена юбилейная встреча выпускников нашего потока и книгу к этой дате нужно издать. И я благодарю Господа за то, что Он помог мне благополучно разрешить выше указанные проблемы, в связи с описанными мною искушениями, произошедшими между мною и моими духовными наставниками и издательством «Ковчег» в процессе совместной работы над нашими книгами. При этом и отцы Виталий Шумилов, и Илия Шугаев, и Владислав Бобиков и главный редактор издательства «Ковчег» Тимченко С.В. нашли время ознакомиться с текстом книги и великодушно разрешили мне печатать его без всякого «выбеливания», как об этом, неожиданно для меня, в форме пожелания предсказал отец Александр Макаров, ранее всех их ознакомившийся с содержанием книги.

И да будет это знаком великой милости Божией для всех нас, и помощи нам, Господи, всю совершенно не нудную горечь этих искушений переплавить в драгоценный сплав мира, согласия и взаимопонимания! Слава Тебе, Господи, за все!

18.07.10 года

ДУБНА. ЗАО ПО «ДЕЛЬРУС»

01.09.09 года — принят дворником

29.01.10 года — уволен по собственному желанию, пункт 3, статьи 77 Трудового кодекса РФ

Что такое ЗАО ПО «Дельрус». (Информация от предприятия)

ПО «Дельрус» является производственным объединением международной компании «Дельрус», основанной в 1991 году и имеющей партнерские отношения с фирмами из двадцати стран мира.

В городе Дубна производственное объединение «Дельрус» возникло в мае 1999-го года, а в декабре 2002 года были сданы государственной комиссии готовые производственные площади с категорийными «чистыми помещениями» класса «С» и «Д», предназначенными для выпуска стерильных изделий медицинского назначения.

Рабочие и специалисты объединения прошли первоначальный курс обучения работы в чистых помещениях и по окончании курса и аттестации они были допущены к самостоятельной работе в чистых помещениях.

Первой серийной продукцией объединения стало «Устройство для вливания инфузионных растворов», называемое в народе «капельница». Следующим изделием стало «Устройство для переливания крови и его компонентов» и только потом производство перешло к выпуску более сложного изделия — комплекту кровопроводящих магистралей для аппаратов «искусственная почка».

В настоящее время предприятие выпускает более сорока наименований изделий медицинского назначения и продолжает разработку новых изделий и технологий.

Сегодня предприятие располагает необходимым штатом высококвалифицированных специалистов по технологии и производству изделий из пластмасс и инженерно-технической службой по наладке и эксплуатации сложного отечественного и импортного оборудования.

Коллектив прекрасно понимает, что наша продукция необходима и востребована, мы работаем, чтобы приносить людям здоровье, так что фраза «Прогресс во имя жизни» — для нас не просто лозунг, а реальность.

Что меня заставило выйти на работу дворником

Как описано в разделе «Издание календарей и книг», где-то, начиная с 1995-го года я занимался составлением, изданием и реализацией календарей и книг, полностью посвятив этому делу все свое время и все силы, за исключением огородных и самых необходимых хозяйственных работ. Правда, где-то в период 2003-2004-ых годов, в порядке подмены временно отсутствующих работников, примерно на протяжении года, один раз в неделю, без оформления трудового соглашения, по ночам, я дежурил в Смоленском храме и мне эта работа, не смотря на то, что заработок был невелик, весьма нравилась. Но однажды мне сказали, что кто-то более меня нуждается в этой работе, и мне пришлось, нехотя, с этим согласиться.

Хотя, как я писал где-то ранее, доходы от моей издательской деятельности были весьма невелики, но все же какие-то карманные деньги на разные издательские и вспомогательные расходы водились. Но, начиная с начала 2009-го года, в связи с тем, что и издать долго ничего не удавалось, а спонсоры совсем перестали баловать, я оказался совершенно в безвыходном финансовом положении. Дело в том, что в это же самое время началась основная работа над нашей коллективной повестью, а совсем без денег какая может быть подготовительно-издательская работа (пенсию приходится отдавать жене на хозяйственные расходы).

Именно в это самое время один мой знакомый сообщил, что в «Дельрусе» есть свободное место дворника и я пошел на переговоры о трудоустройстве на это место. Комендант предприятия, Дмитренко Виктор Васильевич, провел меня по территории, которую предстояло содержать в чистоте и порядке, рассказал о режиме работы, условиях оплаты и предложил позвонить ему через месяц, 31.08.09 года.

Честно говоря, за работу браться было страшновато, но другого выхода никакого не было и в назначенный день, помолившись и взяв благословение в ближайшем храме, я явился в «Дельрусе».

Немного о работе «Начальником чистоты»

Перед началом работы был заключен трудовой договор, и так с 01.09.09 года началось освоение новой для меня профессии дворника. Первую неделю я работал, тщательно убирая всю территорию предприятия.

Где-то в середине первой моей рабочей недели подходит ко мне один товарищ и говорит: никто еще до тебя на этой работе так не вкалывал, зачем тебе это надо. Я тебе советую усердие ослабить, но ты уж сам решай как поступать. Я задумался. Поскольку я человек некурящий, работая на своем огороде, я привык работать не спеша, но, в постоянном режиме, практически, без всяких перерывов. Не менять же мне свои привычки ради того, что обо мне кто подумает. К пятнице вся территория, в основном, была убрана за исключением одного уголка, где до меня приготавливали цементный раствор и поэтому там был толстый многолетний слой цемента и пыли. Поразмыслив, с Божией помощью, я решил привести в порядок и этот прекрасный уголок.

В следующий понедельник весь день лил дождь и я до трех часов сидел без дела в своей каптерке. В конце дня ко мне подошел шеф и дал мне указания о том, как и что мне делать дальше, после приведения территории предприятия в нормальное состояние.

В общем, можно сказать, что работа в «Дельрусе» дала мне и зарплату, и достаточное время и на огородные работы, и на работу над текстом книги, и, таким образом, я заимел деньги на самые необходимые издательские и хозяйственные расходы, которых в таком, достаточном для дела количестве я давненько уже не имел.

К тому же в двух шагах от работы было два действующих храма, в которые, с любезного согласия шефа, я, практически, мог отлучаться на всякий православный праздник, приходящийся на рабочие дни.

Это было, действительно, какое-то радостное и счастливое для меня время. Я старался работать и строить свои отношения с окружающими меня работниками по-христиански. Некоторые мои коллеги по работе даже удивлялись тому, как хорошо ко мне относился Виктор Васильевич и это было действительно так и было приятно это слышать и чувствовать.

Правда один только раз, буквально за несколько дней до моего ухода с работы, он выразил свое недовольство мною. Произошло это следующим образом. Встречаемся мы с ним как-то утром и он

спрашивает меня — не брал ли я, случайно, его ключи. Я что-то ему ответил, а сам начал ощупывать свои карманы. При этом достаю машинально из своей рабочей куртки связку из двух ключей по внешнему виду такие же, как мои, но один ключ почему-то оказался не белого, а желтоватого цвета. Он резко берет эти ключи и, сгоряча делает мне внушение о необходимости быть более внимательным. Оказалось, что он оставил свои ключи на столе в одном кабинете, а я позднее, находясь там же, во время разговора машинально, как свои, положил их в свой карман. Очень жаль, что из-за такого пустяка вкралась помарка в наши отношения, но для чего-то это было попущено Богом. Может быть для того, чтобы я не подумал о том, какой я хороший христианин, что научился так хорошо строить свои отношения с людьми. Слава Тебе, Господи за это вразумление!

Как-то раз, по неосторожности, я не уберег свою спину, обострился давнишний друг-радикулит, и ровно через пять месяцев работы в «Дельрусе» пришлось взять расчет. Я пытался уговорить шефа на то, чтобы ставку дворника поделить на две части, чтобы на работу выходить через неделю и иметь реальную возможность взаимовыручки в затруднительных ситуациях, но он к такому предложению отнесся с прохладцею. А меня такой вариант вполне бы устроил, потому что совсем без всякого приработка заниматься составлением и изданием даже православных книг, практически, невозможно.

Господи, если угодна Тебе моя составительско-издательская работа, дай мне силы, разум и возможность поработать во славу Твою!

БЫТ

Первая серьезная мысль о женитьбе посетила меня где-то году в 1963-64-ом, когда я работал в Кишиневе и уже вел командировочный образ жизни. При этом я как-то сразу осознал, что жить далее одному для удовлетворения только своих интересов и бессмысленно и неинтересно. До этого как-то всякие мысли об этом отгонялись тем, что я гол, как сокол, не имею ни жилья, ни денег, никаких серьезных материальных благ, необходимых для создания семьи. А тут вдруг, сразу я понял, что все эти детали по сравнению с самой идеей семьи не настолько уж и существенны.

И тут вскоре, как уже об этом я писал ранее, в Москве в гостинице я встретил девушку из Дубны Машу Иванову, к которой почему-то твердо прилепилось сердце мое и поэтому, несмотря на некоторые препятствия, я приложил все усилия для того, чтобы мы были вместе. А 24.07.65-го года мы стали мужем и женою. На Большой Волге нашли частную квартиру, я устроился работать в МКБ «Радуга» и так началась наша совместная семейная жизнь.

Примерно через год у нас родилась дочка, которую в честь тетки Лены, которую я очень уважал, мы назвали Аленкой (это имя тогда было очень популярно), а осенью этого же, 1966-го, года мы переехали в комнату коммунальной квартиры еще с двумя соседями в район Черной речки. И в этой комнате мы прожили тринадцать лет, пока дом не пошел под снос, и тогда только нам предоставили двухкомнатную квартиру в районе Большой Волги. А лет пять спустя нам удалось из этой двухкомнатной перебраться в трехкомнатную квартиру, где сейчас и проживаем тем же составом семьи.

Дочка Лена по окончании средней школы поступила в МИИТ — Московский институт инженеров транспорта на экономический факультет. По окончании института поступила работать в НИИ «Атолл» и до сих пор работает в том же подразделении, правда в процессе перестройки это подразделение стало самостоятельной единицей.

ПУТЬ К БОГУ

Отношение к Богу в детские, школьные и студенческие годы

Не знаю имеет ли это какое значение, но промыслом Божиим на белый свет я появился 12 июля 1936 года в довольно большой православный праздник — день памяти Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, жаль только, что ни Петром, ни Павлом меня почему-то не назвали.

Крещен я был в двухлетнем возрасте в церкви Сергия Радонежского в селе Ашлань, при этом крестным отцом моим был мой двоюродный брат Геннадий по возрасту старше меня всего на семь лет. Моя мать, обе бабушки и дедушка по отцовской линии были верующими, а о набожности других старших родственников сейчас сказать что-либо очень трудно. Особой набожностью, начитанно-

стью и эрудицией, по совам моей бабушки, отличался дед по отцу Владимир Петрович. Он замечал даже малейшие ошибки в богослужении.

В переднем углу нашего, да и других деревенских домов, на так называемой божнице стояли иконы Спасителя, Богородицы и Николая угодника, и я помню, как бабушка утром и вечером перед ними подолгу молилась. Мать с раннего утра до ночи бала занята делами, но и она иногда мимоходом осеняла себя крестным знамением. Большие православные праздники — Пасху, Рождество Христово и другие отмечались, посты как-то соблюдались, правда меня от них освобождали, а в Радоницу и Троицкую субботу все деревенские жители торжественно шли на кладбище поминать усопших родственников.

Дома со мною никто никогда никаким религиозным воспитанием не занимался. Но в школе атеистическое воспитание проводилось исправно и в итоге к окончанию школы Бога я вспоминал только во время грозы. Но сердцем я отчетливо ощущал необходимость какой-то направляющей силы, которой мне явно не хватало для того, чтобы правильно поступать и осуществлять на практике те хорошие принципы, к которым нас так настойчиво призывали учителя и которые мне очень были по сердцу.

Во время учебы в институте мы каким-либо особым антирелигиозным воздействиям не подвергалось, но напряженная учеба и интенсивная студенческая жизнь естественно способствовали отдалению от Бога, и в итоге получилось так, что в самом конце обучения в моем религиозном сознании произошел решительный перелом в сторону атеизма.

Попытка отказа от Бога

Поводом к этому послужила неожиданная встреча с самой беспокойной женщиной в округе в тот самый момент, когда я выходил из дома, чтобы ехать, после окончания последних институтских летних каникул, на преддипломную практику в Саратов, да еще и она была при этом с пустыми ведрами в обеих руках. Худшей для меня приметы трудно было придумать. Мое душевное равновесие было нарушено совершенно. Нужно было принимать какие-то срочные и решительные меры для его восстановления и я ничего другого не придумал, как попытаться решительно покончить со всеми, так называемыми, предрассудками, включая сюда и веру в Бога. Прости меня, Господи, за такое безумное решение, но так получилось, и я своею свободною волею решительно включил себя в число атеистов на многие годы своей сознательной жизни. Конечно, многими скорбями заплатил я за эту попытку сознательного оставления Бога, но Он, по великой своей милости, меня, неразумного, видимо, оставлять не собирался. Богоотступничество произошло, наверное, только в верхнем слое моего сознания, а в глубине души вера, видимо, сохранилась. Только этим можно, наверное, объяснить ту радость, которую я испытывал при виде всякого храма и мое, не совсем обычное, поведение в Троице Сергиевой лавре, в которую я попал, находясь в служебной командировке в Сергиевом Посаде, зимою 1976 года. Лавра мне так понравилась, что я запечатлел ее на цветную обратимую фотопленку, купил диапроектор и периодически, с каким-то особым удовлетворением, просматривал замечательные зимние виды ее храмов. А во время довольно частых командировок в Сергиев Посад первым делом обязательно заходил в Троицкий храм лавры, ставил свечи и поклонялся преподобному Сергию Радонежскому, во всей своей остальной жизни продолжая оставаться убежденным атеистом.

Так продолжалось до 1985 года, пока не прекратились мои командировки в Сергиев Посад. Но после этого начались командировки в Петербург, где часто посещая Эрмитаж и слушая толкования экскурсоводов о сюжетах картин на ветхо- и новозаветные темы, я недоумевал — откуда они все это знают и тщетно пытался найти литературу на эти темы в библиотеках и книжных магазинах города..

Духовное пробуждение

Мое духовное пробуждение началось на волне, так называемой, перестройки на рубеже 80-90-х годов прошлого столетия, когда бурный поток оккультно-религиозной литературы и информации обрушился на наши бедные головы. Я, как голодный на пищу, набросился на все это, пытаюсь поглотить и переварить все, что только попадало под руку: Рэрихов, Кришну, Нину Семенову, Порфи-

рия Иванова, книгу «Девять дней в Гималаях» Сидорова с загадочными фрагментами в ее тексте, как позднее выяснилось, из книги «Две жизни» Конкордии Антаровой, Клизовского, Айванхова и многое другое. Каких только лекций и бесед не пришлось выслушать за эти годы, в том числе довелось принять участие в занятиях по ТМ медитации, когда буквально толпы желающих осаждали кассы ДК «Мир», чтобы попасть на эти занятия, а на предприятиях, после обеда, желающие медитировать минут на двадцать удалялись для этого в полутемный зал заседаний, где я мгновенно уходил в глубокий и приятный сон.

А вообще-то, это было удивительное время — люди, изголодавшиеся по духовной пище, и не имеющие о ней никакого понятия, готовы были проглотить все, что им подавалось. За предложением дело не стояло. В Дубну валом валили и последователи Рэрихов с необычными горными пейзажами Николая и Святослава, многотомными сочинениями Елены с их таким обнадеживающим заверением о том, что красота спасет мир, и многочисленные проповедники восточных учений о йоге, карме и инкарнации, таких необычных и интересных, и учителя различных духовных школ. Одним из самых популярных таких учителей, особенно среди интеллигенции, был Антонов, который каждый год по осени набирал очередную группу слушателей. Но самый большой успех среди дубненской публики имели учителя ТМ медитации из США, проводившие свои занятия с полным залом слушателей в ДК «Мир». При этом были самые серьезные намерения обосновать в Дубне центр по ТМ-медитации, но слава Богу, эта затея сорвалась.

В это время я опять работал в «Атолле» и, по своим календарным делам довольно часто бывая в одном из астрологических центров Москвы, привозил оттуда каждый раз новую партию религиозно-окультурной литературы, которую распространял среди сотрудников института и даже сдавал на реализацию в магазины города. Прости меня, Господи, за это неразумное радение. Естественно, всю эту литературу позднее пришлось выбросить или сжечь, но этот опыт распространения литературы среди коллектива примерно в тысячу человек дал мне наглядное представление о том, как примерно среди людей распределены духовные запросы и способности, и я сейчас могу обоснованно утверждать, что только процентов пять — десять людей способны к восприятию духовных истин. Всем остальным если и бесплатно раздавать самую хорошую духовную литературу, они ее читать не будут. Мы же все это усердно читали, а потом обменивались своими впечатлениями и таким образом пытались постигать сокровенные истины бытия.

Спустя некоторое время я стал читать привозить и распространять и православную литературу, пытаюсь все это осознать и обобщить.

Все эти события происходили на фоне очень сложного моего душевного состояния. Дело в том, что перейдя в «Атолл» я попал неожиданно в очень сложную психологическую обстановку, справиться с которой у меня не было никакой способности и возможности. Стрессовые ситуации практически повторялись ежедневно на протяжении, наверное, нескольких лет, не прекращаясь. При этом напряженность ситуации все более и более нарастала. Как я все это выдержал — удивляюсь до сих пор. Видимо все это попустил Сам Господь Бог и Он же дал мне силы перенести все эти испытания.

Когда терпение мое стало совсем кончаться, я решил применить некоторые духовные средства, заимствованные из выше приведенных источников.

Во-первых, осознав необходимость от всего сердца простить всех своих обидчиков, попытался, как только мог, исполнить это на самом деле.

Во-вторых, попросил прощения у всех, кого сам чем-либо обидел.

В третьих, после нескольких неудачных попыток перейти на работу в другие подразделения института, как-то интуитивно осознал необходимость исправляться там, где совершал свои ошибки и глупости.

В четвертых, когда на очередной аттестации был поставлен вопрос о существенном понижении меня в должности, я как-то отчетливо осознал неизбежность этого наказания и вынужден был довольно спокойно согласиться с ним.

Плоды обращения к вере и вынужденного, но осознанного смирения

Результаты обращения к духовным средствам спасения, в том числе, и вынужденного, но осознанного, смирения были поразительными.

1. Мой земной ад на работе превратился, едва ли, не в земной рай. Хотя я и потерял какую-то часть зарплаты, но вместе с этим избавился от рентгенлаборатории, тепловизоров, ультразвуковых

дефектоскопов и других, бесполезных для производства, новых методов неразрушающего контроля. Остались только одни гелиевые течеискатели, которые, действительно, нужны были в производстве, и технология контроля герметичности. При этом была снята всякая мелочная опека сверху и предоставлена полная свобода действий во всех производственных делах. Появились реальные условия для свободного творческого труда, который не замедлил дать свои результаты.

Были установлены тесные деловые связи с ведущими фирмами ВПК — военного промышленного комплекса, по контролю герметичности газовыми методами, позволившие решить многие накопившиеся технические проблемы.

Вместо снятого с производства ПТИ-10 был внедрен новый тип гелиевого течеискателя ТИ1-14 и только по причине перестройки и остановки производства не было завершено внедрение уникального плазменного течеискателя, на порядок превосходящего по всем основным техническим характеристикам гелиевые течеискатели.

Была решена сложнейшая организационно-техническая проблема, связанная с проведением контроля герметичности в условиях постановки приборов в условиях Севера и Дальнего Востока. При этом мне вернули должность ведущего инженера и даже настойчиво предлагали возглавить всех работников, связанных с контролем герметичности, но я, надеюсь, милостию Божиею нашел более простой способ решения проблемы, взяв на себя по приказу директора института обязанности ответственного за координацию работ по контролю герметичности, в соответствии с которым я имел право своевременно напоминать руководителям подразделений, связанных с контролем герметичности с помощью течеискателей, о их обязанностях по устранению узких мест и дело пошло. В крайних случаях, когда в каком-то звене системы возникало серьезное затруднение, приходилось самому вплотную подключаться к его разрешению. Так пришлось полностью взять на себя обучение и аттестацию дефектоскопистов по контролю герметичности гелиевыми течеискателями, заменить штатные гелиевые щупы более простыми, надежными и удобными щупами разработки и производства НПО имени Лавочкина и многое другое.

Было проведено несколько интересных испытаний по отработке и совершенствованию методов контроля герметичности наших изделий и своевременно решен ряд других вопросов, связанных с течеискателями.

В общем, впервые за всю свою жизнь я почувствовал себя инженером, способным решать все возникающие проблемы в довольно сложном вопросе контроля герметичности газовыми методами. Но перестройка остановила меня на самом интересном месте моей инженерной деятельности. Производство встало, контролировать стало нечего и меня, как пенсионера, в октябре 1997 года уволили в связи с сокращением штатов.

Но Господь не лишил меня своего дара — свободного, интересного и творческого труда — я целиком переключился на освоенную к этому времени работу по составлению, изданию и реализации посевных и православных календарей, а также книг избранных поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского и других подвижников.

2. После обращения к Богу началось постепенное, но ощутимое улучшение отношений в семье, с родственниками, соседями и от этого так было отраднее на душе.

3. Господь помог мне обратиться к нашей родной, традиционной православной вере и это, несомненно, самый бесценный дар Его мне, грешнику.

Воцерковление и утверждение в родной православной вере

Хотя я и удостоился от Господа за мое искреннее обращение к Нему вышеописанных даров, но вера моя была настолько сумбурна, путана, причем во всех богов сразу, в том числе, и в Господа нашего Иисуса Христа, да еще и, как говорят многие, в душе только, так что все это вместе взятое и верую-то называть, наверно, нельзя — это каша какая-то была в голове. И в подобном состоянии в тот период оказались очень многие наши соотечественники, отлученные от истинной веры атеистическим воспитанием за годы советской власти, а потом оглоушенные в годы перестройки морем оккультной и псевдорелигиозной литературы. При этом, многие из них так там и находятся до сих пор. Но мне, видимо, по чьим-то усердным молитвам Господь помог вырваться из этого хаоса и утвердиться в нашей истинной православной вере. Слава Тебе, Господи! А произошло это следующим образом.

Подходит ко мне как-то однажды мой товарищ по работе Слава Марченко и начинает самым серьезным образом убеждать, что мне необходимо обязательно ходить в храм. Я же в этом не видел никакой необходимости и, более того, был убежден, что в духовном отношении у меня все в полном порядке. Но он упорно продолжал убеждать меня в необходимости воцерковления до тех пор, пока я просто из снисхождения к нему нехотя не пошел на свое первое в жизни богослужение в незадолго перед этим открытый Ратминский храм. Потом было второе, третье богослужение и так далее. В общем, я очень признателен Славе за истинно христианскую заботу о спасении моей грешной души и усердие в моем воцерковлении, которое практически происходило одновременно с возрождением и укреплением православной веры в Дубне.

А наша родная, традиционная православная вера реально начала возрождаться и укрепляться в Дубне начиная с августа 1989 года, когда в частично восстановленный Ратминский храм прибыл первый наш официальный священнослужитель отец Александр Семенов. Это позволило начать регулярные богослужения и сформировать первый полноценный православный приход в городе при храме Похвалы Пресвятой Богородицы, который послужил благодатной основой для зарождения и становления еще четырех ныне действующих приходов в городе Дубне.

В августе 1990 года в доме международных совещаний (ДМС) Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) учеными ОИЯИ при поддержке и участии Московской Духовной Академии и Института Философии Российской Академии Наук была проведена первая международная конференция под общим названием «НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ». Конференция была посвящена поиску понятия истины в науке и религии. В работе конференции приняли участие ученые, философы, богословы и религиозные деятели разных направлений, в том числе такие как экстрасенс А.В.Мартынов из Петербурга, учитель ТМ-медитации и физик Эшли Динс из США и др. и прошла настолько бурно и интересно, что стала ежегодной и традиционной на протяжении десяти лет включительно до 1999 года. Несомненно, что эти конференции очень помогли их многочисленным участникам и слушателям в сложнейший период коренных преобразований всей жизни нашего общества как-то разобраться и определиться в главном вопросе нашей земной жизни — отношении к возрождающейся вере после семидесятилетних гонений на нее со стороны советской власти.

В последующие годы, начиная с 2000-го и кончая 2006-м годом конференции не проводились, но с 2007-го года их проведение возобновилась. Мне довелось в качестве слушателя быть участником всех конференций, начиная с пятой конференции, и очень жаль, что первые четыре конференции прошли мимо меня.

Помимо регулярного посещения храма и участия в конференциях неопределимо большое влияние на формирование моего религиозного сознания оказала книга святого праведного Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе», которую я случайно купил где-то в 1991 или 1992 году, и которая действительно стала на многие годы моей настольной книгой, постепенно вытеснив на задний план все другие книги, купленные до нее. Но книгой объемом восемьсот страниц, не имеющей ни какого оглавления, ни предметного указателя и состоящей сплошь из следующих друг за другом поучений, совершенно не связанных между собою, было очень трудно пользоваться. Чего только я не предпринимал для облегчения работы с книгой — делал разнообразные пометки на полях, подчеркивал фломастерами и текстовыми выделителями различных цветов и различной жирности полюбившиеся поучения и так далее, пока, как говорится, не «изобрел велосипед» — составил свой, самодельный предметный указатель из наиболее полюбившихся поучений. Это неожиданно открыло мне возможность реально приступить к осуществлению своей мечты, возникшей при многократных поисках понравившихся поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского в процессе работы с его книгой «Моя жизнь во Христе» — составлению удобного сборника этих поучений на самые насущные духовные темы. И начал я это дело с поучений о том, как надо молиться. При этом, сначала выписал их из книги с помощью своего самодельного предметного указателя, потом расположил их в определенном порядке, сгруппировал, озаглавил и так получилось как бы духовное руководство на эту тему объемом в восемнадцать страниц и форматом А5.

Так у меня, как составителя посевного и православного календаря, появилось новое направление — составление избранных поучений святого праведного Иоанна Кронштадтского, а в духовном плане началась постоянная работа по сбору, группированию и осмыслению полюбившихся поучений святых отцов на самые различные духовные темы, которая продолжается до настоящего времени. За это время было издано несколько книг избранных поучений и святого праведного Иоанна Кронштадтского и других книг, о чем более подробно описано в разделе «Календари, книги», а

в настоящее время идет напряженная работа по подготовке к изданию вот этого сборника воспоминаний и размышлений о прожитой жизни выпускников нашей, третьей учебной группы, третьего факультета Казанского авиационного института, выпуска 1960 года, к пятидесятилетию окончания института.

Работая над своей частью книги и внимательно прослеживая и анализируя свою жизнь, я более и более начинаю в ней находить подтверждение многих духовных истин, о которых учат нас святые отцы. Так, например, святой праведный Иоанн Кронштотский уверенно пишет, что «Лучшие, духовные, ко спасению наших душ относящиеся, прошения всегда исполняются...», правда это исполнение может произойти не сразу, а, может быть, много лет спустя. Еще пишется, что просить нужно всем сердцем, всю душою, всем своим существом, то есть нужно очень хотеть исполнения своего прошения и принимать самим для исполнения его все зависящие от нас меры, а не просто только одним языком чего-то просить у Господа. Так вот, исходя из этих соображений, я, к удивлению своему, обнаружил, что Господь уже исполнил и, даже, не одно мое серьезное прошение.

Пример первый. В 1985-86 годах, как я уже писал выше, я тщетно искал описания картин Эрмитажа на религиозные темы, прилагая немало к этому усилий, в библиотеках и книжных магазинах Ленинграда, а несколько лет спустя, купив случайно «Закон Божий» я, совершенно неожиданно нашел там все то, к чему ранее так стремился. Слава Тебе, Господи! Так Господь, хотя и не сразу, но в точности исполнил желание сердца моего.

Пример второй. В разделе «Наши встречи» я писал о том, что почему-то наша с Сашей попытка собрать своих товарищей у него в мастерской не получилась. Полагаю, что Сам Господь придержал на время эту встречу для того, чтобы созрели условия для ее более успешного проведения, потому что, хотя я и приготовил подборку достаточно серьезных поучений старцев о необходимости православной веры, но вряд ли кто стал бы их долго слушать, если бы мы даже и собрались тогда.

А в 2007 году ситуация была уже иная. Во-первых, приехав на первую встречу к Александровым, всем участникам встречи я подарил свою книгу о духовном возрождении Дубны, в которой приведены достоверные сведения о позитивном отношении к религии ученых Дубны, в том числе таких выдающихся ученых с мировой известностью, как академики Боголюбов Н.Н. и Франк И.М., которые, действительно исповедовали православную веру и о том, как практически в сложнейшие перестроечные годы помогали духовному возрождению Дубны. Во-вторых, именно в том, 2007-м, году в Дубне, после семилетнего перерыва, возобновлялась работа ежегодных конференций «Наука. Философия. Религия», на которую в качестве слушателей я намеревался пригласить своих товарищей, чтобы они своими глазами могли увидеть и своими ушами услышать верующих ученых и отбросить одно из главных заблуждений на пути к Богу, что в Него верят только одни необразованные, темные и несчастные люди. Эти обстоятельства вселяли в меня какую-то надежду на то, что мои неверующие товарищи, хотя бы сколько-то задумаются о необходимости веры в Бога. О том, что из всего этого получилось, можно прочесть в разделе «Наши встречи».

Пример третий. Во-первых, в школьные годы я как-то ощутил для всего своего существа очень желал иметь какую-то руководящую силу над собой для того, чтобы уметь применять в жизни те хорошие правила, к которым так старательно призывали нас учителя, чувствуя, что эта сила где-то должна быть, но не находил ее. Во-вторых, уже будучи женатым, народив дочь и проживая в коммунальной квартире, да еще испытывая довольно сильное давление на семейные дела со стороны родственников и не справляясь со всеми этими психологическими факторами, я усиленно искал какую-либо точку опоры или источник мудрости для разрешения накопившихся противоречий в отношениях с женой, соседями, родственниками, товарищами и руководством на работе и опять не находил никакой зацепки. При этом, в порыве какой-то безысходности и по своему неведению, я мысленно обвинил человечество в том, что оно совершенно не позаботилось о накоплении жизненного опыта для разрешения подобных проблем и даже собирался куда-то в высшие инстанции писать о том, чтобы этот пробел как-то ликвидировать да, не собрался, так и мыкаясь многие годы в полнейшем неведении о том, что не человеки, а Сам Господь, ценною Собственной крови, пролитой за нас, великих грешников, в страшных нечеловеческих страданиях на кресте дал нам, по мере нашей веры в Него, абсолютно все необходимое не только для благополучного разрешения всевозможных наших жизненных проблем и терпеливого осознанно христианского перенесения многих неизбежных и скорбных обстоятельств нашей земной жизни, но и достижения Царствия Божия в будущем веке. А мне, по давнишнему желанию сердца моего, о котором я, обуреваемый мирскими заботами и страстями, и думать-то уже перестал, открыл безбрежное море Своих Божественных духовных и

житейских истин и поставил меня на путь истинной христианской православной веры. Слава Тебе, Господи, за эту великую милость Твою ко мне и исполнение давно забытых мною желаний сердца моего! И помоги мне, Господи до конца устоять на этом спасительном пути, не дрогнуть и не свернуть с него ни в каких искушениях, скорбях и болезнях

И еще — вспоминая последовательно события прожитой жизни, мы вновь испытываем чувство радости от всего хорошего, доброго, что было в ней, и с болью в сердце вспоминаем все свои ошибки, промашки, глупости и прочее, осознавая с большим сожалением, а то и со стыдом, всю свою греховность, негожесть, худость, что, как утверждают святые отцы, очень полезно для нашего смирения, обретения страха Божия и предохранения от гордости и чувства превозношения перед другими.

Вообще-то, по учению святых отцов вся наша земная жизнь есть путь к Богу, потому что, по их словам, Господь забирает нас отсюда только тогда, когда мы или окончательно созреем для встречи с Ним, или когда Он твердо убедится в том, что ожидать нашего обращения к Нему бесполезно. И в процессе этого созревания нам, по словам митрополита Антония Сурожского, необходимо примириться со всеми, с самими собой, со всеми обстоятельствами, с настоящим и прошлым, с событиями и людьми, с предметами, которых мы касались, и даже с будущим, с самой грядущей смертью — так, чтобы вся земля могла сказать нам: «Иди в мире», и чтобы мы могли сказать всему, что представляла для нас земля: «Оставайся с миром». Невозможно войти в вечность связанным, опутанным ненавистью, в немирном состоянии.

И в этом отношении работа над текстом своих воспоминаний дает возможность, в меру наших сил, попытаться это примирение осуществить даже с теми, кто уже ушел из этой жизни без примирения с нами. Для этого, по словам митрополита Антония Сурожского, мы должны развязать все узелки в душе, чтобы быть в состоянии сказать каждому из них из самой глубины сердца и всего нашего существа: «Прости меня!» и сказать также: «Я прощаю тебя, иди в мире».

О ПРЕОДОЛЕНИИ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК

В разделе о Кишиневе я уже отмечал, что работая там, мне удалось сделать решительные шаги по преодолению таких вредных привычек, как курение и злоупотребление спиртного. Поскольку актуальность этих проблем для общества не уменьшилась и в наши дни, мне хочется поделиться с читателями книги некоторыми соображениями практического плана, заимствованными из своего горького опыта.

Курение

О вреде курения курящим людям много рассказывать не нужно, потому что они об этом очень хорошо знают из своего собственного опыта, поэтому желание бросить курить у меня лично появилось вскоре после того, как я начал, действительно, серьезно курить. А произошло это грустное для меня событие за время работы на целине в 1956-ом году. При этом много раз я решительно сминал недокуренную пачку сигарет, выбрасывал ее, а через некоторое время, как побитый пес, опять шел покупать новую.

Первой существенной предпосылкой к исполнению моего желания бросить курение было то, что во время одного моего очередного отпуска я неожиданно узнал, что 70-летний отец моего школьного товарища Юры Сбоева бросил курить и уверенно держится этого намерения довольно длительное время. Все это неоспоримо доказывало, что курить бросить, в принципе, можно и одновременно выставляло нас с ним в явно невыгодном свете по сравнению с Юриным отцом. При этом в душе, видимо, произошел какой-то перелом, потому что этот факт, практически, не выходил из моей головы.

А через некоторое время произошли такие удивительные события. Жил я тогда в заводском общежитии, под которое была выделена трехкомнатная квартира на пятом этаже обычного жилого дома и проживало в ней человек восемь, причем все, в основном, были курящими. По какой-то, не помню уже, причине однажды я на работу не пошел и проснувшись, как обычно, хотел закурить, но сколько не искал сигарет по всей квартире, не мог найти не то, что сигареты, но даже никакого паршивого окурка. А курить вначале так хотелось! Но пока я бегал в поисках курева по всем ком-

натам это горячее желание постепенно как-то стало ослабевать и под конец, наверное, в силу вынужденной необходимости прошло, практически, совершенно. Я успокоился, спокойно собрался, позавтракал и пошел по своим делам, в том числе, намереваясь и купить курево. Но, поскольку, курить не хотелось, я решил понаблюдать за своим состоянием и поэтому от покупки сигарет пока воздержаться. Так прошел день, неделя, месяц, а курить по-прежнему не было никакого желания, но спустя какое-то время началась ломка организма, которая состояла в том, что я стал какой-то напряженный, готовый при малейшем воздействии со стороны возмутиться. Так продолжалось более месяца, а потом все успокоилось, как будто я и не курил никогда.

Примерно через год, по неопытности, я совершил большую ошибку, как-то вынужденно, взяв в рот всего одну сигарету, потому что в дальнейшем так же вынужденно раз за разом приходилось опять закуривать, пока месяца через два опять всюю не начал курить, как и прежде. Видимо, есть такая закономерность при употреблении никотина, что бросать курение нужно раз и навсегда, и стоит только один раз курнуть после даже длительного воздержания, как начинается автоматический процесс возвращения в исходное состояние курения. Это я испытал на себе несколько раз, бросая курить и через некоторое время из-за одной выкуренной, по невоздержанию, сигареты опять возвращаясь в исходное состояние, пока однажды полностью не потерял опять способность бросать курить.

Примерно в это же время один совсем молодой сотрудник из моей группы на моих глазах спокойно бросил курить и даже не собирался совершенно возвращаться к этому занятию. Глядя ежедневно на его несомненный успех и вспоминая свои многочисленные мытарства с бросанием и новым начинанием курить, однажды мне так стало обидно за потерянный свой успех в этом деле из-за какой-то совершенно нелепой и никому не нужной уступки малознакомому человеку и я так разозлился и сам на себя и на курево, что в очередной раз, действительно, решительно и бесповоротно бросил курить. Все это сопровождалось таким сильнейшим эмоциональным душевным переживанием, во время которого, видимо, всякое желание курить внутри перегорело, что я даже не пытался запоминать ни дня, ни месяца, ни года этого события и с тех пор в рот до сих пор не взял ни одной сигареты.

Так Господь, по чьим-то молитвам, избавил меня от очень серьезного греха табакокурения (сам-то я тогда был убежденным атеистом, а Господь, как об этом хорошо пишет Паисий Святогорец, избавляет нас от грехов только по нашим или чьим-то еще сердечным молитвам), создав благоприятные условия как для самого первого, так и для последнего решительного бросания курить. Слава Тебе, Господи, за эту великую ко мне милость!

Этот случай является, как бы наглядным подтверждением той духовной истины, о которой пишут многие старцы, что для преодоления любого греха нам необходимо его возненавидеть.

Помоги же мне, Господи, так же, как и табакокурение, возненавидеть все другие грехи, которые омрачают мою жизнь, потому что без Твоей Божественной помощи этого сделать я явно не смогу.

Злоупотребление спиртным

К большому моему сожалению, должен признаться в том, что избежать этого, опаснейшего и злейшего греха и врага нашего общественного благосостояния мне не удалось. При этом злоупотребления спиртным начались, практически, сразу после окончания института в связи с тем, что с первых дней своей производственной деятельности и условий проживания в заводском общежитии, я попал в компанию молодых людей, уже привыкших к излишнему употреблению спиртных напитков.

Это были образованные, умные, интересные молодые люди, выходцы из культурных городских семей, от которых мне так и хотелось многое перенять. Оценить реально существующую опасность приобщения к вредной привычке сразу мне не удалось, хотя с первых дней работы в Красноярске в письмах, получаемых из дома, повторялась одна и та же убедительная просьба-предупреждение — Жень, только не пей!

Но таково коварное свойство этого и других, подобных ему, грехов, что свое опасное жало они до поры они умеют искусно прятать под благовидным прикрытием каких-то мнимых ценностей и удовольствий. Спустя какое-то время я стал осознавать кое что, и потому старался каждый выходной проводить на Столбах, а в обычные дни стал заниматься с пионерами фотографией и так далее, чтобы хоть как-то избежать лишних выпивок, но это были всего лишь частичные меры, а на кардинальное решение проблемы ни мудрости, ни силы воли у меня, к сожалению, не хватило и

потому большие праздники, дни рождения, отпуска и прочее делали свое дело, так что за три года пребывания в Красноярске я поглотил приличную долю спиртного.

В Кишиневе дело с выпивкой еще более усугубилось, так как дешевого вина было столько, что хоть залейся им. Откровенно говоря, к вину у меня никакого особого желания не было, но просто было как-то неудобно отказать от приглашения к очередной выпивке, тем более, что новые друзья, не менее интересные, чем в Красноярске, меня очень хорошо приняли в свой круг общения. Хотя вино было и недорогое, но оклад, особенно в первый год пребывания на новом месте, был тоже очень невелик, так что я довольно скоро успел и обноситься и, по всей вероятности, насколько-то опуститься и, если бы ни явная милость Божия ко мне, грешному, то ничего хорошего меня в дальнейшей жизни явно не ожидало. Но человеколюбивый Господь, как и в предыдущем случае с табакокурением, опять же, видимо, по чьим-то усердным молитвам дал мне удобный случай и необходимое вразумление для исправления. Произошло же все это следующим образом.

Как уже упоминалось при описании кишиневского периода моей жизни, окончательная сдача нашей первой аналоговой машины МН-14 заказчику была произведена после примерно месячной изнурительной работы на территории заказчика в Москве, которую проводили мы с Донченко О.А. по окончательной наладке стойки блоков следящих систем СБСС. После подписания акта о завершении всех работ мы купили билеты на самолет с вылетом в Кишинев на следующий день и решили слегка отметить успешное завершение всех работ. После трапезы Донченко О.А. улегся спать, а я побрел куда-то по гостинице и, в силу сложившихся обстоятельств, на ночевку попал в ближайшее отделение московской милиции, за что пришлось уплатить двести рублей, а в Кишинев возвращаться на день или два позднее своего начальника.

Размышляя об итогах и деталях происшедшего, я вначале удивленно пытался понять по чьей вине я попал в такое, не совсем приятное, положение, а потом, немного поразмыслив, не менее стал удивляться тому, как раньше-то я не попадал в такие положения. Окончательным итогом всех этих размышлений было то, что, во-первых, во всех необязательных выпивках я вообще прекратил принимать всякое участие и никто на меня за это не обиделся. По крайней мере, никаких претензий никто ко мне по этому поводу не предъявлял. А, во-вторых, резко снизил норму потребления спиртных напитков даже в так называемых, обязательных, выпивках. Общим итогом всех этих преобразований было то, что я рассчитался со всеми накопившимися долгами, приделся, женился и стал нормальным советским человеком.

Слава Тебе, Господи, за то, что Ты меня, грешного, окаянного, да еще и неверующего, явно спас на самом пороге моей гибели! Слава Тебе!

О ДРУЗЬЯХ, ТОВАРИЩАХ

Когда мы приступали к написанию этой книги воспоминаний, была надежда привлечь к этому делу как можно больше наших товарищей по группе, чтобы как можно полнее отразить реальную картину нашей жизни и взаимоотношений. Но, как показала жизнь, это сделать непросто и поэтому на сегодня, 09.03.10 года, в наличии имеем всего три незаконченных рукописи, на основании которых мы и решили верстать задуманную книгу. Помогите нам, Господи!

Альберт в своей рукописи описал общую картину жизни в их, 410-ой, комнате общежития и свои воспоминания о Борисе Косенко и Юре Здорике. Мне тоже, по его примеру, захотелось кое-что написать о жизни обитателей нашей, 418-ой, комнаты, в которой с момента ее заселения в ноябре 1954-го года на протяжении пяти лет обучения проживали, как я уже упоминал ранее, помимо меня, Шалагин Иван, Косов Андрей, Чижов Анатолий и Пойманов Анатолий, а также вспомнить о Батаеве Равиле, Косенко Борисе и .Ваньшеве Володе, с которыми в разное время обучения у меня бывали какие-то общие дела и совместные мероприятия.

Все мы, обитатели 418-ой комнаты, за исключением Андрея, были примерно одного возраста, в институт поступили сразу после школы. Андрей был постарше нас на десять лет с небольшим, а в институт поступил как участник Великой Отечественной войны после окончания школы рабочей молодежи. Все были выходцами из простых, небогатых семей и жили на нашу, относительно неплохую стипендию, которая на первом курсе была около 400 рублей и с каждым годом постепенно возрастала.

Первое время после вселения в общежитие мы пытались какое-то время готовить по очереди общие обеды, но это дело не прижилось, и поэтому в дальнейшем по утрам было чаепитие из общего чайника, но с индивидуальными продуктами, в обед питались в студенческой столовой, а вечером был выбор между чаепитием из общего чайника и ужином в буфете общежития. Никакими подработками никто, кроме Андрея, на протяжении всей учебы не занимался, и все жили, практически, на одну стипендию, правда на летние каникулы я приезжал домой без копейки, так как всю стипендию за летние месяцы, которую нам выдавали по окончании весенней сессии, приходилось отдавать за долги, которые накапливались в течение учебного года.

Все пятеро мы были студентами одной учебной группы, так что весь жизненный и учебный режим у нас был один и тот же и это было очень удобно. Вставать ото сна приходилось довольно рано, потому что все учебные занятия в институте начинались с восьми часов и продолжались не менее 6-8 часов и никто из нас их, за редким исключением, не пропускал. Вечерами приходилось заниматься различными проектами, курсовыми работами и другими заданиями, так что за неделю все уставали и поэтому в выходной примерно до обеда отсыпались за всю неделю.

Вредными привычками не увлекались, правда, Андрей курил с самого начала, и где-то на старших курсах и я закурил, а о выпивках и речи никакой не было, кроме праздников: нового года, да иногда дня 7-го ноября и 1-го мая, в которые, по возможности, старались попасть на вечеринку в какую-то молодежную компанию с девушками. А так эти праздники отмечали просто в своем «семейном» кругу. Так, помню, на четвертом или пятом курсе мы отмечали впятером 1-е мая. При этом как-то получилось так, что одна бутылка столичной водки, распечатанная и едва отпитая, так и осталась после праздника недопитой и больше месяца простояла в тумбочке, едва прикрытая ее же надорванной пробкой. Об этой бутылке знало чуть ли не все наше общежитие и мало кто надеялся, что в ней находится водка, а не вода. Но когда после успешной сдачи какого-то экзамена мы все-таки решили проверить это дело, то, к великому всеобщему удивлению оказалось, что в бутылке все-таки была настоящая водка. Вот какой удивительный случай, в достоверность которого сейчас вряд ли кто может поверить, действительно произошел пятьдесят лет тому назад со студентами старшекурсниками Казанского авиационного института!

И вот сейчас, пятьдесят лет спустя после окончания института, пытаюсь что-то написать о своих товарищах-однокурсниках, которые сами по различным причинам этого сделать не могут, и с которыми плечо к плечу проучился и прожил в одной комнате пять лет, я затрудняюсь найти какие-то отличительные признаки их, потому что все силы, практически, ими были отданы учебе и на всякие проявления индивидуальных каких-то способностей ни времени, ни сил уже не оставалось. Но все же что-то нужно попытаться сделать. Помогите мне, Господи!

БАТАЕВ РАВИЛЬ

Батаев Равиль был коренным жителем Казани. Это был приятный на вид молодой человек среднего роста, всегда спокойный, деликатный, обаятельный. Он был постоянным участником художественной самодеятельности и исполнителем лирических песен на наших институтских вечерах. И эта его общительность, радушие и обаятельность помогли ему в самом конце четвертого года обучения в институте удержаться от неизбежного отставания от нашего потока. Дело было так. В этом семестре мы все выполняли, наверное, самую сложную и объемную курсовую работу по теории автоматического регулирования. Когда все мы уже свои работы сдали, вдруг выяснилось, что Равиль свою работу безнадежно затянул и ему грозило безусловное недопущение до экзаменов. Всем было очень жаль оставлять его в таком плачевном состоянии. И тут кто-то предложил помочь ему закончить эту курсовую работу. Предложение было принято. Человек пять-шесть общежитских сокурсников выехали в выходной день на квартиру к Равилю, каким-то образом разделили курсовое задание на части, в течение дня сделали их, как-то соединили и на следующий день Равиль получил зачет по этой работе. Как это все было возможно сделать я до сих пор не представляю.

Видимо, Сам Господь за доброе расположение наших сердец к товарищу где-то помог нам, а где-то отвел глаза преподавателя, принимающего работу, в сторону от неизбежных в таком деле нестыковок и Равиль был спасен.

Слава Тебе, Господи, за этот наглядный урок доброты нам, тогдашним несомненным атеистам!

Где-то в этот же период времени Равиль предложил мне к экзаменам во время очередной экзаменационной сессии готовиться вместе у него на квартире. Я охотно принял это предложение. После кончины своей мамы, произошедшей не задолго до этого, Равиль жил один и, таким образом, в нашем распоряжении было две комнаты. При этом в большой комнате расположился он сам, а мне предоставил меньшую комнату. К экзаменам готовились лежа на кровати, прибегая к взаимопомощи в случае каких-то непонятных вопросов. Обедать ходили в нашу студенческую столовую, расположенную в пятом учебном здании, а завтрак и обед наспех готовили сами, причем, мне было чему поучиться у Равиля в этом деле. После сдачи очередного экзамена Равиль объявлял о проведении генеральной уборки в квартире. При этом, в первую очередь тщательно собирались и выбрасывались все окурки, скопившиеся за время подготовки к экзамену, все мыли, протирали и хорошо проветривали всю квартиру. А следующий день начиналась подготовка к следующему экзамену. Таким образом мы с ним готовились и сдавали экзамены во время двух сессий и об этом как-то приятно сейчас вспоминать.

Однажды, во время подготовки к какому-то очередному экзамену произошел такой эпизод. Мне в руки попала небольшая книжечка Гейне «Страдания юного Вертера». Я как открыл ее, так и не закрыл, пока не дочитал до конца. Это была одна из наиболее запомнившихся книг, прочитанных мною таким образом.

После окончания института во время моих заездов в Казань я всегда старался выкроить время для визита к Равилю. Последний раз мы с ним виделись, наверное, в 1995-ом году во время нашей общекурсовой встречи в Арзамасе у Юры Старцева.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Равиля!

ЗДОРИК ЮРИЙ

Он родился в 1937 году в г. Кустанай Казахской ССР, окончил школу с серебряной медалью, имел спортивный разряд по гимнастике. Отец его — майор КГБ, отвечал за организацию режима проживания репрессированных семей ингушей и чеченцев, переселенных с Кавказа в Кустанайскую область.

С Юрой я был знаком более тридцати лет: с первого курса мы жили в одной комнате общежития, работали более десяти лет в одной лаборатории КБ в г. Саратове, а потом просто поддерживали отношения пока я не переехал в другой город.

Он был среднего роста, крепкого телосложения, гибкий, подвижный, чуть раскосые глаза, прямые черные волосы, абсолютно гладкая белая кожа на лице и румянец щек делали его привлекательным для девушек. С годами он мало изменился, только оголилась верхняя часть головы, и он стал чем-то напоминать Ленина.

Наша с ним совместная работа началась на третьем курсе, когда кто-то обратил наше внимание на статью в журнале «Техника молодежи», в которой рассказывалось о «черепахе» англичанина Грея Уолтера и приводилась ее электрическая схема. «Черепаха» — это электромеханическое устройство, которое «вело» себя как живое существо: она шла на свет, обходила препятствия, останавливалась при свистке, обладала условным рефлексом (если несколько раз свистеть в момент удара о препятствие, то она начинала обходить препятствие, которого не было, а был только свисток, потом этот рефлекс забывался). Мы решили сделать отечественную черепаху. Нам дали место в мастерской кафедры АП — 1, которая вела многие наши специальные дисциплины. Опытные рабочие этой мастерской создавали и сопровождали оборудование лабораторий кафедры. Они помогали нам находить комплектующие: фотоэлементы для «зрения», двигатель, электронные лампы для усилителей звука и зрения, электромагнитные реле для условных рефлексов.

За один год (четвертый курс) мы сделали «черепаху», которая имела форму черепахи размером 40 см.х 30 см., двигалась на трех маленьких колесах и выполняла указанные функции.

Мы выступили на студенческой научной конференции и продемонстрировали ее возможности. Наша работа была награждена грамотой министерства высшего образования СССР за лучшую студенческую научную работу.

В технический ВУЗ Юра поступил по призванию: у него была страсть и явные способности к изобретательству (слово инженер в переводе с французского означает изобретатель). У него было какое-то «чутье» электрических и электронных усилительных схем. При нашей совместной работе я рассчитывал и собирал такие схемы. После их включения они работали не так как предполагалось: на выходе усилителя был высокий уровень «шумов» или он даже самовозбуждался («пел»). Юра «доводил» схему до рабочего состояния: где-то переместит провода, заменит конденсатор и т.п. Все это было трудно объяснить с рациональной точки зрения, но схема начинала работать.

У него были «золотые руки». Он мог «блоху подковать». Так панцирь «черепахи» он сделал из куска кровельного железа, используя деревянный молоток и простейшие приспособления. Он мог открыть любой замок, используя нехитрый инструмент.

После четвертого курса Юре дали академический отпуск на один год из-за неуспеваемости. Причин этого было несколько и, в частности, увлечение «черепахой». Но главной была его самодостаточность, которая выражалась в том, что он жил по внутреннему графику, который часто не совпадал с графиком учебного процесса: во время сессии он мог вместо подготовки к экзамену что-то мастерить, либо ставить какие-то опыты. Естественно, что тогда мы воспринимали это как его несобранность и разгильдяйство, и только после многих лет работы с ним я осознал, что это было выражением его творческой природы.

Юра прибыл в КБ, где я уже год как работал, и мы активно взялись за разработку магнитного усилителя для гироскопического интегратора ускорений. За несколько месяцев разработка была завершена, и начался выпуск гироскопических интеграторов с этим усилителем. В последующие годы, когда я перешел из КБ в политехнический институт, Юра сопровождал выпуск этого усилителя, и продолжал совершенствовать его.

Женился Юра в Саратове. В то время я с семьей жил в семейном общежитии, которое состояло из четырех рядом стоящих зданий. В одном из них вместе с матерью и братом жили весьма привлекательные сестры Дина и Люда Зорины. Дина работала техником в нашем КБ, где Юра с ней познакомился, и затем женился. Ее младшая сестра Люда училась в Саратовском театральном училище и дружила со студентом этого училища Олегом Янковским. Мы иногда видели их вместе, когда мы шли с работы. Скоро они поженились. Люда стала ведущей актрисой Саратовского театра. В нем же играл Олег Янковский, который неожиданно прославился, сыграв главную роль в фильме «Щит и меч». Вскоре после этого они переехали в Москву и стали артистами театра «Ленком».

Семьи сестер поддерживали отношения и у меня есть любительская фотография, где Юра и Олег сняты вдвоем.

Мы с Юрой работали в лаборатории автоматики нашего КБ, и я замечал, что его не вполне устраивает эта работа: во-первых темы, которые ему поручались, часто не содержали предмета изобретательной деятельности, во-вторых, проблема зарплаты, которая зависела не от продуктивности инженера, а от числа руководимых им сотрудников. Юра не имел склонности к руководству людьми, и поэтому долгое время был просто старшим инженером. Часто во время работы он что-то чертил и писал не относящееся непосредственно к порученной ему теме. Однажды я спросил его об этом. Он, будучи простым в общении с людьми и скромным человеком, обвел глазами 6 или 7 сотрудни-

ков (инженеров и техников), с которыми он сидел в комнате и сказал: «Все, что делают эти люди за месяц, я сделаю за один день». И это не было преувеличением.

В свободное от работы время он строил моторный катер, устроив ступеньки под окнами семейного общежития, где он жил с женой и сыном. Он построил его довольно быстро и ездил на нем с семьей и приятелями по Волге, останавливаясь с ночевкой на островах. Моторный катер являлся формой изобретательского самовыражения Юры, так как КБ с его жесткими правилами не всегда давало такую возможность.

Ближе к пятидесяти годам у Юры случился инфаркт. Он очень серьезно отнесся к его лечению и профилактике следующего, так как два его брата (старший и младший) скончались от аналогичной сердечной болезни. Притом неожиданно: старший брат умер в туристическом походе.

После пятидесяти лет у Юры был второй инфаркт и он ушел из жизни, не вполне реализовав те богатые возможности, которыми одарила его Природа.

КОСОВ АНДРЕЙ

Косов Андрей Михайлович, уроженец города Гуся Хрустального, 1925-го года рождения был старше всех нас чуть более, чем на десять лет, все пять лет жил в нашей 418-ой комнате, причем, безвыездно, потому что в Гусе Хрустальном у него никого из родственников уже не было.

Помимо способности к инженерно-техническим предметам, он проявлял явный интерес к музыке, так как мог безошибочно назвать автора и название произведения любого музыкального отрывка, передаваемого по радио, и был способным художником-самоучкой. Так, будучи уже на старших курсах, он однажды взялся рисовать маслом копию картины Василия Теркина, чем удивил многих наших однокурсников. Помимо Василия Теркина им было нарисовано еще несколько картин, одну из которых с видом на снежную гору Кавказа он подарил мне. Меня он неоднократно приглашал с собою в художественный магазин-салон Казани, стараясь при этом научить меня правильному восприятию живописи, за что позднее я был ему премного благодарен.

На работу после окончания КАИ он был распределен на Красногорский механический завод и, как участник Великой Отечественной войны, сразу получил комнату в трехкомнатной квартире, в которой и прожил всю свою оставшуюся жизнь.

Во время моих московских командировок я у него часто бывал, и мы, нередко, вместе с ним по выходным дням предпринимали совместные поездки по культурно-историческим местам Москвы и Подмосковья. А когда я переехал жить в Дубну, мы с ним до последних дней его жизни поддерживали дружеские отношения, на основании которых, надеюсь, я имею какое-то право писать о том, что Андрей был человеком основательным, порядочным, трудолюбивым, обладал разносторонними способностями и, как сказала хорошо знавшая его женщина из Красногорска, был человеком талантливым. Он глубоко любил свое Отечество и поэтому очень переживал, когда в годы так называемой перестройки, все начало рушиться и валиться.

Последние годы перед пенсией он работал в институте астрофизики, занимаясь настройкой и регулировкой сложнейших систем, используемых в космической технике и, в связи с этим, бывал в командировках в Байкануре.

Где-то на рубеже 60-70-х годов он пытался обзавестись семьей, женившись на женщине по имени Надежда, но почему-то их совместная жизнь не получилась, они развелись и все оставшиеся после этого годы он провел холостяком.

После выхода на пенсию Андрей основательно занялся живописью и возобновил свои любимые поездки на теплоходе по маршруту Москва-Астрахань-Москва, но вскоре в стране все рухнуло и эти поездки ему пришлось прекратить.

Будучи участником Великой Отечественной войны, он вполне мог пользоваться многими льготами, но это было не в его характере и он до последних дней своей жизни прожил в той небольшой комнате, которую получил в первый год своей работы на заводе в старом брусчатом доме, предназначавшемся на снос.

Однажды, приехав к нему в декабре 1997-го года, я никак не мог до него достучаться. Наконец, на мой стук вышла женщина из соседней квартиры и сообщила мне, что недели две тому назад Андрея увезли на скорой помощи. В больнице тоже долго его не могли найти ни в какой палате, пока не обнаружили запись о том, что он скончался и отвезен в морг. Так я постепенно вышел на товарища по работе Толю Кудряшова, который сообщил мне о подробностях последних дней земной жизни

Андрея и о том, что он по всем принятым правилам на средства военкомата похоронен на Красногорском кладбище. При этом в личных вещах его, в каком-то потаенном кармане, был обнаружен нательный крестик, который Андрей всегда носил с собою. Господи, упокой душу раба Твоего Андрея.

КОСЕНКО БОРИС

Он окончил Ростовское на Дону) авиационно-техническое училище с отличием (. Был включен в число 5 процентов лучших выпускников, что давало право на зачисление в ВУЗ по соответствующей специальности без вступительных экзаменов и медалистам. (Медалисты — это выпускники школ, награжденных золотыми или серебряными медалями). В последующие годы почти все пятипроцентники и медалисты должны были сдать профилирующие экзамены на отлично для зачисления в институт. Это был стройный молодой человек весьма приятной наружности: гладкая кожа лица с румянцем на щеках, прямыми темно-русыми волосами, зачесанными назад. Он был сдержан в разговорах, нетороплив в движениях и очень аккуратен. Он, в отличие от многих из нас, выходил на улицу в начищенных ботинках, выглаженных брюках и кителе полувоенного покроя. Он владел многими житейскими навыками: чинил свою обувь (для этого у него был свой инструмент: лапка, шило, бритва и т.п.), мог сшить что-нибудь из одежды, починить розетку и т.п. Он хорошо готовил и поэтому застолья в к. 410 (по поводу праздников 7 ноября, Нового года, 1 мая, окончания сессии, начало семестра и т.д.) включали в себя хорошо приготовленные под его руководством холодные и горячие блюда. В этих застольях часто принимали участие Ренат и Равиль, а приглашались иногда девушки.

Его жизненный опыт (он был на 1-2 года старше нас и видимо учился в Ростове один, так как его родители жили в одной из станиц в Ростовской области) и серьезность делали его, как теперь говорят, неформальным лидером группы, особенно на первых двух курсах. К его мнению, которое он излагал аргументировано и неторопливо, всегда прислушивались, часто соглашались с ним. Борис обладал большим чувством юмора, любил шутки и розыгрыши. Вот пример одного из его розыгрышей: шел госэкзамен по военной подготовке. Экзамен — ответственный, по его результатам нам присваивалось военное офицерское звание младшего лейтенанта авиации. В нашей группе во время сессии естественно выделялось две подгруппы: одни любили сдавать экзамен в первой половине (на свежую голову) другие во второй (получая дополнительные несколько часов на подготовку к экзамену). Женя Сбоев и Борис обычно сдавали экзамены во второй половине. Прибегает запыхавшийся, чтобы не опоздать на экзамен, Женя. У дверей аудитории, где проходит экзамен стоит Борис, который только что пришел, но уже заглянул в аудиторию. Аудитория имела странный вид: в ней стояли в одном углу только 4 стола. За одним сидела комиссия из трех старших офицеров, а напротив них на трех остальных сидели студенты, получившие экзаменационный билет и готовившиеся к ответу. Остальная часть большой аудитории была пуста, возможно в связи с ее ремонтом и потому из нее вынесли столы и стулья. Стол комиссии стоял недалеко от двери и студент, сдавший экзамен, приглашал очередного студента на экзамен. Последний должен был войти в аудиторию строевым шагом, пройти 5-6 шагов до стола комиссии, повернуться к ней, отдать часть и доложить, что студент (такой-то) прибыл для сдачи госэкзамена по военной подготовке.

Женя, видимо не знал об этой процедуре и спросил Бориса, как входить. Тот спокойно отвечает: «по коробочке», поворачивая в углах аудитории. Из курса основы авиации мы знали, что самолет перед посадкой делает круг (эллипс) над местом посадки. Этот эллипс, точнее квадрат со скругленными углами, называется «коробочкой». Когда подошла Женина очередь он строевым шагом дошел до стены аудитории противоположной двери, затем вдоль этой стены до угла, затем до следующего угла и т.д., завершив свое движение, стал лицом к комиссии, отдал честь, доложил как положено. Председатель комиссии спрашивает его: «Студент Сбоев что за пируэт вы исполнили». Ничего не подозревающий Женя спокойно отвечает: зашел по «коробочке». Долго не затухающий смех комиссии и студентов разнесся по пустынной аудитории.

К сожалению, после окончания института мы потеряли связь с Борисом и его дальнейшая судьба нам неизвестна.

ЧИЖОВ АНАТОЛИЙ

Промыслом Божиим получилось так, что судьба свела меня в далекие студенческие годы с Чижовым Анатолием Алексеевичем, теперь уже бывшим директором Самарского завода «Прогресс», который выпускал знаменитые на весь мир королевские ракеты, уносившие на своем борту в далекие космические дали всех наших космонавтов, начиная с Юрия Гагарина. Просто даже как-то не

верится, что все это действительно было на самом деле, а тем более, могли ли мы представить с тем же Толей Чижовым пятьдесят лет тому назад, что все это может быть. Фантастика какая-то!

Впервые мы с ним встретились во время собеседования при поступлении в институт, при этом наши койки-раскладушки, во время ночлега в спортзале первого учебного здания КАИ оказались рядом, и мы даже с ним перед сном успели поспорить о правиле рычага, правда о сути спора я уже вспомнить ничего не могу.

При вселении в новое общежитие наши койки опять оказались рядом, его койка у окна, а моя справа, у стены. Поскольку с началом каждого нового учебного года мы договорились перемещать свои спальные места на один шаг по часовой стрелке, то на последнем, пятом, курсе я спал на его койке у окна, а он на моей.

Как-то на нашей общекурсовой встрече в Арзамасе, за праздничным столом, вспомнили о Толе, в частности, о том, что вот удивительный пример того, что простой деревенский парень из Пензенской области, без всяких связей, стал директором такого завода. При этом Юра Старцев, сам будущи директором Арзамасского приборного завода, как-то с раздумьем, заметил, что без поддержки сверху в нашей, бывшей уже теперь, системе такое невозможно.

По дороге домой, в поезде, мы, группа участников этой встречи, вспомнили еще раз о Толе и после довольно серьезного обсуждения этой темы пришли к тому, что он, Толя, в момент окончания института, оказывается, был твердо уверен в успехе своей инженерной карьеры. Эта уверенность была результатом выполнения длительной, напряженной, целенаправленной работы над формированием своей анкеты, основными пунктами которой, в частности, было:

- свидетельство об окончании школы с медалью
- красный диплом инженера
- красная книжка члена КПСС
- свидетельство о браке, как признак серьезного отношения к жизни.

По словам Толи, он, после успешного окончания школы с медалью, один год отработал в своем селе завклубом, и только после этого подал документы о поступлении в институт. Мне кажется, что это тоже было одним из пунктов его программы по формированию своей анкеты. Составить и самоотверженно исполнить такую программу простому деревенскому пареньку без чьего-то внушительного вразумления, практически, невозможно.

Последние три пункта этой программы выполнялись на моих глазах. Красный диплом дался ему ценою отдачи учебе всех своих сил на протяжении всех пяти лет обучения в институте, практически без всяких развлечений, не говоря уже о каких-то там глупостях.

В партию он вступил тоже целенаправленно уже в конце обучения в институте.

Девушками заинтересовался тоже к концу обучения, а до этого никаких свиданий и расставаний не было и в помине. Причем к делу приступил решительно, стал ходить на студенческие вечера и на одном из вечеров в финансово-экономическом институте познакомился со своею избранницею. А в самом конце пятого курса обучения была сыграна студенческая свадьба. Таким образом, на преддипломную практику он ехал уже женатым человеком.

После окончания института с Толей мне встречаться не приходилось, так как на наши институтские встречи он ни разу не приезжал, но из разговоров с однокурсниками, работавшими вместе с ним было известно, что Толя был избран председателем совета молодых специалистов и много лет, даже после того, как он сам перестал уже быть молодым специалистом, продолжал оставаться в этой должности, при этом постоянно общаясь с руководством завода.

Что было дальше знает сам Толя, но он почему-то пока не дал ответа на наше предложение принять участие в написании этой книги воспоминаний и потому я решил, помолившись, взяться за это деликатное, но, как нам кажется, необходимое дело. Прости меня, Толя, дорогой, если я в чем-то, не дай Бог, ошибся или чем-то огорчил тебя, но ты наш бывший товарищ и потому мы не хотим исключать тебя из круга описываемых нами событий.

ШАЛАГИН ИВАН

С Шалагиным Иваном мы вместе в одном классе, за одной партией учились в 8-10-ых классах Косолаповской средней школы, в которую я перешел после окончания Пустопольской семилетней школы. При этом познакомился мы с ним еще до начала школьных занятий через общего нашего знакомого Женю Рукавишника и первый день знакомства провели в длительной прогулке по окрестностям села Косолапово, о чем-то увлеченно рассказывая друг другу.

И так, как говорится, душа в душу, мы провели целый учебный год, едва ли не каждый день, помимо школы, встречаясь еще и после занятий, так как больничный городок, в одном из домов которого жили мои родственники и я с ними, и здание пожарной охраны района, в котором находилась квартира Шалагиных, располагались совсем рядом, буквально через дорогу. Квартира была служебной, которую отец Ивана, Кузьма, занимал, как начальник пожарной охраны района, да и мать Ивана, Раиса, тоже, видимо, была в штате пожарной охраны, потому что когда бы я к ним ни приходил, она всегда была дома. У Ивана была еще сестренка Галина, младше его не несколько лет. Семья была крепкая, дружная и когда бы я к ним не заходил на протяжении многих лет, всегда попадал в спокойную и доброжелательную обстановку.

Этот, первый год учебы в Косолаповской школе, был, наверное, самым счастливым годом всей моей жизни, настолько наша дружба с Иваном была сильна и значительна. И, естественно, она, как всякое доброе дело, была видна и согревала своим добрым светом души окружающих нас одноклассников, учителей, родственников. При этом как только нас не называли, и иголкой с ниткой, и еще как-то, не помню уж.

В девятом классе на нас с Иваном возложили очень серьезные общественные обязанности, его избрали председателем ученического комитета школы, а меня секретарем школьной комсомольской организации и, таким образом мы оказались в поле зрения и внимания уже не только своего класса, но и всей школы.

В десятом классе, после перевыборов, Иван стал старостой класса, а я секретарем комсомольской организации класса.

По окончании школы и поступлении в КАИ, без всяких усилий с нашей стороны, мы с Иваном опять оказались вместе, во-первых, в одной учебной группе, и, во-вторых, в одной комнате общежития и, таким образом, еще пять лет прожили в непосредственной близости друг к другу. Ивана с первых дней в институте назначили старостой нашей группы, и он добросовестно все пять лет эту нагрузку нес так, что приобрел заслуженное уважение, полагаю, всех товарищей по группе. Не сомневаюсь, что этот опыт живой работы с людьми ему очень пригодился на производстве.

Помимо нас с Иваном, в нашей группе было еще два школьных товарища, Альберт Александров и Юра Куй-Беда. Вот какое удивительное совпадение.

После окончания института все мы разъехались по распределению в разные города, Иван в Ульяновск, я в Красноярск, Юра в Самару, Альберт в Саратов. Иван до самой пенсии проработал на Ульяновском приборном заводе, не сомневаюсь, что добросовестно и плодотворно. За это время мы с ним несколько раз встречались на наших общекурсовых встречах выпускников, а также время от времени обменивались письмами и телефонными звонками, из которых мне известно, что он вырастил двоих сыновей, а сейчас занимается воспитанием внука, в котором души не чает.

Еще известно, что многие годы после выхода на пенсию, в связи с последствиями, так называемой, перестройки, ему приходится подрабатывать на жизнь, работая ночным сторожем в школе.

Встречаясь последние три года с товарищами у Александровых на даче, я невольно обратил внимание на то, какую удивительно тесную дружбу сохранили до сих пор Юра Куй-Беда и Альберт, о которой словами рассказать, наверное, просто невозможно. Признаюсь, что смотреть на проявление этой, действительно, удивительной дружбы, мне и радостно и одновременно грустно. А грустно оттого, что нам с Иваном Шалагиным подобную дружбу сохранить удалось всего лишь на один год, а потом она как-то постепенно, по непонятным для меня причинам стала терять свое внутреннее содержание и плавно перешла просто в товарищеские отношения. Признаюсь, что я болезненно переживал эти изменения, но что-либо реально изменить был не в состоянии.

Сейчас, подходя по христиански к этому вопросу, я, во-первых, от всей силы своей души благодарю Господа за невыразимое словами счастье первого года нашей дружбы с Иваном.

Во-вторых, от всего сердца прошу Ивана простить меня за все вольные и невольные огорчения, которые я, несомненно, доставил ему за все годы нашего знакомства, а Господа прошу простить все мои согрешения, в том числе и те, за которые Он попустил мне эти, настолько болезненные, но, несомненно, полезные для моей души скорбные переживания. Слава Тебе, Господи за все!

В-третьих, приглашаю Ивана и всех невоцерковленных читателей этих строк встать на путь спасительной православной веры с твердой надеждой на то, что Господь вернет всем нам благодать, утраченную нами по своей неосмотрительности в условиях этой реальной и очень пораженной грехами жизни.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО КНИГЕ

Подходит к концу работа над книгой наших воспоминаний, идея написания которой, действительно, как об этом писал выше Альберт, принадлежит мне. Но эта идея возникла не на пустом месте, а, как я уже писал в разделе «Наши встречи», была моей попыткой найти ответы на желание Саши Михайлова узнать о том, чем занимались наши товарищи все эти годы и на его недоуменный вопрос о том, как можно совмещать высшее образование с верой в Бога. Я, как верующий человек, просто обязан был как-то попытаться ответить, хотя бы, на второй его вопрос. Но получилось так, что ответом Саше на его серьезные вопросы стала вся эта книга.

Практическим же воплощением этой идеи в жизнь мы целиком обязаны Александровым Альберту и Алевтине. Альберт не только решительно поддержал идею книги, но и в короткий срок первый, в качестве примера для подражания, представил на наше обозрение свою часть рукописи, а все наши встречи на их даче во Фрязево, как и другие встречи в Москве, Менделеево, Дубне стали, практически, рабочими совещаниями по составлению этой книги.

И на второй Сашин вопрос он дал такой же решительный и исчерпывающий ответ и делом, крестившись, обвенчавшись с Алевтиной после пятидесяти лет семейной жизни и воцерковившись, а так же и словом, в разделе «Тропинка к храму» серьезно и по существу описав свои духовные поиски и, подтвердив этим то, что не только высшее образование, но и докторское и профессорское звание не являются препятствием к вере в Бога и исполнению всех Церковных таинств.

Этот наглядный и несомненный факт ясно говорит о том, что причину своего нежелания перешагнуть порог храма Божия надо искать не в уровне своего образования, интеллектуального развития и информированности в каких-то религиозно-философских вопросах, а где-то совершенно в другом месте.

Вторым свою рукопись прислал мне Юра Куй-Беда. Через некоторое время он прислал продолжение к своей рукописи под названием «Начало пути к Богу». Второй автор и второй воцерковленный товарищ. После этого у меня появилась надежда на то, что есть реальная возможность для написания книги.

Я серьезно взялся за свою часть рукописи примерно год назад, когда у меня появился компьютер, а до этого делал карандашные наброски на разные темы и из своего личного опыта могу сказать, что основная причина малочисленности нас, авторов этой книги, та, что все очень заняты своими делами и просто не представляют где можно выкроить время на это, казалось бы не очень важное, дело. Но, если бы они только знали насколько это дело интересное и полезное для души, то время бы нашлось. Наглядным примером к тому является Саша Михайлов. Он, действительно, очень занят, но каким-то чудом удалось его уговорить взяться за составление рукописи, первую часть которой он представил Альберту только 28.04.10 года, а сейчас он чуть ли не со слезами просит дать ему возможность поработать над рукописью еще хотя бы недельку. При этом у него открылись явно писательские способности, что очень радует нас.

Я прошу прощения и у своих товарищей-соавторов и у читателей за то, что моя часть книги получается самая объемная. Так получилось потому, что, во-первых, мне пришлось по благословению трех батюшек описывать о своем пути к Богу и о том, как издавались посевные и православные календари и книги, а так же потому, что только в Дубне довелось поработать на шести предприятиях и о каждом из них нужно что-то написать. Конечно, такая обширная трудовая география не очень украшает меня, но зато я сейчас имею возможность не с чьих-то слов, а из своих личных наблюдений и переживаний написать свои воспоминания о сотрудниках и самом духе этих, основных наших градообразующих предприятий. И эти воспоминания вместе с разделом о моих календарях и книгах, в котором подробно описано о моих духовных наставниках, о спонсорах, благодетелях и всех многочисленных помощниках в издательских делах составляют кусочек живой истории нашего небольшого, но, как оказывается, очень значимого города.

И еще, в порядке завершения темы истории о Дубе, особенно для иногородних читателей, хочется хотя бы кратко сказать о том, что наш город не только вот уже несколько лет входит в число городов-наукоградов, но и очень активно практически внедряется в так называемую особую экономическую зону (ОЭЗ), в рамках которой на левом берегу Волги строится Российский программный центр (с расчетом на 30 тысяч новых жителей), причем, комплекс основных офисных зданий уже

построен, а на правом берегу, тоже совершенно на новом месте, проложены дороги и коммуникации и подготовлены площади для строительства более чем десятка промышленных объектов ОЭЗ.

Правда, с тех пор как в прессе начались разговоры о строительстве нового научного центра в Сколково, на строительных площадках, да и на страницах газет Дубны наступило затишье, но буквально позавчера, 07.07.10 года мэр Дубны по местному телевидению заверил жителей города о том, что программы в рамках ОЭЗ не отменяются и уже начинается оживление работ на этих объектах

Дай то Бог, чтобы так оно все и было!

Не менее дорога для меня судьба и моей малой Родины — деревни Овсянниково, села Косолапово и города Уржума, где прошли мои детские и школьные годы, о современном состоянии которых приходится писать со слов родственников и земляков.

А в целом эта книга является попыткой четверых товарищей-однокурсников КАИ достоверно описать свои впечатления, наблюдения и раздумья о событиях, свидетелями которых им довелось быть и о людях, с которыми пришлось переживать эти события на протяжении вот уже более семи-десяти лет своей жизни.

И помоги нам, Господи, закончить это дело с пользой для людей и во славу Твою!